Очерки изъ исторіи европейскихъ народовъ

III.

Историческій очеркъ
Польскаго сейма

Н. Карѣева.

МОСКВА
Типографія А. И. Мамонтова и К°, Леонтьевскій пер , № 5.
1888.

Предисловіе.

Почти одновременно съ этой книжкой мы издаемъ большой критико-библіографическій обзоръ подъ заглавіемъ «*Паденіе Польши» въ исторической литературѣ;* въ немъ, между прочимъ, говорится о важности исторіи польскаго сейма для пониманія причинъ, приведшихъ Рѣчь Посполитую къ внутреннему разложенію, и въ общихъ чертахъ указывается на то, въ чемъ именно заключалась исторія польскаго сейма. Настоящій очеркъ представляетъ изъ себя развитіе и обоснованіе общаго взгляда, высказаннаго въ упомянутой книгѣ. Мало того: онъ даже возникъ изъ болѣе короткаго очерка, который долженъ былъ составлять часть послѣдней главы «*Паденія Польши» въ исторической литературѣ,* и только постепенно распространяясь, достигъ размѣровъ, заставившихъ меня издать его особо отъ упомянутой книги. Редакція московскаго „Юридическаго Вѣстника“ гостепріимно открыла для него свои страницы, и сначала на нихъ были помѣщены всѣ его главы, за исключеніемъ пятой, которая тутъ печатается въ первый разъ, равно какъ за исключеніемъ почти всѣхъ подстрочныхъ примѣчаній, прибавленныхъ къ тексту въ настоящей книгѣ*). Въ отдѣльномъ изданіи я включаю этотъ историческій этюдъ о польскомъ сеймѣ въ серію своихъ *Очерковъ изъ исторіи европейскихъ народовъ*, какъ по счету третій, слѣдующій за *Очеркомъ исторіи французскихъ крестьянъ съ древнѣйшихъ временъ до 1789 г.* (Варшава. 1881) и за *Очеркомъ реформаціоннаго дви-*

*) Вступленіе и I глава были помѣщены въ майской книжкѣ «Юрид. Вѣстн.» за 1888 г., II и III—въ двойной книжкѣ за іюнь и іюль, IV—въ августовской и VI—въ сентябрьской.

женія и католической реакціи въ Польшѣ (Москва. 1886). Въ скоромъ времени я предполагаю присоединить къ нимъ четвертый—о политическихъ партіяхъ и общественныхъ реформахъ въ Польшѣ въ эпоху ея паденія, чѣмъ, замѣчу кстати, объясняется нѣкоторая неполнота послѣдней главы этого очерка, посвященной реформамъ послѣдней трети XVIII в.

Н. Карѣевъ.

С. Аносово (Сычев. у., Смол. губ.)
17 іюля 1888 г.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

La diète—rien ne la gouverne, mais rien ne l'obéit.

Rousseau. Considérations sur le gouvernement de Pologne.

Въ исторіи представительныхъ учрежденій, особенно въ сравненіи съ однородными учрежденіями на западѣ, сеймъ, которому принадлежала высшая власть въ польской Рѣчи Посполитой, является съ характеромъ настолько своеобразнымъ, что можетъ быть названъ единственнымъ въ своемъ родѣ. Особенности этого учрежденія, первоначально не внушавшія полякамъ мысли о его непригодности для правильной государственной жизни, во второй половинѣ прошлаго столѣтія обратили на себя вниманіе и отечественныхъ, и иностранныхъ публицистовъ, въ общемъ довольно согласно признававшихъ необходимость коренной реформы сейма, указывавшихъ на одни и тѣ же его недостатки, но неодинаково понимавшихъ, гдѣ именно искать корня этихъ недостатковъ и въ чемъ видѣть спасеніе для Рѣчи Посполитой, которая приходила въ упадокъ, благодаря между прочимъ дурной организаціи своего сейма. Давая политическіе совѣты полякамъ, иностранные публицисты — именно Руссо и Мабли—исходили, главнымъ образомъ, изъ отвлеченныхъ принциповъ своихъ политическихъ доктринъ, тогда какъ польскіе писатели старались преимущественно представить историческое оправданіе своихъ политическихъ взглядовъ и вслѣдствіе этого должны были такъ или иначе искать въ прошломъ своей родины причинъ того «безнарядья», какимъ по поговоркѣ (nierządem Polska stoi) стояла Польша. Въ послѣднемъ отношеніи польская публицистика распалась на два лагеря, монархическій и республиканскій, отличавшіеся одинъ отъ другаго не только въ пониманіи средствъ, наиболѣе дѣйствительныхъ, по ихъ мнѣнію, для изцѣленія недуговъ Рѣчи Посполитой, но и въ представленіи всего политическаго прошлаго польской націи. Публицисты-монархисты видѣли при-

чину всѣхъ золъ въ ослабленіи первоначально крѣпкой монархической власти, въ избирательномъ престолѣ, тогда какъ писатели республиканскаго лагеря утверждали, что Польша искони была вольной Рѣчью Посполитой, избиравшей своихъ королей, и что единственное средство спасенія заключалось въ возвращеніи государства къ первоначальному своему строю. Хотя ни тотъ, ни другой лагерь не могли при этомъ не касаться организаціи и исторіи сейма, тѣмъ не менѣе оба проходили какъ-то мимо наиболѣе существенныхъ вопросовъ: одни все свое вниманіе обращали на королевскую власть, вслѣдствіе чего національное представительство отступало для нихъ на задній планъ, не въ томъ смыслѣ, чтобы они не думали пользоваться его услугами, а въ томъ, что главный вопросъ для нихъ заключался въ болѣе правильной постановкѣ королевской власти; другіе не могли многаго понять въ явленіяхъ современной жизни вслѣдствіе совершенно невѣрнаго освѣщенія прошлаго Рѣчи Посполитой, и, видя свой идеалъ уже разъ осуществленнымъ въ первобытной Польшѣ, принимали за исконныя и за достойныя быть сохраненными такія черты своего политическаго быта, которыя въ сущности имѣли позднѣйшее происхожденіе и должны были быть уничтожены, съ какой бы точки зрѣнія ни смотрѣть на дѣло. Правда, о сеймѣ очень много писали старые составители руководствъ по государственному праву Рѣчи Посполитой [1]), но они обыкновенно имѣли въ виду чисто практическія цѣли безъ всякой мысли о какихъ бы то ни было реформахъ, и историческія части ихъ работъ были скорѣе сборниками извѣстнымъ образомъ классифицированныхъ фактовъ, нежели дѣйствительно историческими обзорами.

Въ такомъ положеніи находился вопросъ о польскомъ сеймѣ въ послѣдніе годы Рѣчи Посполитой. Новѣйшая польская исторіографія чуть не до самаго послѣдняго времени повторяла поперемѣнно монархическія и республиканскія идеи публицистовъ второй половины XVIII вѣка [2]), что удаляло ее отъ правильной и совершенно научной

---

1) *Chwalkowski*. Regni poloni jus publicum (лучшее изданіе кёнигсбергское 1684 г.). *Hartknoch*. Exercitatio ad Chwalkowski jus publicum. 1658. *Его же*. Respublica polona. 1678.—*Zalaszowski*. Jus regni polonici. 1702. *Lengnich*. Jus publicum regni poloni. 1742—1746.—*Skrzetuski*. Prawo polityczne narodu polskiego. 1782—1784. Лучшее и наиболѣе авторитетное изъ этихъ сочиненій—Ленгниха (въ двухъ томахъ). Имъ мы между прочимъ и пользовались при изученіи польскаго сейма (въ данцигскомъ изд. 1765—66 гг.).

2) См. *Wł. Smoleński*. Szkoły historyczne w Polsce. 1887. См. также главы I и II моей работы подъ заглавіемъ «Паденіе Польши въ исторической литературѣ».

постановки вопроса о сеймѣ, тѣмъ болѣе, что съ паденіемъ государства исчезъ прежній практическій интересъ къ «jus publicum polonum», коимъ охотно занимались въ XVII и XVIII вв. Издавая лѣтъ двадцать тому назадъ свою «Verfassung der Republik Polen», нѣмецкій ученый Зигфридъ Гюппе имѣлъ полное право сказать въ предисловіи: «предметъ трактуется здѣсь въ первый разъ въ свѣтѣ новой науки. Изображенія польскаго государственнаго права нѣтъ даже на польскомъ языкѣ со времени паденія государства» [3]). Впрочемъ, это право нѣмецкій ученый сохранилъ бы и до самаго послѣдняго времени.

Между тѣмъ польскій сеймъ—такое крупное явленіе въ прошломъ Рѣчи Посполитой, и у науки имѣется въ распоряженіи столько данныхъ для болѣе или менѣе подробной исторіи этого учрежденія, что давно пора было польскимъ историкамъ подумать о специальномъ изслѣдованіи сейма. Начало этой работѣ было положено весьма недавно профессоромъ варшавскаго университета А. И. Павинскимъ, занимающимъ и должность директора главнаго архива Царства Польскаго, откуда имъ было извлечено немалое количество историческихъ матеріаловъ. Онъ только что обнародовалъ большой трудъ подъ общимъ заглавіемъ «Исторія куявской земли и историческіе къ ней акты» [4]): первый томъ этого изданія представляетъ изъ себя обширное изслѣдованіе «правленія сеймиковъ въ Польшѣ» отъ 1572 по 1795 гг., главнымъ образомъ, на основаніи куявскихъ отношеній [5]), а слѣдующіе четыре тома заключаютъ въ себѣ постановленія и инструкціи сеймиковъ, бывшихъ въ куявскихъ воеводствахъ въ означенную эпоху существованія польскаго государства [6]). Въ предисловіи къ этому труду почтенный авторъ прямо говоритъ, что предметъ, коему мы посвящаемъ этотъ историческій этюдъ, совсѣмъ почти не разработанъ въ польской наукѣ. «О польскомъ самоуправленіи (мѣстномъ), говоритъ онъ, нѣтъ не только никакой работы, но даже сколько-нибудь подробнаго упоминанія въ научной литературѣ западной и центральной Европы. Нечему тутъ удивляться, потому что и въ нашей

---

[3]) *Siegfried Hüppe.* Verfassung der Republik Polen. Berlin. 1867. Vorwort, IX. Въ видѣ исключенія назовемъ оставшуюся нѣмецкому автору неизвѣстной работу *Гофмана* «Obraz rządu i prawodawstwa dawnej Polski» (Przegląd Poznański. 1847—49).

[4]) *A. Pawiński.* Dzieje ziemi kujawskiej oraz akta historyczne do nich służące. Warszawa. 1888.

[5]) Rządy sejmikowe w Polsce na tle stosunków województw kujawskich.

[6]) Lauda i instrukcye sejmikowe. 4 тома.

собственной литературѣ этого нѣтъ. Наука польской исторіи еще не дала отвѣты на такіе вопросы, а дать ихъ не могла хотя бы потому, что и не ставила себѣ подобныхъ вопросовъ.... Другія сферы государственной жизни, говоритъ онъ далѣе, которыя должны сдѣлаться предметомъ изученія при болѣе широкихъ требованіяхъ отъ науки, находятся также въ нѣкоторомъ пренебреженіи. Исторія законодательной власти, исторія сеймовъ едва-едва тамъ и сямъ затронута, а между тѣмъ это—исторія того великаго и важнаго органа, въ которомъ вырабатывается коллективная мысль народа и является въ формѣ закона, приговора или конституціи, а этотъ законъ, этотъ приговоръ даетъ направленіе жизни, намѣчаетъ цѣли, указываетъ на средства ихъ осуществленія. Удовлетворить столь настоятельной потребности въ дѣлѣ столь жизненномъ, важномъ, первостепенномъ для науки—должно быть обязанностью ближайшаго будущаго» [7]). Впрочемъ, именно только отъ будущаго историкъ ожидаетъ такой работы [8]): настоящее еще не можетъ, по его мнѣнію, осуществить эту задачу [9]). Разумѣется, что при этомъ проф. Павинскій имѣетъ въ виду полное и обстоятельное изслѣдованіе предмета, ибо, какъ мы полагаемъ, для общаго очерка исторіи польскаго сейма и въ данную минуту мы обладаемъ и достаточнымъ матеріаломъ, и въ извѣстной степени выработанными научными положеніями. Самъ авторъ мѣстнаго самоуправленія въ Польшѣ значительную часть своего труда посвящаетъ вопросу объ отношеніи сеймиковъ къ сейму, — вопросу, какъ мы увидимъ, весьма важному въ исторіи послѣдняго.

Матеріалъ для исторіи сеймовъ заключается въ такъ называемыхъ «діаріяхъ», или дневникахъ сеймовъ, сохранившихся въ рукописяхъ, и только въ наше время напечатанныхъ [10]), или же увидѣвшихъ свѣтъ

---

7) *A. Pawiński*. Rządе sejmikowe, стр. IV и V.

8) Wypadało by, do czego niewątpliwe z czasem przyjdzie, skreślić obraz ustawodawstwa sejmowego. *Ibid.*, 333.

9) Nie stać nas jeszcze na spełnienie tak wielkiego zadania. *Ibid.*, 334.

10) Таковы дневники сеймовъ XVI в. Въ 1861 г. въ Źródłopismach do dziejów unii, изданныхъ въ 1861 г. въ Познани *Дзялынскимъ*, помѣщены дневники сеймовъ піотрковскаго 1562—63 и варшавскаго 1564 г.; въ Bibliotece Ordynacyi Krasińskich (Warszawa. 1868) *Хоментовскій* напечаталъ діарій піотрковскаго сейма 1565 г., въ 1869 г. въ Краковѣ были изданы Dzienniki sejmów walnych koronnych za panowania Zygmunda Augusta 1555 i 1558 r. w Piotrkowie złożonych; въ томъ же году наша Археографическая коммиссія издала дневникъ люблинскаго сейма 1569 г. (редакція *проф. Кояловича*), отъ котораго сохранился и другой дневникъ, изданный въ Познани въ 1856 г. *Дзялынскимъ* (Porzandne spiszanie wszitkiego seyma walnego koronnego ktori beł celebrowan

въ печати вскорѣ послѣ своего составленія [11]), равно какъ извѣстія объ отдѣльныхъ сеймахъ можно найти въ лѣтописяхъ, мемуарахъ и т. п., а результаты ихъ дѣятельности — въ сборникахъ «конституцій», т. е. сеймовыхъ постановленій и т. д. Кромѣ того, и въ исторической литературѣ существуетъ нѣсколько работъ объ отдѣльныхъ сеймахъ. Такъ, наприм., борьба шляхты съ духовенствомъ на сеймахъ въ серединѣ XVI в., о которой нами была написана статья на основаніи діаріевъ [12]), не разъ уже излагалась историками реформаціи въ Польшѣ [13]). Сеймы болѣе ранней эпохи (временъ Альбрехта и Александра) были предметомъ особой статьи проф. Бобржинскаго [14]); а за періодомъ борьбы шляхты съ духовенствомъ наступили междуцарствія, когда сеймамъ пришлось играть новую роль, такъ что и литература элекцій на польскій престолъ [15]) заключаетъ въ себѣ много по исторіи отдѣльныхъ сеймовъ. Особенно много сдѣлано по исторіи отдѣльныхъ сеймовъ для царствованія Станислава Августа, и здѣсь, конечно, на первомъ планѣ стоитъ «великій» или четырехлѣтній сеймъ, называемый иначе конституціоннымъ, о которомъ существуетъ между прочимъ капитальный трудъ Калинки [16]). Къ этой спеціальной литературѣ слѣдуетъ прибавить польскую политическую литературу, насколько она касалась сеймовъ. Не касаясь самихъ поли-

---

w Linblinie a. D. 1569); въ 1872 г. въ Краковѣ были обнародованы *проф. Шуйскимъ* Dyaryusze sejmów koronnych 1548, 53 i 70 г. (въ I томѣ Scriptorum rerum polonicarum).

11) Таковы напечатанные въ Варшавѣ дневники сеймовъ 1762, 1764, 1766, 1776, 1778, 1780, 1782, 1784, 1786 (cf. *Sozański*. Dyaryusz sejmu 1767. Lwów. 1866), а особенно разные матеріалы, касающіеся знаменитаго четырехлѣтняго сейма (1788 — 1792 гг.). Кромѣ того, печатались собранія сеймовыхъ рѣчей. Zbiór mòw sejmu 1773 — 1776 (три тома). Żbiór mów sejmu czteroletniego. (12 томиковъ).

12) Юридическій Вѣстникъ. 1881, сентябрь и октябрь.

13) *Romanowski*. Otia Cornicensia. Poznań. 1861.—*Zakrzewski*. Powstanie i wzrost reformacyi w Polsce. Lipsk. 1870.—*Жуковичъ*. Кардиналъ Гозій и польская церковь его времени. Спб. 1882.—*Н. Любовичъ*. Исторія реформаціи въ Польшѣ. Варшава. 1883.

14) *M. Bobrzyński*. Ustawodawstwo nieszawskie. Kraków. 1873. *Его же* Sejmy polskie za J. Olbrachta i Aleksandra (Ateneum. 1876). *R. Hube*. Statuta nieszawskie z roku 1454. Warszawa. 1875.

15) Указана отчасти въ моей книгѣ «Очеркъ реформаціоннаго движенія и католической реакціи въ Польшѣ». М. 1886. Стр. 23.

16) *Kalinka*. Sejm czteroletni. Kraków. 1880—1886. Въ русской литературѣ объ этомъ сеймѣ болѣе всего въ «Послѣднихъ годахъ Рѣчи Посполитой» Костомарова. О послѣднемъ польскомъ сеймѣ (гродненскомъ 1793 г.) см. польское соч. *Вегнера* (Познань. 1866) и русское—*Иловайскаго* (Москва. 1870).

тическихъ писателей въ Польшѣ, можно назвать нѣсколько авторовъ, которые дѣлали ихъ предметомъ своихъ изслѣдованій, и поскольку польскіе публицисты XV—XVIII вѣковъ говорили о сеймѣ, эти изслѣдованія могутъ быть важнымъ подспорьемъ при изученіи исторіи сеймовъ Рѣчи Посполитой [17]).

---

[17]) Первымъ польскимъ политическимъ писателемъ былъ Остророгъ, жившій въ серединѣ XV вѣка (См. о немъ работу проф. *Павинскаго*, изд. въ Варшавѣ въ 1884 г.). О польскихъ политическихъ писателяхъ XVI в. есть новая работа проф. краковскаго университета *гр. Тарновскаго*. Кромѣ того, см *Hoffman*. Historya reform politycznych w Polsce. Poznań. 1867. *Pilat*. Literatura polityczna sejmu czteroletniego (Przegląd Polski. 1872). *Kalinka*. Sejm czteroletni. 1886 (первая половина второй части втораго тома).

I.

Двѣ главныя особенности сейма въ Польшѣ.

Односословность и конгрессивность польскаго сейма.—Связь этихъ двухъ особенностей сейма съ общимъ направленіемъ политической исторіи Польши.—Возникновеніе односословности въ польскомъ сеймѣ: духовенство, дворянство и города въ Польшѣ.—Понятіе конгрессивности.—Противоположные примѣры генеральныхъ штатовъ и рейхстага.—Польскій сеймъ и англійскій парламентъ.—Истинная причина конгрессивнаго характера польскаго сейма.—Способъ объединенія прежнихъ удѣльныхъ княжествъ. — Что поддерживало существованіе обѣихъ особенностей польскаго сейма.—Привилегіи шляхты и самоуправленіе воеводствъ.

Сравнивая польскій сеймъ, организовавшійся къ концу XV и началу XVI в. и просуществовавшій до конца XVIII, съ аналогичными ему учрежденіями, которыя мы въ извѣстную пору находимъ во всѣхъ государствахъ Запада, а также и у насъ (земскіе соборы), мы прежде всего должны отмѣтить двѣ его особенности, объясняющіяся, какъ увидимъ, временемъ и способомъ его происхожденія и въ свою очередь объясняющія весьма многое въ политической исторіи Польши въ послѣдніе три вѣка ея самостоятельнаго существованія. Одна особенность—участіе въ сеймѣ одного только сословія, тогда какъ въ другихъ подобныхъ учрежденіяхъ, кромѣ дворянства, пользовавшагося этимъ правомъ въ Польшѣ, участвовали и другія сословія, — духовенство, горожане и даже, случалось, крестьяне; другая особенность та, что сеймъ Рѣчи Посполитой, будучи de jure представительнымъ учрежденіемъ одного государства, de facto получилъ характеръ международнаго конгресса пословъ отъ яко-бы совершенно самостоятельныхъ земель. Первое обстоятельство дозволило шляхтѣ сдѣлать сеймъ

орудіемъ своихъ сословныхъ интересовъ какъ въ ущербъ интересамъ общегосударственнымъ, такъ и къ крайней невыгодѣ другихъ сословій. Если съ теченіемъ времени шляхетскій сеймъ сдѣлался въ Польшѣ учрежденіемъ, надъ которымъ уже не было никакой высшей власти, то другое изъ указанныхъ обстоятельствъ, конгрессивный характеръ сейма, имѣло то слѣдствіе, что развилось гибельное *liberum veto*, дозволявшее одному послу своимъ несогласіемъ уничтожать всѣ рѣшенія этого собранія, и политическое значеніе у сейма стали оспаривать областные сеймики. Руссо, въ общемъ находившій польскую конституцію превосходной, отмѣчаетъ однако тотъ фактъ, что учрежденіе, надъ которымъ никто не господствуетъ, въ то же время не находитъ нигдѣ и повиновенія. «Ослабленіе законодательной власти, говоритъ онъ, совершилось въ Польшѣ особеннымъ и, можетъ быть, безпримѣрнымъ (unique) образомъ: дѣло въ томъ, что она потеряла свою силу, не будучи подчинена властью исполнительною. Еще въ настоящую минуту законодательная власть сохраняетъ весь свой авторитетъ; она въ бездѣйствіи, но ничего не имѣя выше себя, сеймъ обладаетъ верховенствомъ въ той же степени, какъ и во время своего установленія, и между тѣмъ онъ безсиленъ: ничто надъ нимъ не господствуетъ, но ничто ему и не повинуется» [1]). Послѣднія слова: «rien ne la domine, mais rien ne l'obéit», которыя я выбралъ и эпиграфомъ къ этому этюду, прекрасно характеризуютъ сеймъ Рѣчи Посполитой въ ту эпоху, когда впервые заговорили громко о необходимости его реформировать: шляхетскій сеймъ превратился въ учрежденіе, которому принадлежала въ Польшѣ верховная власть, но которому никто не повиновался. Захватъ верховной власти въ государствѣ однимъ сословіемъ и неумѣніе этого сословія организовать очутившуюся въ его рукахъ верховную власть—вотъ въ болѣе общей формулировкѣ два явленія въ развитіи польскаго государства, отразившіяся на своеобразномъ характерѣ существовавшаго въ немъ сейма. Верховная власть въ Рѣчи Посполитой принадлежала дѣйствительно шляхтѣ: во-первыхъ, лично каждый шляхтичъ, обладавшій населеннымъ имѣніемъ, былъ независимымъ и неограниченнымъ царькомъ по отношенію къ своимъ «подданнымъ» хлопамъ, и съ этой стороны Рѣчь Посполитая представляется намъ федераціей великаго множества мелкихъ абсолютныхъ шляхетскихъ монархій; во-вторыхъ, коллективно собиралась шляхта каждаго воеводства на сеймикъ, гдѣ рѣшала общія дѣла и выбирала отъ себя «пословъ» на общій сеймъ

---

[1]) *J. J. Rousseau.* Considérations sur le gouvernement de Pologne, chap. VII.

съ опредѣленными инструкціями и съ правомъ не соглашаться на постановленія, противныя этимъ инструкціямъ, такъ что каждое воеводство въ свою очередь было какъ-бы небольшой республикой, въ коей верховная власть принадлежала шляхетскому вѣчу; въ-третьихъ, вся шляхетская нація, время отъ времени высылавшая пословъ своихъ на сеймъ, собиралась для выбора своего политическаго главы, носившаго старое имя короля, но бывшаго въ сущности первымъ магистратомъ республики, и съ этимъ королемъ суверенная шляхта заключала договоръ, оставляя верховную власть за собою и донельзя ограничивая права и прерогативы короны. Такимъ образомъ суверенитетъ принадлежалъ и каждому шляхтичу лично, если только онъ былъ «possessionatus» (т. е. владѣлъ населеннымъ имѣніемъ), и всей шляхтѣ въ совокупности какъ въ отдѣльныхъ воеводствахъ на сеймикахъ, такъ и во всемъ государствѣ, причемъ на такъ называемыхъ «элекціонныхъ» сеймахъ вся шляхта непосредственно, т. е. поголовно (viritim), могла пользоваться своимъ суверенитетомъ. Захвативъ въ свои руки верховную власть, польская шляхта заботилась, однако, главнымъ образомъ не о томъ, чтобы организовать ее въ интересахъ государства, понятыхъ хотя бы и съ узко-сословной точки зрѣнія, а чтобы, такъ сказать, раздѣлить этотъ суверенитетъ поровну между всѣми членами сословія, главнымъ образомъ имѣвшими населенныя земли, съ одной стороны, и между отдѣльными воеводствами, изъ коихъ состояла Рѣчь Посполитая, съ другой; если сеймъ, который долженъ былъ бы представлять общегосударственные интересы, не имѣлъ права вмѣшиваться въ отношенія «пановъ» къ ихъ «подданнымъ» и постановлять что-либо противное желаніямъ пословъ отъ одного воеводства, то не можетъ быть и рѣчи о томъ, чтобы сеймъ въ Польшѣ, представлявшій собою шляхетское сословіе, былъ дѣйствительно организованнымъ средоточіемъ суверенитета,—позволю себѣ такъ выразиться,—разсѣяннаго въ этомъ сословіи. Шляхта могла захватить верховную власть потому, что она одна по причинамъ, о которыхъ будетъ сказано ниже, стала появляться на сеймахъ, все больше и больше получавшихъ участія въ законодательствѣ, а потомъ прямо превратившихся въ собранія съ законодательною властью. Понятно, что шляхта стала пользоваться своимъ значеніемъ въ государствѣ ради своихъ сословныхъ интересовъ, и однимъ изъ первыхъ ея дѣлъ было раздѣлить между собою поголовно верховную власть надъ хлопами, жившими на ея земляхъ: прежніе подданные государства стали подданными отдѣльныхъ лицъ шляхетскаго сословія. Послѣдніе однако сами не перестали быть подданными этого государства, превратившись

въ его гражданъ: кромѣ верховной власти по отношенію къ крестьянской массѣ, была въ Рѣчи Посполитой верховная власть по отношенію къ ея господамъ, и разъ послѣдняя перешла изъ рукъ короля въ руки самой шляхты, необходимо было дать этой власти новую организацію. Шляхта этого не сдѣлала: она скорѣе дезорганизовала то, что было организовано раньше, и въ замѣнъ старой власти не создала новой. Въ концѣ концовъ трудно было рѣшить, гдѣ надлежало искать суверенитетъ въ польской націи: суверенитетъ шляхты надъ крестьянскою массою несомнѣненъ, но этотъ коллективный государь Рѣчи Посполитой, любившій себя сравнивать съ державнымъ римскимъ народомъ, не имѣлъ ни народныхъ комицій, ни республиканскихъ магистратовъ, подобныхъ по своему значенію въ государствѣ тѣмъ, какіе существовали въ Римѣ. Въ концѣ же концовъ и сами поляки нашли формулу своего политическаго бытія въ знаменитомъ изреченіи, учившемъ нѣсколько поколѣній видѣть основу, на которой держится ихъ отечество, въ безнарядьѣ: «nierządem Polska stoi». Если захватъ верховной власти въ государствѣ однимъ сословіемъ стоитъ въ связи съ тѣмъ, что одно это сословіе стало составлять изъ себя сеймы, то развившееся въ Рѣчи Посполитой безнарядье тѣсно связано съ другимъ недостаткомъ: сеймы эти, вмѣсто того, чтобы сосредоточить въ себѣ власть, сдѣлались чѣмъ то въ родѣ международныхъ конгрессовъ, постановленія коихъ зависѣли отъ согласія единичныхъ представителей шляхты, а исполненіе этихъ постановленій—отъ доброй воли каждаго шляхтича въ отдѣльности. Какъ для появленія лишь одной шляхты на сеймахъ, такъ и для развитія ихъ конгрессивнаго характера, конечно, существовали свои особыя причины въ общественномъ и государственномъ бытѣ Польши въ ту эпоху, когда впервые стали собираться въ ней общіе сеймы. Сравненіе сейма съ англійскимъ парламентомъ, французскими генеральными штатами (états généraux) и нѣмецкимъ рейхстагомъ поможетъ намъ понять эти особенности главнаго учрежденія польской Рѣчи Посполитой.

Въ западно-европейскихъ представительныхъ собраніяхъ обыкновенно участвовали три сословія, т. е. духовенство, дворянство и горожане. Такъ какъ духовенство раздѣлялось на высшее и низшее, и первое имѣло въ государственной жизни неизмѣримо болѣе важное значеніе не только по своему положенію въ церкви, но и по своимъ мірскимъ владѣніямъ, то, говоря о появленіи духовенства на политическихъ собраніяхъ Запада, мы имѣемъ въ виду преимущественно не простой клиръ, а сановниковъ церкви, бывшихъ въ то же время феодальными владѣльцами; на политическихъ собраніяхъ они появлялись въ та-

комъ случаѣ не въ качествѣ избранныхъ депутатовъ отъ духовнаго сословія, а каждый индивидуально. И польскіе прелаты участвовали на такомъ же основаніи въ тѣхъ съѣздахъ, которые существовали въ ихъ государствѣ до возникновенія сеймовъ и изъ которыхъ произошла позднѣйшая королевская «рада», или сенатъ, такъ что положеніе ихъ въ государствѣ напоминаетъ положеніе англійскихъ епископовъ, насколько можно сравнивать верхнюю палату англійскаго парламента съ королевской радой въ Польшѣ. Извѣстно, что въ Англіи представительство низшаго клира не получило развитія, и въ парламентѣ духовенство не составило особаго штата (status, ordo) или, какъ сказали бы поляки, «стана», какой несомнѣнно представляло изъ себя духовенство во французскихъ états généraux. Послѣдніе первоначально были собраніемъ мѣстныхъ суверенныхъ властей, среди коихъ были люди и духовнаго чина, являвшіеся по личному праву, а не въ качествѣ сословныхъ представителей, и только впослѣдствіи, когда ихъ суверенныя права отошли къ королевской власти, духовный чинъ въ генеральныхъ штатахъ состоялъ изъ представителей духовенства, выбиравшихся и изъ низшаго клира. Въ Польшѣ, какъ и въ Англіи, епископы не были суверенами: въ королевской радѣ, какъ и въ палатѣ лордовъ или болѣе раннемъ «magnum concilium», они получили мѣсто въ качествѣ высокихъ сановниковъ церкви рядомъ съ другими лицами, къ коимъ короли обращались за совѣтомъ. Другими словами, въ обоихъ учрежденіяхъ произошло сліяніе аристократическихъ элементовъ церкви и свѣтскаго общества, что обособило прелатовъ отъ низшаго клира и лишило послѣдній возможности вмѣстѣ съ епископатомъ составить особый чинъ въ политическихъ собраніяхъ.

Вторымъ элементомъ въ этихъ собраніяхъ на западѣ Европы было дворянство, а ему въ Польшѣ соотвѣтствуетъ «рыцарское сословіе», шляхта. Было бы ошибочно вполнѣ отождествлять послѣднюю съ западно-европейскимъ феодальнымъ дворянствомъ, по крайней мѣрѣ, относительно способа происхожденія, но въ концѣ концовъ шляхта дѣйствительно получила значеніе «благороднаго» сословія. Какъ землевладѣльческо-военный классъ, она довольно рано выдѣлилась изъ народной массы, но болѣе въ качествѣ именно экономическаго класса съ извѣстной служебной функціей въ государствѣ, нежели дѣйствительно привилегированнаго сословія: долгое время шляхта не имѣла своего особаго права, которое отличало бы ее отъ народной массы; долгое время она не пользовалась никакою властью надъ вольнымъ людомъ, селившимся на ея земляхъ; долгое время ея политическая

роль была чисто случайной. Все это время, до исхода XIII в. и начала XIV, когда обособленіе шляхты выразилось въ организаціи родовъ съ гербами и въ привилегированномъ судѣ, а ея фактическая сила—въ опорѣ, оказанной ею собирателю польской земли, Владиславу Локотку (1306—1333), — да и долгое время спустя, гораздо болѣе важную роль въ государствѣ играли, благодаря своимъ привилегіямъ, другіе общественные элементы, а именно: 1) клиръ, уже во второй половинѣ XIII в. представлявшій изъ себя statum in statu, 2) «можновладство», или аристократія пановъ, выработавшаяся изъ прежней служебной іерархіи и стремившаяся оказывать вліяніе на рѣшенія королевской власти, и 3) города, которые съ XIII в. стали заселяться нѣмцами, получивъ широкое самоуправленіе и свое особое право (магдебургское). Въ сравненіи съ привилегіями духовенства, можновладства и городовъ положеніе шляхты было не изъ завидныхъ, по крайней мѣрѣ, въ томъ отношеніи, что на нее сваливали бремя налоговъ и военной службы, особенно когда паны и прелаты въ качествѣ королевскихъ совѣтниковъ, по прекращеніи династіи Пястовъ и въ началѣ династіи Ягеллоновъ, совсѣмъ захватили правленіе въ свои руки. Въ борьбѣ между королевскою властью и «можновладствомъ», происходившей при Казимірѣ Ягеллончикѣ (1454—1492), обѣ стороны должны были дорожить союзомъ съ землевладѣльческимъ сословіемъ, составлявшимъ и военную силу государства, и съ этого времени, какъ мы увидимъ, начинается уже постоянная политическая роль шляхты, нашедшая свое выраженіе въ появленіи ея «пословъ» на общихъ сеймахъ. Прежнія вѣча, или съѣзды «прелатовъ и бароновъ» (т. е. пановъ), превратились, какъ было сказано, въ королевскую раду, или сенатъ, рядомъ съ коимъ возникла «посольская изба», эта палата депутатовъ польскаго сейма. По своему соціальному составу она соотвѣтствовала тѣмъ дворянскимъ палатамъ, какія существовали въ западно-европейскихъ политическихъ собраніяхъ, и особенно такимъ, въ коихъ засѣдало одно низшее дворянство, «рыцарство», отдѣльно отъ высшаго, отъ «магнатовъ» или «господъ».

Посольская изба отличалась отъ англійской палаты общинъ, между прочимъ, тѣмъ, что въ ней, рядомъ съ послами изъ воеводствъ, замѣнявшими здѣсь «рыцарей отъ графствъ», не засѣдали депутаты отъ городовъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ отличалась она и отъ континентальныхъ дворянскихъ палатъ тѣмъ, что на сеймѣ обокъ съ нею не было другой посольской избы, гдѣ мы могли бы видѣть депутатовъ отъ городовъ. Если польскій епископатъ участвовалъ въ политиче-

ской жизни страны, входя въ составъ сената, если рыцарство имѣло свою посольскую избу, то третій элементъ представительныхъ собраній на Западѣ, — города, безъ представительства коихъ не было бы ни англійскаго парламента, ни французскихъ генеральныхъ штатовъ, — блисталъ въ польскомъ сеймѣ своимъ отсутствіемъ. Въ краткомъ обзорѣ исторіи шляхты, какъ сословія, только что сдѣланномъ, было упомянуто, что города въ Польшѣ въ XIII вѣкѣ получили нѣмецкое населеніе, а съ нимъ самоуправленіе и особое право вмѣстѣ съ другими привилегіями, между коими отмѣчу здѣсь свободу отъ податей и военной службы, которыя неслись шляхтою. Это обстоятельство было причиною того, что «мѣщане», т. е. жители «мястъ» (городовъ), въ Польшѣ не только не имѣли никакихъ общихъ интересовъ съ рыцарствомъ, — противное чему мы наблюдаемъ въ Англіи, — но даже и вообще не имѣли интереса вмѣшиваться въ происходившую въ государствѣ борьбу, — противное чему представляютъ собою и французскіе города: среди Польши это были какъ бы оазисы Германіи, довольные своими привилегіями и своимъ правомъ и державшіе себя въ сторонѣ до такой степени, что не только не добивались права посылать своихъ пословъ на сеймы, но даже не стали бы ихъ высылать и въ томъ случаѣ, когда-бы ихъ къ этому стали принуждать. Правда, въ первой половинѣ XVI в. началась постепенная полонизація городовъ, и она могла бы мало по-малу пріобщить мѣщанъ къ національнымъ интересамъ, но когда это ополяченіе нѣмцевъ, населявшихъ города, совершилось, уже поздно было имъ добиваться новыхъ политическихъ правъ: шляхта, одна господствовавшая на сеймахъ, уже вошла во вкусъ своей новой роли и, вмѣсто того, чтобы съ кѣмъ-нибудь подѣлиться своимъ значеніемъ, выказала стремленіе подчинить себѣ другіе элементы общества, такъ что польскому городу пришлось въ этотъ періодъ даже лишиться старыхъ своихъ правъ, а не то, чтобы пріобрѣсти новыя.

Такимъ образомъ состояніе польскаго общества въ эпоху возникновенія сейма объясняетъ намъ, почему это учрежденіе, не считая сената, который существовалъ и внѣ сейма, состояло изъ односословной посольской избы. Почему, съ другой стороны, посольская изба получила характеръ какъ-бы международнаго конгресса, объясненія этому явленію мы должны искать въ государственномъ строѣ Польши въ ту же эпоху. Прежде однако, нежели заняться этимъ дѣломъ, нужно будетъ выяснить болѣе подробнымъ образомъ самое понятіе конгрессивности.

Всякому ясно различіе между политическимъ собраніемъ гражданъ

одного государства, будетъ ли ихъ участіе въ этомъ собраніи непосредственное, или въ качествѣ представителей, съ одной стороны, и конгрессомъ сувереновъ или уполномоченныхъ ими пословъ, съ другой: въ первомъ случаѣ лица, собравшіяся вмѣстѣ, принадлежатъ къ одному государству, повинуются одной власти, а сами, составляя власть, издаютъ законы, исполненіе коихъ обязательно и для меньшинства, когда они приняты большинствомъ, и для всѣхъ отсутствующихъ, если законодательствуетъ не самъ народъ, а его представители, тогда какъ во второмъ случаѣ собравшіяся вмѣстѣ лица принадлежатъ къ разнымъ государствамъ, не знаютъ надъ собою единой высшей власти и, вмѣсто законовъ, обязательныхъ и для меньшинства, составляютъ договоры, требующіе единогласія и во всякомъ случаѣ обязательные лишь при ясно выраженномъ на нихъ согласіи каждаго. Между политическими собраніями одного народа и международными конгрессами можетъ быть цѣлый рядъ переходныхъ ступеней, вслѣдствіе чего не только возможны политическія собранія съ конгрессивнымъ характеромъ, но и постепенныя превращенія однихъ въ другія. Характеръ собранія зависитъ отъ характера государства: чѣмъ болѣе объединено послѣднее, тѣмъ менѣе существующее въ немъ политическое собраніе будетъ имѣть конгрессивный характеръ и наоборотъ. Съ другой стороны, объединеніе или разложеніе государства отразится на существующемъ въ немъ собраніи, и оно будетъ или менѣе, или болѣе конгрессивно, чѣмъ прежде, смотря по тому, въ какую сторону будетъ идти исторія государства. Для примѣра я позволю себѣ сослаться на французскіе генеральные штаты и на нѣмецкій имперскій сеймъ, любопытные въ этомъ сопоставленіи потому, что исторія первыхъ состоитъ въ постепенной потерѣ ими ихъ первоначально рѣзко выраженнаго конгрессивнаго характера, тогда какъ второй съ теченіемъ времени все болѣе и болѣе, наоборотъ, пріобрѣтаетъ этотъ характеръ,—различіе весьма понятное, если мы вспомнимъ, что въ эпоху существованія генеральныхъ штатовъ во Франціи происходилъ процессъ политической интеграціи, а Германія, наоборотъ, изъ единаго государства все болѣе и болѣе превращалась въ федерацію княжествъ и городовъ. На этихъ двухъ примѣрахъ стоитъ даже остановиться, ибо они намъ помогутъ лучше понять происхожденіе конгрессивности въ польскомъ сеймѣ.

Генеральные штаты возникли во Франціи въ то время, когда верховная власть надъ страною не была сосредоточена въ рукахъ короля: послѣдній былъ полнымъ сувереномъ только въ своихъ доменахъ, а все, что лежало внѣ ихъ, было раздѣлено между массою

другихъ лицъ съ суверенными правами, такъ что по отношенію къ нимъ король былъ только главою политической федераціи. Во всѣхъ важныхъ случаяхъ, касавшихся всей страны, онъ долженъ былъ договариваться со всѣми тѣми лицами, между коими была раздѣлена верховная власть надъ нею, а это были 1) духовные и 2) свѣтскіе «сеньеры» съ суверенными правами и 3) выборное начальство суверенныхъ городскихъ общинъ, или «коммунъ». Съѣздъ этихъ лицъ по приглашенію короля первоначально долженъ былъ напоминать международный конгрессъ: король, бывшій когда-то только «primus inter pares», договаривался съ каждымъ, и каждый прелатъ, каждый сеньеръ, каждый городской мэръ былъ здѣсь не въ качествѣ члена того или другаго сословія во всемъ государствѣ, не въ качествѣ депутата, явившагося сюда по избранію, а въ качествѣ владѣльца сеньеріи или коммунальнаго начальства. Только съ теченіемъ времени, когда корона лишила суверенитета и духовныхъ, и свѣтскихъ сеньеровъ, и коммуны, т. е. когда и послѣднія, и сеньеріи перестали быть политическими организмами, будучи поглощены однимъ большимъ политическимъ организмомъ, французскимъ государствомъ, этотъ конгрессъ суверенныхъ нѣкогда прелатовъ, сеньеровъ и коммунъ превратился въ сословное собраніе, причемъ члены его являлись теперь не въ качествѣ политическихъ властей надъ извѣстными территоріями, а въ качествѣ избранныхъ сословіями представителей. Другое дѣло—германскій рейхстагъ. Зародышъ его—въ первоначальномъ народномъ вѣчѣ единаго государства, вѣчѣ, которое превратилось въ собраніе аристократическихъ элементовъ. По мѣрѣ того, какъ развивалось понятіе о непосредственной зависимости отъ имперіи въ противоположность посредственному къ ней отношенію чрезъ зависимость отъ какого-либо «имперскаго чина», въ имперскомъ сеймѣ могли участвовать только тѣ, которые были «reichsunmittelbare», т. е. не знали надъ собою никого высшаго, кромѣ императора, а по мѣрѣ того, какъ эти «непосредственные» элементы все болѣе и болѣе высвобождались изъ-подъ власти императора, пріобрѣтая себѣ суверенныя права, въ силу чего императоръ превращался въ номинальнаго главу федераціи княжествъ и имперскихъ городовъ,—и сеймъ имперскій утрачивалъ первоначальный характеръ, хотя бы и чисто аристократическаго собранія одного государства, чтобы подъ конецъ превратиться чуть не въ настоящій международный конгрессъ, на который князья перестали даже являться лично, предпочитая высылать на него своихъ уполномоченныхъ. Генеральные штаты во Франціи начали свое существованіе въ началѣ XIV в. приблизительно съ того,—mutatis mutandis,

конечно,—чѣмъ кончилъ нѣмецкій рейхстагъ послѣ тридцатилѣтней войны. Зарожденіе генеральныхъ штатовъ во Франціи относится къ той эпохѣ, когда королевская власть сдѣлала уже значительные успѣхи на пути объединенія государства, и такъ какъ этотъ процессъ продолжался, то генеральные штаты весьма быстро должны были утратить свой конгрессивный характеръ. Наоборотъ, рейхстагъ въ Германіи пріобрѣтаетъ этотъ характеръ все болѣе и болѣе, такъ какъ въ этой странѣ происходилъ обратный процессъ—изъятія большинства населенія изъ-подъ государственной власти и надѣленія непосредственныхъ чиновъ имперіи суверенными правами. Понятно, что если бы во Франціи на первыхъ же порахъ существованія états généraux остановился процессъ объединенія государства, или въ Германіи въ извѣстное время остановился процессъ разложенія, то ни первое учрежденіе, ни рейхстагъ не получили бы того характера, какой имѣли въ концѣ своего существованія: измѣненія, происходившія въ этихъ учрежденіяхъ, суть слѣдствія измѣненій, совершавшихся въ государственномъ строѣ обѣихъ странъ.

Въ послѣдній вѣкъ своего бытія, особенно при саксонскихъ короляхъ, когда анархія въ Польшѣ достигала наибольшихъ своихъ размѣровъ, «найяснѣйшая Рѣчь Посполитая Польская» напоминала собою современную ей «священную Римскую имперію»: каждый шляхтичъ былъ «непосредственнымъ чиномъ» республики съ суверенною властью, т. е. «unmittelbarer Reichsstand» въ нѣмецкомъ смыслѣ, и оба государства представляли изъ себя федераціи мѣстныхъ державцевъ, которые въ Германіи были вообще крупнѣе, ближе подходили къ типу владѣтельнаго князя и назывались курфюрстами, князьями, графами и т. д., а въ Польшѣ были незначительны, приближались по положенію своему къ простымъ помѣщикамъ или нѣмецкому «имперскому рыцарству» и носили болѣе скромное названіе шляхты. Это явленіе однако болѣе поздняго происхожденія и составляетъ слѣдствіе, а не причину того значенія, какое принадлежало сейму въ Рѣчи Посполитой: изображенная, скажемъ такъ, атомизація Польши сдѣлалась возможной только вслѣдствіе того, что паденіе старой власти, т. е. власти королевской, не сопровождалось, какъ мы увидимъ, основаніемъ новой, сеймовой, вслѣдствіе именно того, что сеймъ былъ конгрессивенъ, а этотъ его характеръ не можетъ быть объясненъ изъ захвата шляхтою суверенитета, такъ какъ въ эпоху возникновенія сейма верховная власть въ государствѣ неоспоримо принадлежала королю, несмотря на всѣ притязанія и привилегіи можновладства. Причину конгрессивности польскаго сейма нужно искать не въ томъ

подобіи феодализаціи, какое мы наблюдаемъ въ Польшѣ, когда политическая власть надъ народною массою очутилась всецѣло въ рукахъ землевладѣльческаго сословія, а въ совершенно иныхъ отношеніяхъ: съ точки зрѣнія отношеній, въ коихъ находились между собою въ Польшѣ королевская власть, съ одной стороны, и привилегированное землевладѣльческое сословіе, съ другой, польскій сеймъ зародился при государственномъ строѣ, болѣе напоминающемъ англійскій въ эпоху возникновенія парламента, нежели французскій передъ первымъ собраніемъ генеральныхъ штатовъ, и, судя только по тому, что польское рыцарство было только привилегированнымъ землевладѣльческимъ сословіемъ, не обладавшимъ даже такими феодальными правами, какія принадлежали англійскимъ barones et milites, слѣдовало бы ожидать, что польскій сеймъ въ своемъ развитіи пойдетъ по пути англійскаго парламента, т. е. наименѣе конгрессивнаго учрежденія. Если случилось иначе, то причина этого была въ недостаточной политической интеграціи Польши XV вѣка: въ Англіи эпохѣ образованія парламента предшествовалъ длинный процессъ политическаго объединенія страны, завершившійся гораздо ранѣе возникновенія настоящаго представительства, между тѣмъ какъ Польша не успѣла вполнѣ объединиться ко времени образованія посольской избы, и этотъ недостатокъ политическаго единства отразился на характерѣ названнаго учрежденія.

И Англія, и Польша составились изъ мелкихъ племенныхъ государствъ, но въ первой странѣ не происходило такого распаденія, какое было въ Польшѣ, когда она снова раздѣлилась на удѣльныя княжества. Въ послѣднемъ отношеніи польская исторія до XIV вѣка весьма напоминаетъ русскую за тотъ же періодъ: сначала происходитъ довольно быстрое образованіе большаго государства, потомъ это государство распадается на отдѣльныя «земли», или княженія, достающіяся въ руки отдѣльныхъ членовъ княжескаго рода. Земли, и безъ того недостаточно прочно спаянныя между собою въ періодъ единаго государства,—иначе не могло бы произойти его распаденіе, — успѣли достаточно обособиться въ удѣльный періодъ, и въ каждой «дѣльницѣ» (удѣлѣ) возникли свои учрежденія, во первыхъ, въ видѣ зависимыхъ отъ удѣльнаго князя чиновниковъ, родоначальниковъ будущаго можновладства въ снова объединенномъ государствѣ, а во вторыхъ, въ видѣ мѣстнаго вѣча. Новое объединеніе Польши произошло въ началѣ XIV вѣка при Владиславѣ Локоткѣ: страна была обязана этимъ не долговременному процессу постепеннаго «собиранія»; объединеніе произошло, такъ сказать, почти вдругъ и наскоро. На пер-

выхъ порахъ вся разница между прежнимъ порядкомъ и новымъ заключалась лишь въ томъ, что удѣльныя княжества, сохраняя каждое свою особность, признавали общаго князя: между ними существовала такимъ образомъ своего рода личная унія. Общій князь такихъ земель, пользовавшихся самоуправленіемъ въ административномъ, военномъ и судебномъ отношеніяхъ и стоявшихъ подъ высшимъ начальствомъ «воеводъ»,—откуда ихъ новое названіе—«воеводства»,—такой общій князь долженъ былъ однако стремиться къ большему объединенію государства, что и замѣтно въ дѣятельности Казиміра Великаго (1332—1370), но съ прекращеніемъ династіи Пястовъ началось въ Польшѣ, какъ было уже упомянуто, можновладческое правленіе, а при немъ процессъ сліянія земель пріостановился: можновладство было сильно какъ разъ своимъ мѣстнымъ значеніемъ; этому значенію потеря воеводствами своей автономіи нанесла бы сильный ущербъ. Такимъ образомъ едва объединившаяся Польша попала въ такія политическія условія, при которыхъ явилась помѣха для дальнѣйшей политической интеграціи: «земли» продолжали еще чувствовать свою особность, когда прекратилась династія, призванная господствовать надъ всею Польшею, и сильные своимъ мѣстнымъ значеніемъ можновладческіе элементы, опекавшіе новыхъ королей, и опирались на эту особность, и ее поддерживали. Когда, наконецъ, королевская власть въ лицѣ Казиміра Ягеллончика сбросила съ себя опеку духовной и свѣтской аристократіи и, опираясь уже на шляхту, стала ломать привилегіи своихъ прежнихъ опекуновъ, а вмѣстѣ съ этимъ призвала шляхту къ участію въ государственныхъ дѣлахъ, послѣднее сословіе не могло иначе выступать въ своей новой роли, какъ по воеводствамъ, и образованіе сейма, какъ конгресса пословъ отъ отдѣльныхъ автономныхъ воеводствъ, отмѣтило собою то обстоятельство, что процессъ сліянія прежнихъ удѣльныхъ княжествъ въ одно государство далеко не завершился. Прежде нежели возникъ общій, или «вальный» сеймъ, воеводства пріобрѣли новыя права: каждое изъ нихъ получило отъ Казиміра Ягеллончика какъ бы особую привилегію, и мѣстная шляхта стала собираться на сеймики съ правомъ высказывать свое мнѣніе объ измѣненіи законовъ и объявленіи войны. Обѣ боровшіяся тогда стороны,—и король, и паны,—думали опираться другъ противъ друга на собранную на сеймикахъ шляхту, и Казиміръ самъ съ этою цѣлью объѣзжалъ воеводства, посѣщая новые сеймики или созывая уполномоченныхъ съ нѣсколькихъ сеймиковъ на сеймикъ «генеральный», пока не пришелъ къ мысли о «вальномъ» сеймѣ изъ пословъ отъ всѣхъ земель, хотя и охотно возвращался къ сеймикамъ, если послы оказывались несговорчивыми.

Итакъ, сеймъ въ Польшѣ возникъ въ такую эпоху, когда воеводства, изъ коихъ слагалось государство, сохраняли еще слѣды своей былой особности, какъ отдѣльныхъ княженій: нуждаясь сначала въ поддержкѣ шляхты, а потому, какъ увидимъ, и прямо вынужденный ею сдѣлать ей уступки, Казиміръ Ягеллончикъ обращается къ шляхетскимъ сеймикамъ въ отдѣльныхъ воеводствахъ даже и послѣ того, какъ пришелъ къ мысли о вальномъ сеймѣ. Съ самаго начала своего существованія общее собраніе не достигло такимъ образомъ рѣшительнаго перевѣса надъ мѣстными, и дальнѣйшая польская исторія получила такое направленіе, что съ происшедшимъ по прекращеніи династіи Ягеллоновъ паденіемъ королевской власти не было соединено соотвѣтственнаго усиленія сейма по отношенію къ сеймикамъ. Воеводства были сначала отдѣльными княженіями, находившимися между собою въ личной уніи, и съ паденіемъ королевской власти, которая могла бы тѣснѣе сплотить ихъ въ одно цѣлое, эта связь должна была ослабнуть, тѣмъ болѣе, что сеймъ явно конгрессивнаго происхожденія не успѣлъ самъ получить перевѣса надъ сеймиками, чтобы съ успѣхомъ взять на себя продолженіе дѣла, начатаго королями. Такъ какъ при слабости избирательной королевской власти личная унія между воеводствами не могла имѣть прежняго значенія, и сами воеводства съ развитіемъ шляхетскихъ привилегій стали какъ бы отдѣльными республиками, то новая связь между воеводствами выразилась въ формѣ федераціи съ высылкою делегатовъ на общій конгрессъ. Превращеніе Польши изъ монархіи въ республику (rzeczpospolitą) не было причиною федеративнаго характера связи, какая существовала впослѣдствіи между отдѣльными воеводствами: такая же связь была и раньше, и только форма ея измѣнилась. Когда въ Польшѣ возникъ сеймъ, государство было въ переходномъ состояніи отъ личной уніи между отдѣльными княженіями къ дѣйствительно единой монархіи, и съ замѣною въ немъ монархическаго принципа республиканскимъ это переходное состояніе не прекратилось: оно сдѣлалось даже хроническимъ, ибо Рѣчь Посполитая была въ одно и то же время и федераціей республиканскихъ воеводствъ, и единымъ республиканскимъ государствомъ, т. е. въ сущности ни тѣмъ, ни другимъ. Ея сеймъ не былъ ни конгрессомъ находящихся въ союзѣ государствъ, ни даже конгрессомъ союзнаго государства и вмѣстѣ съ тѣмъ не былъ и тѣмъ, чѣмъ былъ англійскій парламентъ.

Польскіе публицисты XVIII в. республиканскаго лагеря сами указывали на федеративный строй своего отечества, ошибочно относя его происхожденіе къ самымъ раннимъ временамъ польской исторіи,

и Руссо, знавшій польскую конституцію по изображенію, сдѣланному ему однимъ изъ такихъ публицистовъ, одобряя въ принципѣ эту сторону государственнаго устройства Рѣчи Посполитой, находилъ существенные недостатки только въ его примѣненіи. Корень этихъ недостатковъ лежалъ въ томъ, что польскій сеймъ въ отношеніи конгрессивности пошелъ по дорогѣ нѣмецкаго имперскаго сейма, а не французскихъ генеральныхъ штатовъ, разъ съ самаго начала посольская изба не могла сдѣлаться тѣмъ, чѣмъ въ Англіи очень скоро стала палата общинъ.

Таково было въ общихъ чертахъ происхожденіе односословности и конгрессивности польскаго сейма, т. е. двухъ главныхъ его особенностей, отличающихъ его отъ другихъ аналогичныхъ учрежденій. Дальнѣйшая исторія Рѣчи Посполитой закрѣпила за сеймомъ этотъ его характеръ: шляхта, закрѣпостившая хлоповъ, отнявшая у мѣщанъ ихъ прежнія права и привилегіи, сдѣлавшая изъ высшихъ духовныхъ должностей достояніе исключительно своего сословія и подчинившая себѣ корону, конечно, не хотѣла подѣлиться съ кѣмъ бы то ни было своими правами, не хотѣла и делегировать кому-нибудь власть надъ собою. Она стремилась осуществить непосредственное народовластіе, а потому съ ея стороны оказывались всевозможныя препятствія установленію настоящаго представительнаго правленія, — и только себя одну считала она «народомъ», вслѣдствіе чего никто, кромѣ лицъ, принадлежащихъ къ этому народу, не былъ достойнымъ раздѣлять съ нею власть. Впрочемъ, ей и не съ кѣмъ было дѣлиться послѣднею: крестьянство было у нея въ подданствѣ; мѣщанскій элементъ, благодаря ея же мѣрамъ, былъ разоренъ и подавленъ; высшее духовенство, засѣдавшее въ сенатѣ, принадлежало по происхожденію къ ней же. Съ другой стороны, и не было готоваго органа, который могъ бы взять власть, ускользнувшую изъ рукъ короля: такимъ органомъ могъ бы быть сеймъ, если бы, во первыхъ, въ немъ до начала «вольной элекціи» королей установилось рѣшеніе дѣлъ большинствомъ голосовъ, если бы, во вторыхъ, самъ онъ взялъ рѣшительный перевѣсъ надъ сеймиками, и если бы, наконецъ, послѣ введенія избирательнаго престола была немедленно установлена извѣстная преемственность между отдѣльными собраніями посольской избы и вмѣстѣ съ тѣмъ создано было нѣчто такое, что дѣйствовало бы во имя сейма во время его вакаціи. Съ возникновеніемъ сейма шляхта, уже бывшая привилегированнымъ сословіемъ, призвана была сдѣлаться правящимъ классомъ и этою новою своею ролью она воспользовалась для умноженія своихъ правъ, забывъ ложившуюся на нее обязан-

ность замѣнить кѣмъ-нибудь или чѣмъ-нибудь короля, какъ верховнаго правителя страны. Умножая свои права, шляхта, какъ привилегированное сословіе, уничтожила всякую возможность соперничества съ нею другихъ общественныхъ элементовъ, и это обезпечивало и на будущее время односословный составъ сейма. Забывая свои обязанности, какъ правящаго сословія, она не заботилась о томъ, чтобы создать какое-либо правленіе на началахъ того представительства, которому обязана была своимъ существованіемъ посольская изба, и это было причиной того, что сеймъ сохранилъ организацію, не оправдывавшуюся болѣе обстоятельствами времени и не соотвѣтствовавшую новой его задачѣ. Современники перехода Польши отъ монархіи къ республикѣ, конечно, не могли предвидѣть того, къ чему придетъ Рѣчь Посполитая съ своимъ конгрессивнымъ сеймомъ, хотя между ними были люди, пытавшіеся дать посольской избѣ вполнѣ подходящую организацію; позднѣйшія же поколѣнія уже сознательно не хотѣли такихъ перемѣнъ въ государственномъ устройствѣ, которыя превратили бы самоуправствующее сословіе въ дѣйствительно правящій классъ. Въ первомъ случаѣ ясному взгляду на вещи препятствовала путаница, существовавшая въ самихъ учрежденіяхъ въ силу механическаго соединенія того, что принадлежало къ разнымъ эпохамъ, и сама шляхта не привела этихъ учрежденій впослѣдствіи къ одному знаменателю; во второмъ случаѣ правильному пониманію задачъ внутренней политики мѣшала усвоенная шляхтою политическая доктрина, главнымъ догматомъ коей была «золотая вольность», а существеннымъ выводомъ-то, что Польша должна держаться именно своимъ безнарядьемъ.

Съ только что установленной точки зрѣнія на особенности сейма Рѣчи Посполитой для исторіи этого учрежденія важное значеніе принадлежитъ двумъ вопросамъ изъ соціальной и политической исторіи Польши: односословность сейма ставитъ его въ тѣснѣйшую связь съ исторіей шляхты, какъ одного изъ сословій Рѣчи Посполитой, а конгрессивный характеръ посольской избы приводитъ къ вопросу объ организаціи въ Польшѣ мѣстнаго управленія. Польская научная литература, имѣющая вообще весьма мало трудовъ по исторіи отдѣльныхъ сословій въ бывшей шляхетской республикѣ [2]), въ достаточной

---

[2]) Исторія городскаго сословія въ Польшѣ затрогивается главнымъ образомъ въ сочиненіяхъ, посвященныхъ магдебургскому праву: *Roepell*. Ueber die Verbreitung des Magdeburger Stadtrechts. 1857. *Владимірскій-Будановъ*. О нѣмецкомъ правѣ въ Польшѣ и Литвѣ. 1868 (см. разборъ *Павинскаго*. 1871). *Mecherzyński*. O magistratach miast polskich. 1845. *Bobrzyński*. O założeniu

степени выяснила вопросъ о томъ, какъ создались и развились привилегіи шляхты: хотя въ литературѣ этой нѣтъ спеціальнаго изслѣдованія о шляхтѣ, именно какъ о сословіи, существовавшее въ Рѣчи Посполитой отождествленіе шляхты - народа съ государствомъ, подобное отождествленію въ древнемъ Римѣ понятій populus romanus и respublica romana, заставляло всегда политическихъ историковъ Польши обращать вниманіе, по крайней мѣрѣ, на постепенное пріобрѣтеніе этимъ сословіемъ его привилегій и на его политическую дѣятельность. Конечно, этимъ не исчерпывается вся исторія шляхты, и для исторіи этой остается еще много сдѣлать, но все, что намъ нужно для объясненія односословности посольской избы и вытекавшихъ отсюда для государственнаго и общественнаго быта Польши слѣдствій, уже имѣется въ польской историографіи. Совсѣмъ иное дѣло—другой вопросъ: исторія областной жизни въ Рѣчи Посполитой, исторія самоуправленія воеводствъ, исторія сеймиковъ едва только начинаетъ разрабатываться, хотя для самаго начала мы и имѣемъ такой цѣнный трудъ, какъ Rządy sejmikowe w Polsce проф. Павинскаго [3]). Тѣмъ не менѣе, именно благодаря послѣднему труду, мы можемъ прослѣдить исторію самоуправленія отдѣльныхъ земель, изъ коихъ складывалась Рѣчь Посполитая, и этимъ освѣтить нѣкоторыя причины безсилія польскаго сейма, какъ общегосударственнаго учрежденія.

Ближайшія двѣ главы и будутъ имѣть предметомъ краткую исторію шляхетскихъ привилегій и самоуправленія воеводствъ, безъ которой нельзя составить себѣ ясное представленіе о томъ, какимъ образомъ возникли и удержались обѣ главныя особенности сейма Рѣчи Посполитой.

---

najwyższego sądu prawa niemieckiego. 1875. Исторія крестьянства въ Польшѣ также мало изслѣдована. *Brüggenej de Hasenkamp*. De rusticorum in Polonia conditione. 1853. *Lubomirski*. Rolnicza ludność w Polsce. 1857—1858. *Stawiski*. Poszukiwania do historyi rolnictwa krajowego. 1858. *Maciejowski*. Historya włościan w Polsce. 1874. *W. Przyborowski*. Włościanie u nas i gdzieindziej. Въ русской литературѣ см. книгу *Горемыкина* и статьи *Рехневскаго* (Рус. Вѣстн. 1858) и *Шашкова* (Дѣло, 1883).

[3]) См. еще работу *K. Jarochowskiego* Lauda połączonych województw kaliskiego i poznańskiego za panowania Augusta II (Ateneum. 1884). Въ русской исторической литературѣ по этому предмету можно указать на статью *Иванышева*, «Содержаніе постановленій дворянскихъ провинціальныхъ сеймовъ въ Юго-Западной Россіи» (1569 - 1654), составляющую объяснительную записку къ изданію самыхъ постановленій во второй части «Архива Юго-Западной Россіи». Кіевъ. 1861. *Н. Стороженко*, Западнорусскіе провинціальные сеймики XVII в. Кромѣ того, въ Актахъ виленской археографической коммиссіи помѣщены сеймиковыя постановленія.

II.

Шляхетскія привилегіи и „вольная элекція“.

Связь односословности и конгрессивности сейма съ «вольной элекціей» и «liberum veto», какъ главными правами шляхты.—Шляхта, какъ военно-землевладѣльческое сословіе.—Ростъ шляхты въ XV столѣтіи.—Древнія вѣча въ Польшѣ.—Эпоха господства аристократіи. — Участіе рыцарства въ аристократическихъ собраніяхъ съ конца XIV в.—Нешавское законодательство 1454 г. — Односословность сеймиковъ и сеймовъ.—Судьба польскаго крестьянства.—Отчего не было представительства отъ городовъ?—Шляхта и духовенство —Духовенство на сеймикахъ и сеймахъ.—Шляхетская теорія. — Начало королевскихъ элекцій.—Безкоролевья и конфедераціи.—Значеніе элекціи 1573 г.

Въ тѣсной связи съ двумя указанными въ предыдущей главѣ особенностями польскаго сейма находятся два права, на которыя шляхта смотрѣла, какъ на главныя основы своей «золотой вольности»: въ одномъ изъ нихъ, именно въ «вольной элекціи» королей всею шляхтою, ведущей свое начало съ прекращенія династіи Ягеллоновъ (1572 г.), дѣйствительно, самымъ рельефнымъ образомъ выразился переходъ верховной власти въ польскомъ государствѣ въ руки рыцарскаго сословія, которое одно только и имѣло представителей на сеймѣ; другимъ правомъ, особенно дорогимъ шляхтѣ, былъ «вольный голосъ» на сеймахъ, т. е. возникшее въ серединѣ XVII в. *liberum veto*, развившееся на почвѣ политической автономіи воеводствъ и объясняющейся послѣднею конгрессивности польской избы. Вотъ почему, разсматривая развитіе шляхетскихъ привилегій, объясняющее односословность сейма, мы должны обратить особое вниманіе на «вольную элекцію», въ которой лучше всего выразился переходъ власти отъ королей къ шляхтѣ, а дѣлая очеркъ развитія автономіи воеводствъ, безъ коей немыслимъ былъ конгрессивный характеръ посольской избы, должны отнестись съ неменьшимъ вниманіемъ къ

liberum veto, бывшему главнымъ проявленіемъ неумѣнія суверенной шляхты организовать центральную власть. Если сама шляхта видѣла въ «вольной элекціи» и «вольномъ голосѣ» основы своей вольности, если и въ настоящее время историки, говоря объ устройствѣ Рѣчи Посполитой, на первый планъ ставятъ избраніе королей шляхтою и требованіе единогласія на сеймѣ, это только указываетъ на то, какое важное значеніе принадлежитъ обоимъ указаннымъ правамъ въ старопольской конституціи. Имѣя въ виду преимущественно исторію польскаго сейма, мы должны отмѣтить, что «вольная элекція» является лишь однимъ изъ моментовъ въ развитіи шляхетскихъ привилегій, именно знаменуетъ переходъ государственной власти къ сословію, которое съумѣло сдѣлать изъ представительства на сеймѣ свою исключительную привилегію, и что, съ другой стороны, *liberum veto* есть логическое слѣдствіе конгрессивнаго характера посольской избы, находящаго свое объясненіе въ крайнемъ развитіи самоуправленія отдѣльныхъ воеводствъ. Для удобства обозрѣнія мы отдѣлимъ одно отъ другаго оба явленія польской государственной жизни: переходъ власти къ одному сословію самъ по себѣ не требовалъ ея децентрализаціи, выразившейся въ преобладаніи областныхъ сеймиковъ надъ общегосударственнымъ сеймомъ, равно какъ это разложеніе единаго государства въ федерацію воеводствъ не влекло за собою перехода власти только къ одному сословію. Однако мы должны постоянно помнить, что въ дѣйствительности оба явленія въ Польшѣ были тѣсно связаны между собою, хотя каждое изъ нихъ имѣло свою особую основную причину.

Польская шляхта была по своему происхожденію военно-землевладѣльческимъ сословіемъ, и до конца существованія Рѣчи Посполитой только одна шляхта имѣла право владѣть землею, хотя и заключала въ себѣ весьма значительное количество беземельныхъ семействъ, равно какъ почти до самаго конца національной независимости одна она составляла настоящее національное войско. Уже въ XIII в. народонаселеніе Польши раздѣляется на людей благородныхъ (nobiles) и «подлыхъ» (ignobiles), если пользоваться терминомъ, бывшимъ въ употребленіи съ XIV вѣка, и съ XIII же вѣка понятія шляхтича и и рыцаря (miles) отождествляются, причемъ постепенно выработалось особое рыцарское право (jus militare), составившееся изъ совокупности единичныхъ концессій, которыя дѣлались князьями по отношенію къ лицамъ, оказывавшимъ имъ услуги. Рыцарское право уже тогда состояло главнымъ образомъ въ землевладѣніи наслѣдственномъ (jure haereditario) и въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ привилегированномъ, на-

дѣленномъ рыцарскою свободою (libertate militari) [1]). Правда, вислицкій статутъ XIV в. дѣлаетъ различіе между шляхтичемъ и рыцаремъ,— одно званіе наслѣдственное, другое пріобрѣтается лично, — но на самомъ дѣлѣ оба понятія въ этомъ законодательномъ памятникѣ отождествляются [2]). Въ другомъ статутѣ XIV вѣка, великопольскомъ, названіе привилегированнаго сословія рыцарствомъ встрѣчается гораздо чаще, чѣмъ слово шляхта (nobiles), и только въ одномъ мѣстѣ оба названія поставлены рядомъ [3]). Другое обозначеніе, подъ коимъ въ позднѣйшее время всегда разумѣлась шляхта, стоитъ нѣкоторымъ образомъ въ связи съ ея исключительными землевладѣльческими правами: это—названіе «земяне». Первоначально послѣднее слово обозначало собою уроженцевъ страны (terrigenae) въ отличіе отъ пришельцевъ (alienigenae) [4]), но съ теченіемъ времени только одну шляхту, имѣвшую право на «земскія» имѣнія (bona terrestria), владѣвшую землею на «земскомъ» правѣ (jure terrestri), стали называть «земянами» [5]): по крайней мѣрѣ, въ XVIII вѣкѣ сопоставляли всѣ эти выраженія, чтобы объяснить, почему только одна шляхта зовется «земянами», terrigenae. Рядомъ съ такимъ обозначеніемъ шляхты мы до самыхъ позднихъ временъ встрѣчаемся съ терминомъ «рыцарскій чинъ» (stan rycerski, equestris ordo): подъ нимъ разумѣется та же шляхта [6]), какъ чинъ, пользующійся политическими правами, участвующій въ сеймикахъ и сеймахъ [7]).

Эпохой полнаго обособленія шляхты въ привилегированное сословіе,—за чѣмъ послѣдовало превращеніе ея въ правящій классъ,—было XV столѣтіе. Уже въ первой половинѣ этого вѣка польское «рыцарство» получаетъ двѣ важныя привилегіи: червинская 1422 г. обез-

---

[1]) *Romuald Hube*. Prawo polskie w wieku trzynastym. Warszawa. 1874. Стр. 36 и слѣд.

[2]) *Romuald Hube*. Prawo polskie w XIV wieku. Ustawodawstwo Kazimierza Wielkiego. Warszawa. 1881. Стр. 108.

[3]) Ibid., 183

[4]) Ibid., 107.

[5]) Nobiles ruri in vicis et praediis suis degunt, ex qua causa etiam *terrigenae* quasi in terris seu agris geniti, sermone patrio *ziemianie*, ipsorumque possessiones haereditariae bona terrestria vocantur. *Lengnich*. Jus publicum regni poloni. Gedani. 1766. II, 2. На самомъ дѣлѣ «земяне» составляютъ изъ себя «землю», какъ cives—civitatem. Cf. *Pawiński*, 2.

[6]) Ordo hic residet in nobilibus non senatoribus et regi immediate subjectis ac bona terrestria habentibus. *Lengnich*, II, 228.

[7]) Ibid., II, 229. Собственно говоря, подъ словами «ordo equestris» позднѣе разумѣлась не вся шляхта (nobilitas), а ея представители (см. ниже гл. IV), но это въ данномъ случаѣ безразлично.

печивала его отъ конфискаціи имѣній не по суду, едлинская 1433 г.— отъ произвольнаго лишенія личной свободы. Далѣе, съ середины XV в. шляхта, какъ мы увидимъ, начинаетъ принимать участіе въ законодательствѣ и, пользуясь своимъ новымъ положеніемъ въ государствѣ, издавать законы исключительно въ свою пользу, принижая значеніе другихъ сословій: съ этого времени нешляхтичъ не можетъ занимать высшихъ духовныхъ должностей, не имѣетъ представительства въ сеймѣ, лишается права владѣть «земскими имуществами»; городскому самоуправленію, привилегіямъ купечества и цеховъ наносится ударъ за ударомъ; интересы торговаго сословія отдаются въ жертву желанію шляхты имѣть подешевле заграничные товары, вслѣдствіе чего иностранные купцы пріобрѣтаютъ всякія льготы въ ущербъ мѣстнымъ; шляхта освобождается отъ пошлинъ при продажѣ за границу продуктовъ своего сельскаго хозяйства и т. п.; для умноженія своихъ доходовъ она прикрѣпляетъ крестьянъ къ землѣ, увеличиваетъ барщины и другія крестьянскія повинности и въ концѣ концовъ лишаетъ хлоповъ, превратившихся буквально въ ея подданныхъ, покровительства законовъ [8]).

Указываемъ только вскользь на всѣ эти факты: для насъ самымъ главнымъ фактомъ должно быть случившееся въ серединѣ XV вѣка допущеніе шляхты къ участію въ общегосударственныхъ дѣлахъ. Въ это время возникаютъ «сеймики», а за ними и сеймы, какъ собранія сеймиковыхъ «пословъ» изъ всей Польши. Сеймики въ теченіе трехъ съ половиной вѣковъ (съ середины XV до конца XVIII) представляютъ изъ себя собранія, въ которыхъ поголовно участвовала мѣстная шляхта воеводствъ, въ коихъ происходили эти собранія. По своему составу и характеру они являются какъ-бы продолженіемъ болѣе древнихъ вѣчъ, которыя вездѣ изъ общенародныхъ, демократическихъ, съ теченіемъ времени превращались въ болѣе аристократическія. На самомъ дѣлѣ такого превращенія не было: шляхетскіе сеймики второй половины XV в. были собраніями совершенно новыми, но весьма любопытно, что въ нихъ участвуютъ именно тѣ самые общественные элементы, которые присутствовали на болѣе раннихъ вѣчахъ послѣ того, какъ эти послѣднія перестали быть общенародными, и до того времени, когда ихъ заступили собранія строго-аристократическаго свойства, съѣзды однихъ магнатовъ. Въ исторіи Польши была эпоха аристократическаго правленія, когда шляхта, т. е. простое «рыцарство» или «земянство» не играла роли, но до наступленія этой эпохи и послѣ ея прекра-

---

8) *M. Bobrzyński.* Dzieje Polski w zarysie. II, 42 sq. (по 2 изд.).

щенія мы видимъ на политическихъ собраніяхъ польской націи въ сущности одну и ту же шляхту, съ тѣмъ только различіемъ, что до господства аристократіи рыцарскія вѣча были остаткомъ болѣе раннихъ вѣчъ общенародныхъ, а послѣ прекращенія этого исключительнаго господства шляхетскіе сеймики были зародышемъ новой организаціи польскаго государства. Можно поэтому сказать, что въ собраніяхъ шляхты, продолжавшей оставаться тѣмъ же, чѣмъ она была раньше, былъ только нѣкоторый, хотя долговременный перерывъ, и въ этомъ смыслѣ мы имѣли бы право видѣть въ сеймикахъ продолженіе вѣчъ. Безъ особенной натяжки можно даже утверждать, что аристократическія собранія переходной эпохи являются связующимъ звеномъ между вѣчами и сеймиками: эти собранія были только съуженіемъ вѣчъ, тогда какъ сеймики были расширеніемъ только что указанныхъ собраній.

Въ древнѣйшей Польшѣ, какъ и у другихъ славянъ, существовали народныя собранія, которыя въ польскихъ историческихъ памятникахъ, писавшихся сначала исключительно полатыни, называются consilia, colloquia, conciones, congregationes generales, настоящее же ихъ названіе, какъ и у насъ, было—вѣча (wiece, wieca, ед. число wiec) отъ корня *вѣт*, лежащаго въ основѣ многихъ другихъ существительныхъ и глаголовъ, какъ, напр., отвѣтъ, вѣщать и т. д. [9]). Въ сущности мы такъ мало знаемъ о вѣчѣ въ раннія эпохи польской исторіи, что многіе самые капитальные вопросы, касающіеся этого предмета, возбуждаютъ споръ, и, напр., извѣстный польскій историкъ проф. Бобржинскій утверждаетъ, что вѣче, существовавшее въ Польшѣ съ середины XII в., не имѣетъ ничего общаго, кромѣ имени, съ древнеславянскимъ вѣчемъ, вышедшимъ у поляковъ изъ употребленія при Мечиславѣ I (ум. въ 992 г.) и Болеславѣ Храбромъ (ум. въ 1025 г.), которые

---

[9]) Литература этого предмета не особенно богата. Первымъ трудомъ о польскомъ вѣчѣ была студенческая работа г. *Р. Новаковскаго* «O wiecach w Polsce w XI, XII i XIII wieku», помѣщенная въ «Roczniku zbiorowym prac naukowych na rok 1879». Warszawa. 1879 (стр. 47—69). Съ характеромъ самостоятельнаго изслѣдованія является критическая о ней статья г. *Абчинскаго* въ журналѣ «Ateneum» (1880, czerwiec, 547—557). Кромѣ того, этому же предмету посвящаетъ около 30 страницъ г. *Вл. Дьячанъ* въ соч. «Участіе народа въ верховной власти въ славянскихъ государствахъ до измѣненія ихъ государственнаго устройства въ XIV и XV вѣкахъ». Варшава. 1882 (см. стр. 54—83). *Maciejowski* въ своей знаменитой Historyi prawodawstw słowiańskich (изд. 2. Варшава. 1858. II, 80 sq.) даетъ очень мало свѣдѣній по этому вопросу, не говоря о странныхъ взглядахъ, которые мы находимъ часто у этого историка права.

управляли государствомъ безъ всякаго участія народа [10]), тогда какъ другіе историки признаютъ, что вѣча собирались въ Польшѣ непрерывно и въ эту эпоху [11]). Я не упомянулъ бы объ этомъ разногласіи, если бы почтенный краковскій ученый въ доказательство своего тезиса, кромѣ молчанія лѣтописцевъ, не привелъ того соображенія, что на древнеславянскихъ вѣчахъ участвовалъ весь народъ (cały lud) и рѣшалъ свои дѣла, тогда какъ на пястовскихъ вѣчахъ засѣдали приглашенные королемъ духовные и свѣтскіе сановники и должностныя лица въ качествѣ его совѣтниковъ и исполнителей его воли [12]). Не касаясь вопроса о взаимныхъ отношеніяхъ князя и вѣча, я обращаю вниманіе читателя на отмѣченную проф. Бобржинскимъ перемѣну въ составѣ вѣча: для объясненія ея нѣтъ надобности прибѣгать къ перерыву въ существованіи вѣча, такъ какъ постепенный переходъ первоначальныхъ демократическихъ собраній въ аристократическія— общее явленіе въ исторіи и германскихъ, и славянскихъ народовъ. Польское вѣче, о которомъ вообще мы знаемъ такъ мало, въ этомъ, по крайней мѣрѣ, отношеніи не можетъ представлять изъ себя какую-либо загадку: и оно, такъ сказать, повиновалось общему правилу. Въ тѣхъ мѣстахъ лѣтописей, гдѣ говорится о вѣчахъ XI и слѣд. вѣковъ, участниками въ нихъ постоянно называются barones ac milites regni Poloniae (1040 г.), nobiles terrae (1079 г.), regni primates (1140 г.), magnates et viri honesti (1194 г.) и т. д., кромѣ высшаго и частью низшаго духовенства и должностныхъ лицъ [13]). Правда, есть извѣстія изъ той же эпохи о созваніи и всего народа, но одинъ изъ изслѣдователей этого вопроса весьма основательно доказываетъ, что въ подобныхъ случаяхъ народъ призывается въ качествѣ свидѣтелей, или же данное собраніе не было вѣчемъ, а напр., участіемъ мѣстныхъ жителей въ разграниченіи жалованныхъ княземъ земель [14]). Другіе авторы, писавшіе о томъ же предметѣ, даже не считаютъ возможнымъ подъ словомъ «populus» разумѣть въ этихъ

---

10) *Bobrzyński*, Dzieje Polski. I, 105 sq.

11) См. разборъ книги Бобржинскаго, сдѣланный проф. *Зигелемъ* въ «Крит. Обозр.» за 1879 г. № 18, стр. 7. *Вл. Дьячанъ*, 56 sq. *Г. Новаковскій* высказываетъ такое же мнѣніе, какъ и Бобржинскій, 48.

12) Najwyższą władzą był wiec, tj. zgromadzenie całego ludu. *Bobrzyński*. I, 81. Znieśli oni (Мѣшко и Болеславъ Храбрый) zgromadzenia republikańskie wiecowe. Ibid., I, 106.

13) *Nowakowski*, 58 sq. *Вл. Дьячанъ*, 58—66.

14) *Abczyński*, 552. Нельзя не отмѣтить того, что небольшая (всего 10 стр.) работа г. Абчинскаго по своему матеріалу имѣетъ важное значеніе въ исторіи вопроса.

извѣстіяхъ простой народъ и толкують слово въ томъ смыслѣ, что оно стоитъ, вмѣсто «milites» [15]). Исключая изъ состава вѣча духовныя и должностныя лица, нельзя не отмѣтить, что прочіе участники обозначаются нерѣдко, какъ лица двухъ категорій, напоминающихъ позднѣйшее различеніе между панами и шляхтою: я имѣю въ виду такія выраженія, какъ «barones ac milites» или «magnates et viri honesti». Несомнѣнно, что въ вѣчахъ принимали участіе не одни строго-аристократическіе элементы общества, т. е. паны, обозначаемые въ писанныхъ полатыни памятникахъ, какъ «barones», «primates», «optimates», «magnates», но и то «воинство Польши» (milicia Poloniae, какъ сказано въ одномъ извѣстіи), которое было родоначальникомъ позднѣйшаго рыцарскаго сословія Рѣчи Посполитой. Утрата вѣчемъ его первоначальнаго демократическаго характера заключалась въ томъ, что при возраставшей дифференціаціи общества народныя собранія все болѣе и болѣе переставали посѣщаться людьми, которые не могли поддерживать свое мнѣніе силою, все болѣе и болѣе превращались въ вѣча пановъ и воиновъ. Если мы сравнимъ по составу средневѣковыя польскія вѣча съ сеймиками новаго времени, то большой разницы между ними въ этомъ отношеніи не найдемъ: и въ сеймикѣ принимали участіе духовные и свѣтскіе сенаторы (епископъ, воеводы, каштеляны) и другія должностныя лица, а затѣмъ «цѣлый шляхетскій станъ», «все рыцарство» [16]), съ тѣмъ только различіемъ, что духовенство, кромѣ епископа, за рѣдкими исключеніями, не появлялось на сеймѣ въ качествѣ именно духовныхъ лицъ: послѣднія бывали на сеймикахъ только, какъ наслѣдственные владѣльцы (dziedzice) земель въ воеводствѣ [17]).

Было бы однако большою ошибкою дѣлать отсюда тотъ выводъ, что сеймики были непосредственнымъ продолженіемъ подобныхъ вѣчъ. Дѣло въ томъ, что между эпохой участія рыцарства въ вѣчахъ и эпохой шляхетскихъ сеймиковъ былъ цѣлый періодъ, когда «milites» и «nobiles» вообще не играли никакой почти роли, а все дѣлалось въ присутствіи (in presentia) или съ согласія (cum consensu) такъ называемыхъ бароновъ, т. е. придворныхъ и земскихъ должностныхъ лицъ, назначавшихся изъ незначительнаго числа знатныхъ и бога-

---

15) *Проф. Зигель*, l. c. *Nowakowski*, 57. Послѣдній говоритъ: wyraz *naród* (populus) użyty w przytoczonych dokumentach nie oznacza zebrania ludu, ...lecz wyraża rycerstwo drobne—milites, w przeciwieństwie do wyższej arystokracyi и т. д.

16) *Pawiński*. Rządy sejmikowe w Polsce, 3—5, cf. *Вл. Дъячанъ*, 63—65.

17) *Pawiński*, 4.

тыхъ родовъ [18]). Раздѣленіе Польши на отдѣльныя княжества придало еще больше силы этой аристократіи, стремленіями которой даже и объясняется распаденіе польскаго государства на удѣлы [19]), но и послѣ возстановленія единой монархіи въ началѣ XIV вѣка прежняя роль бароновъ продолжается. Напр., въ вислицкомъ статутѣ Казиміра Великаго прямо говорится, что онъ изданъ вмѣстѣ съ баронами (una cum baronibus nostris), а въ отдѣльныхъ постановленіяхъ этого статута упоминается о совѣтѣ (de consilio) бароновъ, о ихъ волѣ (de voluntate), о ихъ желаніи (visum fuit baronibus) и даже прямо о ихъ властномъ правѣ (statuit nostrorum baronum auctoritas) [20]). Прекращеніе династіи Пястовичей со смертью Казиміра Великаго даже совершенно отдало въ руки свѣтской и духовной аристократіи судьбы государства: расширенію ея правъ [21]) соотвѣтствовало и новое названіе, коимъ бароны начинаютъ обозначаться, а именно они дѣлаются теперь господами, «панами» (domini), и даже самъ король Владиславъ въ одномъ документѣ выражается о нихъ, какъ о господахъ королевства (domini Regni) [22]). «Простой рыцарь, по словамъ знатока исторіи польскаго права Ромуальда Губе, т. е. шляхтичъ, не имѣвшій земской или придворной должности, не пользовался никакимъ политическимъ значеніемъ. Правда, для него не была заграждена дорога къ достиженію званія барона, но если онъ не происходилъ изъ дигнитарскаго рода, то это требовало съ его стороны не мало усилій и притомъ при стеченіи особенно благопріятныхъ обстоятельствъ. Не принадлежа къ числу пановъ, онъ игралъ въ обществѣ только второстепенную роль и либо проводилъ жизнь въ дворовой службѣ у болѣе важныхъ пановъ, какъ ихъ домочадецъ или «дворянинъ» (dworzanin, familiaris), либо посвящалъ себя въ деревенской глуши хозяйству, далекій отъ общественныхъ дѣлъ. Сколько-нибудь явное его выступленіе было или дерзостью, или дѣломъ высшихъ заправилъ, или же, наконецъ, совершалось каждый разъ съ дозволенія государя. Въ отношеніи къ баронамъ онъ совершенно зависѣлъ отъ произвола ихъ судебной власти и исполнялъ ихъ приговоры, въ постановленіи коихъ не принималъ, такъ сказать, никакого законнаго участія» [23]). Поэтому между старыми вѣчами, на

---

[18]) *R. Hube.* Statuta nieszawskie z roku 1454. Warszawa. 1875, стр. 9 sq.

[19]) См. въ слѣдующей главѣ.

[20]) *R. Hube.* Statute nieszawskie, 12.

[21]) Ibid., 14 sq.

[22]) Statutum praedecessoris nostri de consilio et assensu praelatorum et dominorum Regni approbantes. Ibid., 16.

[23]) Ibid., 17—18.

коихъ, появлялись, кромѣ бароновъ, и рыцари, и сеймиками позднѣйшаго времени мы видимъ довольно продолжительный перерывъ [24]).

Однако именно въ эпоху наибольшаго политическаго значенія аристократіи и начинается участіе въ государственныхъ собраніяхъ той самой шляхты, которая ранѣе появлялась на вѣчахъ, а позднѣе имѣла свои сеймики. Мы видѣли, что въ XII—XIII в. ея значеніе было основано на томъ, что она составляла рыцарство, т. е. вооруженную силу страны, и что даже въ эпоху аристократическаго правленія она также выступала на поприще политики, хотя и не въ самостоятельной роли большею частью. На эту силу паны стали опираться, когда съ прекращеніемъ пястовской династіи на польскій престолъ были выбираемы значительные иностранные государи, т. е. король венгерскій и великій князь литовскій, и эту силу начали привлекать на свою сторону, расширяя шляхетскія права. Съ конца XIV вѣка въ источникахъ упоминаются уже и съѣзды (conventiones) бароновъ съ рыцарствомъ для устроенія текущихъ дѣлъ: здѣсь собирается, какъ выражаются памятники, «universa communitas baroniae, nobilium ac militum», «communitas praelatorum, baronum nec non nobilium» и т. д., причемъ съѣзды эти были мѣстные и общіе. Напр., въ 1414 и 1419 гг. должностныя лица земли лэнчицкой съ согласія всего шляхетства, конечно, мѣстнаго (ex consensu totius communitatis) сдѣлали нѣсколько постановленій, касавшихся этой земли. Длугошъ разсказываетъ, что въ 1404 г. Владиславъ Ягелло велѣлъ собирать частныя собранія (conventus particulares), а послѣ нихъ общій съѣздъ (conventio generalis), на который были призваны прелаты, бароны и рыцари, такъ что Кромеръ въ своей «Исторіи Польши» (1598 г.) усмотрѣлъ въ частныхъ собраніяхъ первые сеймики, хотя подъ conventus particulares нужно разумѣть простыя конференціи королевскихъ уполномоченныхъ съ шляхтою разныхъ мѣстностей, а на общемъ съѣздѣ (въ Корчинѣ) было вообще рыцарство, а не послы шляхты, т. е. не выборные представители [25]). Послѣдній примѣръ показываетъ, что и короли находили нужнымъ собирать шляхту для совѣщаній. Притомъ на обсужденіе шляхты отдавались уже весьма важныя дѣла, каковы:

---

[24]) «Сопоставляя, говоритъ *Бобржинскій*, упоминанія Длугоша о вѣчахъ и съѣздахъ и сеймикахъ, бывшихъ послѣ 1454 г., каждый можетъ убѣдиться, что сеймы наши не находятся ни въ какой связи съ прежними вѣчами или съѣздами praelatorum, baronum et militum, но что самостоятельно возникли изъ сеймиковъ, которые въ свою очередь возникли въ силу нешавскихъ статутовъ». O ustawodawstwie niesz., 166—167.

[25]) *Hube*, 18 sq.

права на корону, мирные договоры, отношенія между Польшею и Литвою, подавленіе ереси (гуситства), установленіе чрезвычайныхъ поборовъ, введеніе новыхъ законовъ.

Впрочемъ, до середины XV в. главная роль на этихъ съѣздахъ принадлежала баронамъ, или дигнитаріямъ. «Они, говоритъ Губе, были душою совѣщаній, отъ нихъ исходила иниціатива послѣднихъ, они указывали на средства, ведшія къ предназначенной цѣли; простой рыцарь довольствовался тѣмъ, что былъ допущенъ къ совѣщаніямъ съ дигнитаріями и что могъ потомъ говорить объ участіи въ принятыхъ рѣшеніяхъ своимъ присутствіемъ и согласіемъ. Въ актахъ, составлявшихся о такихъ съѣздахъ, мы находимъ почти исключительно упоминанія о присутствіи отдѣльныхъ дигнитаріевъ, какъ лицъ, собственно и составлявшихъ собранія, на которыхъ происходили совѣщанія и дѣлались постановленія» [26]). Такъ было до піотрковскаго съѣзда 1453 г., о коемъ есть достаточно подробное свидѣтельство Длугоша. Казиміръ Ягеллончикъ былъ въ борьбѣ съ аристократіей; для улаженія споровъ и былъ созванъ сеймъ, состоявшій изъ прелатовъ, бароновъ и рыцарства, и тутъ было рѣшено, что совѣщанія будутъ происходить въ двухъ отдѣльныхъ собраніяхъ: въ одномъ должны были принять участіе одни вельможи (primores, какъ выражается Длугошъ), въ другомъ — шляхта и менѣе важные бароны. Король согласился на предложенныя ему условія и присягнулъ, что будетъ ихъ соблюдать, и эта присяга была произнесена въ присутствіи высшихъ сановниковъ и двѣнадцати делегатовъ отъ шляхетской общины (primoribus advocatis et duodecim ex communitate accersitis), какъ повѣствуетъ названный историкъ [27]). Можно высказывать разныя предположенія о причинахъ такого раздѣленія съѣзда на два отдѣльныя собранія [28]), но самый фактъ не подлежитъ сомнѣнію, какъ и то, что съ этого перваго отдѣльнаго совѣщанія шляхты начи-

---

26) Ibid., 22.

27) Consilio bipartito, quo facilior maturiorque ederetur, pro stabilimento Regni, in tam difficili eventu, provisio, ita ut primores unum locum tenerent, nobilitas cum mediocribus baronibus alterum locum observarent, concordes conclusiones ab utrisque editae et ab omnibus acceptatae sunt, ut *etc*........ Altera die, quo res secretior fieret, primoribus advocatis et duodecim ex communitate accersitis, in confirmationem jurium consentiens *etc. J. Dlugossi* Historiae Polonicae liber XIII, sub anno 1453 (по лейпцигскому изд. 1712 г. т. II, стр. 114—115).

28) Длугошъ объясняетъ это соображеніями объ удобствѣ. *Hube* (Stat. niesz.) думаетъ, что этимъ способомъ аристократія хотѣла произвести болѣе сильное давленіе на неуступчиваго короля, 22—23.

нается самостоятельная роль последней въ государственныхъ дѣлахъ. Скоро, дѣйствительно, наступилъ моментъ, когда рыцарство, само по себѣ, безъ участія бароновъ заявило свои собственныя желанія, отчасти даже направленныя противъ бароновъ. Произошло это въ слѣдующемъ же 1454 г., когда шляхта, пользуясь примѣромъ, поданнымъ ей можновладствомъ за тридцать лѣтъ передъ тѣмъ въ лагерѣ подъ Червинскомъ, выступила съ своими требованіями въ лагеряхъ подъ Церевницей и подъ Опокой.

Въ 1454 г. былъ объявленъ прусскій походъ по настоянію призванной королемъ на совѣтъ шляхты, и на зовъ короля собралось великопольское рыцарство подъ Церевницей, деревней, принадлежавшей архіепископу гнѣзненскому: тутъ передъ королевской палаткой начался такой шумъ и крикъ, раздались такія настойчивыя требованія утвержденія за рыцарствомъ его правъ и дарованія ему новыхъ привилегій, соединенныя съ угрозою, что пока шляхта не получитъ желаемаго, то не будетъ сражаться, — однимъ словомъ, такъ энергично выступило собравшееся воинство, что Казиміръ долженъ былъ утвердить права и прерогативы (jura et praerogativas) рыцарства. Извѣстно, что вскорѣ послѣ этого поляки потерпѣли пораженіе (подъ Хойницами); былъ назначенъ новый походъ уже рыцарства всѣхъ земель, кромѣ русскихъ, и въ Опокахъ, гдѣ былъ сборный пунктъ, малопольская шляхта потребовала себѣ того, что уже было получено великопольскою. Въ Нешавѣ передъ переходомъ черезъ Вислу рыцарство получило утвержденіе правъ, дарованныхъ ему предшественниками Казиміра, и признаніе со стороны короля «нѣкоторыхъ новыхъ вольностей и прерогативъ», какъ выражается Длугошъ [29]). Проф. Бобржинскій доказалъ въ своей работѣ о нешавскомъ статутѣ, что тутъ выдана была не одна привилегія, какъ принималось прежде, а получены были отдѣльныя привилегіи землями малопольскими, великопольскими и землею сѣрадзьскою [30]). Сущность этихъ привилегій—подтвержденіе старыхъ правъ и дарованіе новыхъ [31]).

Въ десятой статьѣ церевницкой привилегіи было сказано, что

---

29) *Bobrzyński*. O ustawodawstwie, 144 sq. *R. Hube*, 6 sq.

30) *Bobrzyński*, 23 sq., 33 sq.

31) Длугошъ въ двухъ мѣстахъ указываетъ на новшества: 1) Confirmationem jurium *et largitionem novorum*, nec aliter in ordines, nec pugnam ituros, exposcebant (о церевницкомъ происшествіи). Указ. изд. II, 154. 2) Exercitum suum... per pontes... traducit, juribus tamen Regni praedecessorum suorum perprius confirmatis *et aliquibus libertatibus et praerogativis de novo adjectis* (о событіи въ Нешавѣ), II, 162.

впредь не будетъ издано ни одного новаго постановленія (institutio, какъ назывались королевскія распоряженія, не прошедшія черезъ оффиціальное совѣщаніе съ дигнитаріями) въ силу частныхъ совѣтовъ (privatis consiliis), и не будетъ начато похода безъ общаго земскаго съѣзда (absque communi terrestri conventione), и что все имѣющее быть вновь постановленнымъ должно подвергаться предварительному разсмотрѣнію земскихъ общинъ (communitatibus terrestribus prius praticatae) [32]). Эта статья съ нѣкоторыми измѣненіями была принята въ нешавскій статутъ: главное изъ нихъ для насъ то, что здѣсь говорится только объ общемъ земскомъ съѣздѣ (въ Шродѣ) и опущено обѣщаніе относительно созванія отдѣльныхъ шляхетскихъ гминъ [33]). Впрочемъ, это измѣненіе имѣетъ важное значеніе только для предмета, который мы разсмотримъ въ слѣдующей главѣ. Опущенъ былъ въ нешавской привилегіи и мотивъ такого обѣщанія, выраженный въ словахъ церекзицкаго акта, что это будетъ дѣлаться впредь, дабы государство управлялось болѣе разумнымъ образомъ (ut respublica in posterum sanius dirigatur). Замѣчательно, что въ малопольскихъ привилегіяхъ мы не находимъ соотвѣтственной статьи, потому, думаетъ Губе, что малополяне считали излишнимъ требовать формальнаго подтвержденія тому, что de facto уже существовало [34]), или потому, какъ предполагаетъ Бобржинскій, что малопольская шляхта дольше, нежели великопольская, находилась подъ вліяніемъ пановъ [35]).

Уже въ слѣдующемъ за нешавскимъ законодательствомъ году обнаружилось въ полной силѣ политическое значеніе, какое получила шляхта въ дѣлахъ законодательства, рѣшенія вопроса о посполитомъ рушеніи и установленія налоговъ. По разсказу Длугоша, Казиміръ Ягеллончикъ созвалъ на конецъ мая 1455 г. съѣздъ «прелатовъ и бароновъ государства» для совѣщанія о дальнѣйшемъ веденіи войны. Паны королевской рады высказались противъ всеобщаго ополченія, предложивъ вести войну наемнымъ войскомъ, но не рѣшились сами наложить подати на страну, такъ что оставалось одно—обратиться къ сеймикамъ [36]). Сеймики послѣ нѣкотораго сопротивленія согласи-

---

[32]) *Hube*, 28.

[33]) Ibid., 44.

[34]) Ibid., 47—48.

[35]) *Bobrzyński*, 157.

[36]) Casimirus Poloniae rex... ad consulendum rebus terrarum Prussiae conventionem generalem in Piotrkow... instituit... Et convenientibus praelatis et baronibus regni Poloniae *etc*... Conclusum est, expeditionem terrarum regni

лись на поборъ. Передавая этотъ разсказъ, Бобржинскій совершенно вѣрно замѣчаетъ, что «такимъ образомъ первое вѣче (аристократическій съѣздъ), собранное послѣ изданія нешавскихъ статутовъ, должно было уступить первенство сеймикамъ, на которые перенесся центръ тяжести государства» [37]). Ходъ военныхъ дѣйствій потребовалъ однако осенью того же года посполитаго рушенія, но походъ по винѣ пановъ былъ неудачный. Шляхта была крайне недовольна, и когда подъ Грауденцемъ начались совѣщанія о томъ, что дѣлать въ виду неудачи, то совѣты старшихъ пановъ были отвергнуты, и изъ шляхты было выбрано нѣсколько младшихъ людей, съ коими король и обдумывалъ мѣры для поправленія дѣлъ [38]). Тутъ и сдѣланы были нѣкоторыя постановленія, которыя нерасположенный къ шляхтѣ Длугошъ называетъ «скорѣе народными, нежели королевскими» [39]). «Это, замѣчаетъ Бобржинскій, была инавгурація формальнаго шляхетскаго правленія, совершенный переворотъ въ прежнемъ государственномъ устройствѣ. На мѣсто вѣча, составленнаго изъ духовныхъ и свѣтскихъ сановниковъ, выступалъ законодательный и вмѣстѣ съ тѣмъ правительствующій корпусъ, вышедшій изъ выборовъ шляхетской массы съ прямымъ полномочіемъ ad formandum rei publicae statum» [40]). Правда, это былъ въ то время единственный въ своемъ родѣ примѣръ, но это все-таки самый ранній прецедентъ того, что позднѣе дѣйствительно стало общимъ правиломъ.

Такъ началось правильное и постоянное участіе шляхты въ государственныхъ дѣлахъ. Въ слѣдующей главѣ мы разсмотримъ вопросъ о возникновеніи «посольской избы», т. е. собранія «пословъ», которыхъ выбирали сеймики, бывшіе не представительными, а пого-

---

pro majori necessitate reservari et pro pecuniis habendis solvere de universis laneis fertones... Pro solvendis fertonibus particulares conventiones in singulis terris decretae *etc.* *Длугошъ.* II, 170.

[37]) *Bobrzyński.* O ustawodawstwie nieszawskiem, 162.

[38]) Et damnatis veterum baronum et dignitariorum consiliis, quasi successus non laetos habentibus, quidam juniores ex communitate ad formandum reipublicae statum lecti. *Длугошъ.* II, 180.

[39]) Decreta popularia, magis quam regia, ad Grudzancz scita *etc.* *Длугошъ.* II, 180.

[40]) *Bobrzyński*, 164. Кромѣ работъ о нешавскомъ законодательствѣ, *Бобржинскій* написалъ еще статью о сеймахъ при Янѣ Альбрехтѣ и Александрѣ (Ateneum, 1876), пропустивъ все царствованіе Казиміра Ягеллончика, такъ какъ Длугошъ даетъ слишкомъ мало матеріала для исторіи сеймовъ этой эпохи. Sejmy polskie za Olachta i Aleksandra (Ateneum. 1876, Kwiecień, 8). Тѣмъ не менѣе для этой переходной эпохи отсылаю къ V тому Geschichte Polens von *Dr. J. Caro*, вышедшему въ двухъ частяхъ въ 1886 и 1888 г.

ловными собраніями шляхты. Пока для насъ достаточно того, что шляхта получила право участвовать въ законодательствѣ, — право, формально признанное наконецъ за общимъ сеймомъ въ началѣ XVI в. (статутомъ 1505 года. «Nihil novi», о которомъ подробнѣе рѣчь будетъ идти въ слѣдующей главѣ). Это право само стало одной изъ привилегій шляхты: другія сословія не имѣли своихъ представителей въ «посольской избѣ», какъ не участвовали и въ сеймикахъ.

Участіе крестьянскихъ депутатахъ въ средневѣковыхъ сословно-представительныхъ собраніяхъ представляетъ изъ себя вообще явленіе исключительное: общимъ правиломъ было, наоборотъ, отсутствіе всякихъ политическихъ правъ у сельскаго населенія, что и понятно при томъ ограниченіи даже гражданскихъ его правъ, которое представляетъ собою одну изъ наиболѣе характерныхъ чертъ средневѣковаго соціальнаго быта. Польша не составляла исключенія изъ общаго правила. Уже въ эпоху, когда еще существовали старыя вѣча, «народъ» на нихъ не появляется; еще менѣе могъ онъ играть политическую роль въ эпоху аристократическаго правленія, когда даже шляхта была устранена изъ политическихъ собраній; наконецъ, возвышеніе шляхты, давшее ей возможность играть политическую роль, происходило именно путемъ приниженія народныхъ массъ, и однимъ изъ первыхъ пріобрѣтеній законодательствующей шляхты было превращеніе крестьянъ въ совершенно безправный общественный классъ. Въ XVI в. иностранцы, посѣщавшіе Польшу, уже писали, что въ цѣломъ свѣтѣ нельзя было найти болѣе презрѣннаго раба, чѣмъ польскій кметъ, болѣе несчастнаго и бѣднаго существа, чѣмъ литовскій крестьянинъ. Такимъ образомъ устраненіе отъ участія въ сеймѣ сельской народной массы является для насъ фактомъ совершенно понятнымъ, не требующимъ дальнѣйшаго объясненія: наоборотъ, пришлось бы объяснять, какъ нѣчто особенное, мало понятное, если бы крестьяне также высылали своихъ пословъ на сеймъ. Поэтому мы можемъ не распространяться болѣе о хлопско-шляхетскихъ отношеніяхъ [41]).

Другое дѣло—города: со второй половинѣ XIII вѣка, особенно же начиная съ слѣдующаго столѣтія, ихъ представители являются на Западѣ весьма существеннымъ элементомъ сословныхъ чиновъ, такъ что отсутствіе этого общественнаго элемента на польскихъ сеймахъ нуж-

[41]) Исторія крестьянства въ Польшѣ обработана весьма мало. См. выше, стр. 22, примѣч. 2. Можно надѣяться, что польскіе историки не замедлятъ обратиться къ изученію этого предмета, такъ какъ уже есть нѣкоторые признаки, на это указывающіе.

дается въ спеціальномъ объясненіи [42]). Первое обстоятельство, прямо бросающееся въ глаза, было то, что городъ въ Польшѣ былъ въ эпоху возникновенія сейма непольскимъ по своему населенію и чѣмъ-то стоявшимъ внѣ государства по своему отношенію къ послѣднему. Извѣстно, что въ старой Польшѣ значительныхъ городовъ не было; появляются они въ XIII в. послѣ того, какъ монголы опустошили страну, и князья начали привлекать въ нее переселенцевъ изъ Германіи, охотно покидавшихъ свою родину, гдѣ какъ разъ въ эту эпоху господствовало «кулачное право». Въ XIII столѣтіи не только въ прежнихъ польскихъ городахъ появляется довольно значительное нѣмецкое населеніе, состоявшее преимущественно изъ ремесленниковъ, но даже возникаютъ чисто нѣмецкія поселенія. Такъ, въ исходѣ первой половины XIII в. нѣмцы поселяются въ Краковѣ и Сандомірѣ, а черезъ нѣсколько лѣтъ въ Познани рядомъ съ старымъ польскимъ городомъ возникаетъ новый, населенный выходцами изъ Германіи, и тогда же основывается совершенно новый нѣмецкій городъ Неймарктъ въ Силезіи и т. д. Колонисты получаютъ и нѣмецкое городское право, извѣстное главнымъ образомъ подъ названіемъ магдебургскаго (jus municipale Maideburgense), съ весьма широкимъ самоуправленіемъ и даже съ освобожденіемъ отъ несенія всякой государственной тяготы, и кромѣ того, имъ уступаются пригородныя земли. Во главѣ города становится войтъ (woyt, нѣм. Vogt) съ судебною и полицейскою властью, другія же дѣла вѣдаются бургомистромъ и совѣтниками и т. д. Купеческое и ремесленное сословія, далѣе, организуются въ цехи съ особыми выборными должностными лицами. Эпохой процвѣтанія нѣмецкихъ городовъ въ Польшѣ былъ именно XV вѣкъ, но и въ это время они сохраняли еще свой прежній нѣмецкій характеръ, представляя изъ себя какъ-бы оазисы Германіи среди польской земли въ національномъ отношеніи и какъ бы своего рода государства въ государствѣ въ отношеніи политическомъ. Полонизація городовъ въ Рѣчи Посполитой относится только къ XVI вѣку, т. е. къ эпохѣ, когда шляхта успѣла сдѣлаться господствующимъ сословіемъ, которое притомъ уже систематически унижало «мѣщанъ», подрывало благосостояніе городовъ. Другими словами, во время пріобрѣтенія шляхтою политическихъ правъ и образованія сейма «мѣщанство» въ Польшѣ весьма мало интересовалось общегосударственными дѣлами, тѣмъ болѣе, что было осво-

[42]) Города въ старой Польшѣ также еще ждутъ своего историка. Для эпохи, когда началось шляхетское сеймованіе, см. *Papée.* Przełom w stosunkach miejskich za Kazimierza Jagiellończyka. Przewodnik naukowy.

бождено отъ военной службы и податей: если мы припомнимъ, что даже въ средневѣковой Англіи города нерѣдко смотрѣли на представительство, какъ на обязанность и подчасъ тяжелую, то для насъ не будетъ ничего удивительнаго въ томъ, что города въ Польшѣ, занимавшіе столь обособленное мѣсто и въ національномъ, и политическомъ отношеніи, уклонились отъ призыва короля Александра (1501—1506), приглашавшаго ихъ присылать и своихъ пословъ на сеймъ [43]); потомъ же, когда шляхта, завладѣвши исключительно сеймомъ, стала систематически унижать городъ, было поздно думать, чтобы шляхта захотѣла подѣлиться съ мѣщанами своею властью. Мѣщане не несли военной службы, шляхта же въ 1496 г. выставила принципъ, по которому всякій, не отбывающій воинской повинности, не могъ имѣть права владѣть «земскими имуществами», а въ 1538 г. принудила мѣщанъ распродать свои внѣгородскія земли. Исключеніе было сдѣлано только для Кракова, жителямъ коего было предоставлено право владѣть «земскими имѣніями» и высылать своихъ пословъ на сеймъ: шляхта перетянула этимъ Краковъ на свою сторону, дабы онъ не сталъ во главѣ недовольныхъ городовъ [44]) Около того же времени издаются распоряженія, ограничивающія городское самоуправленіе путемъ расширенія власти воеводъ относительно промышленности и торговли, стѣсняющія цеховыя и купеческія привилегіи, запрещающія сельчанамъ переселяться въ города, а въ 1505 г. установляется законъ, по которому шляхтичъ, предающійся мѣщанскимъ занятіямъ, тѣмъ самымъ утрачиваетъ шляхетство.

Итакъ, рядомъ съ послами отъ шляхетскихъ общинъ, составлявшихъ воеводства и имѣвшихъ свои сеймики, мы не видимъ въ Польшѣ такихъ же пословъ отъ мѣщанскихъ общинъ, каковыми были города, пользовавшіеся магдебургскимъ правомъ. Съ другой стороны, и въ сеймикахъ не могли принимать участія мѣщане, ибо позднѣе это была привилегія шляхты по праву рожденія и обладанія «земскою собственностью»: на сеймикъ могъ являться только шляхтичъ, «сеймиковыя собранія шляхты, говоритъ проф. Павинскій, подобны, такимъ обра-

---

[43]) *Bobrzyński*. Sejmy polskie za Olbrachta i Aleksandra (Ateneum 1876, kwiecień, 41 sq., maj, 340—341). «Прежде нежели, говоритъ еще проф. Бобржинскій, услышали о сеймикахъ, духовенство имѣло свои синоды, а мѣщане свои народныя собранія, заступавшія мѣсто сеймиковъ. Когда послѣдніе возникли, ни тѣ, ни другіе туда не устремились. Они не предчувствовали, что изъ сеймиковъ возникнетъ законодательная власть цѣлаго государства». Ibid., kwiecień, 18.

[44]) *Bobrzyński*. Dzieje Polski w zarysie, II, 44.

зомъ, куріатнымъ комиціямъ въ древнемъ Римѣ, которыя состояли изъ однихъ патриціевъ. Что по происхожденію своему не принадлежитъ къ шляхетскому сословію, не входитъ въ составъ сеймика, остается внѣ его. Отсюда пошло исключеніе всѣхъ иныхъ общественныхъ элементовъ, пренебреженіе къ промышленнымъ и торговымъ предпріятіямъ. Въ древнемъ Римѣ рядомъ съ патриціанскими собраніями были собранія гражданъ, распредѣленныхъ на классы по величинѣ имущества безъ всякаго различія по происхожденію. Такихъ собраній въ воеводствѣ рядомъ съ шляхетскимъ сеймикомъ не было. Были только отдѣльныя городскія и до извѣстной степени сельскія общины. Сеймикъ, продолжаетъ тотъ же историкъ,—сеймикъ въ своемъ корпоративномъ коснѣніи не поднимается до высшаго понятія о гражданствѣ, которое вводила въ жизнь французская революція 1789 г. Ближе всего къ шляхтѣ находилось мѣщанство, въ иныхъ странахъ Европы и привлекавшееся къ политической жизни, и его шляхтѣ было легче слить съ собою, чѣмъ крѣпостнаго хлопа, жившаго въ полной зависимости отъ панскаго двора. Но незначительныя территоріи воеводствъ съ рѣдко разбросанными по нимъ мѣстечками не позволяли городскимъ общинамъ выступать на болѣе видное мѣсто передъ сеймиками. Такимъ, образомъ шляхетскія собранія сохраняли нѣсколько вѣковъ свой исключительный характеръ, свое средневѣковое устройство» [45]).

Вотъ поэтому въ Польшѣ не было ни городскихъ «пословъ» рядомъ съ земскими въ одной и той же или въ двухъ разныхъ «посольскихъ избахъ», ни такихъ земскихъ пословъ, въ избраніи коихъ участвовала бы не одна шляхетская община воеводства, но и существовавшія въ послѣднемъ общины мѣщанъ. Городъ (miasto) стоялъ слишкомъ особнякомъ отъ остальнаго государства, — по крайней мѣрѣ, нѣкоторое время,—чтобы получить участіе въ общегосударственномъ собраніи, а маленькія городскія поселенія, т. е. мѣстечки (miasteczko есть уменьшительное отъ слова «miasto», городъ) были слишкомъ незначительны, чтобы играть какую-либо особую роль въ воеводствахъ, въ коихъ были расположены. Результатомъ этого и было то, что польское мѣщанство не было представлено на сеймѣ, а это, какъ мы упоминали, въ свою очередь имѣло слѣдствіемъ постепенное паденіе города въ Рѣчи Посполитой, такъ какъ шляхта, пользуясь своей законодательной властью, уничтожала старыя городскія привилегіи и создавала въ свою пользу новыя, шедшія въ разрѣзъ съ интересами мѣщанства.

---

[45]) *Pawiński*, 418.

Разсмотрѣвъ отношеніе шляхты къ населенію селъ и городовъ, мы должны теперь коснуться отношенія рыцарства, какъ «свѣтскаго сословія» (świeckiego stanu) къ сословію духовному, къ католическому клиру.

«Отодвинувъ на заднiй планъ городъ, — писали мы въ другомъ мѣстѣ,—и положивъ путы на его развитіе, закабаливъ крестьянъ, шляхта и паны имѣли въ обществѣ только одного соперника—духовенство: между ними должна была возникнуть борьба, и чисто соціальная оппозиція клиру главнымъ образомъ питала польскую реформацію XVI в.» [46]). Борьба эта—явленіе довольно старое, начинающееся еще за два вѣка до религіозной реформаціи: клиръ собиралъ въ пользу церкви съ землевладѣльцевъ «десятину», расширялъ компетенцію церковнаго суда, съ которымъ приходила въ столкновеніе шляхетская вольность, былъ освобожденъ отъ несенія воинской повинности за свои земельныя владѣнія и т. д. [47]), и недовольная всѣмъ этимъ шляхта бросается въ реформаціонное движеніе, которое само получаетъ въ Польшѣ чисто шляхетскій характеръ. Протестантами въ Рѣчи Посполитой являются главнымъ образомъ члены рыцарскаго сословія; они по собственному желанію и произволу «реформируютъ» костёлы въ своихъ помѣстьяхъ, заставляя подданныхъ хлоповъ ходить въ протестантскіе «сборы» [48]), а «варшавская генеральная конфедерація» 1573 г. прямо провозглашаетъ принципъ, по которому «подданные», т. е. именно крестьяне должны были слѣдовать приказаніямъ своихъ господъ не только въ свѣтскихъ дѣлахъ, но и въ духовныхъ [49]); протестантская шляхта держала въ черномъ тѣлѣ своихъ пасторовъ и обнаруживала поползновеніе забрать въ свои руки управленіе церковными дѣлами своего исповѣданія съ устраненіемъ отъ нихъ новаго духовенства [50]) и т. п. Извѣстно, что на сеймахъ середины XVI в. большинство посольской избы состояло изъ протестантовъ, которыхъ поддерживали и католики, какъ лучшихъ борцовъ противъ привилегій клира [51]): шляхта не хотѣла имѣть соперниковъ, а потому и стремилась всячески унизить богатое, могущественное и плотно организованное духовенство. Конечно, въ послѣднемъ нужно

---

[46]) См. мой «Очеркъ исторіи реформаціоннаго движенія и католической реакціи въ Польшѣ». М. 1886. Стр. 59—60.

[47]) *Ibid.*, 63 sq.

[48]) *Ibid.*, 99 sq.

[49]) *Ibid.*, 173 sq.

[50]) *Ibid.*, 125 sq.

[51]) *Ibid.*, 66 sq.

отличать духовенство высшее и низшее, и только, разумѣется, съ высшимъ приходилось состязаться шляхтѣ: приходскіе священники находились въ двойной зависимости — отъ своего духовнаго начальства и отъ владѣльцевъ тѣхъ населенныхъ имѣній, въ коихъ были пастырями душъ; шляхтѣ, явившейся въ XVI в. во всеоружіи своихъ правъ, хотѣлось сломить именно могущество духовныхъ сановниковъ. «Нешляхтичъ не имѣлъ владѣнія земли на «земскомъ правѣ»: у духовенства то же можно было отобрать имѣнія, чтобы обратить ихъ на государственныя нужды. На сеймахъ не было иныхъ сословій, кромѣ шляхты, но почему не устранить и изъ королевской «рады» засѣдавшихъ тамъ духовныхъ сенаторовъ?» [52]). Добиться своихъ цѣлей шляхтѣ не удалось: она только оставила за собою исключительное право занимать высшія церковныя должности (что положило новую черту различія между двумя частями клира, аристократической и плебейской), да добилась кое-какихъ измѣненій въ законодательствѣ относительно десятины и церковнаго суда, но церковное землевладѣніе не было уничтожено, и духовные сенаторы не лишились своихъ мѣстъ въ королевской «радѣ». Скоро притомъ наступила католическая реакція, предводимая іезуитами, и польское рыцарство подчинилось моральному авторитету клира [53]).

Для нашей спеціальной цѣли въ исторіи этихъ отношеній, кромѣ общаго ихъ характера, указывающаго на стремленіе шляхетскаго сословія быть единственнымъ господиномъ Рѣчи Посполитой, важны, собственно говоря два явленія: первое — доступъ къ высшимъ церковнымъ должностямъ, какъ исключительная привилегія шляхты, второе—попытка шляхты устранить духовный элементъ изъ сената. О послѣднемъ явленіи мы скажемъ нѣсколько словъ въ своемъ мѣстѣ, здѣсь же остановимся на только что указанной привилегіи занимать высшія церковныя должности. Если епископы нашли для себя мѣсто въ сенатѣ (подобно тому, какъ въ Англіи въ верхней палатѣ), то другіе прелаты, каноники и аббаты уже по одному тому не могли составить изъ себя отдѣльной отъ рыцарскаго сословія корпораціи, что сами были исключительно членами этого сословія. На сеймикахъ духовный чинъ отсутствовалъ, какъ чинъ: прелаты и каноники не появлялись здѣсь, какъ представители капитуловъ, а аббаты—какъ представители монастырей, кромѣ тѣхъ случаевъ, какъ говоритъ

52) *Ibid.*, 65 sq.

53) Собствемно говоря, на почвѣ интересовъ экономическихъ и политическихъ борьба шляхты съ духовенствомъ продолжалась и въ эту эпоху. *Pawiński*, 103 – 104.

проф. Павинскій, «когда пробсты и каноники прибывали на сеймикъ, какъ владѣльцы собственныхъ, наслѣдственныхъ имѣній, а не въ качествѣ представителей духовныхъ учрежденій» [54]). Это тождество высшаго духовенства съ шляхетствомъ при принадлежности епископовъ королевскому совѣту, съ одной стороны, и при полной приниженности плебейской части клира, съ другой, и было причиной того, что духовенство, какъ таковое, не представляло изъ себя въ Польшѣ особаго политическаго элемента, который имѣлъ бы отдѣльное отъ шляхты представительство: и духовный былъ прежде всего шляхтичемъ.

Къ эпохѣ прекращенія наслѣдственной монархіи въ Польшѣ шляхта въ Рѣчи Посполитой была именно тѣмъ самымъ «всѣмъ», чѣмъ, по мысли аб. Сійеса въ началѣ французской революціи, былъ въ дѣйствительности tiers-état. Крестьяне, мѣщане, даже духовенство должны были существовать лишь постольку, поскольку ихъ существованіе нужно было для господствующаго сословія. Возвышаясь въ экономическомъ и политическомъ отношеніяхъ, послѣднее начинало превращаться и въ культурный классъ: XVI вѣкъ въ Рѣчи Посполитой былъ эпохой весьма быстраго развитія литературы и распространенія образованности въ шляхетскихъ кругахъ польскаго общества. Не касаясь вопроса о характерѣ этого просвѣщенія [55]), мы должны здѣсь отмѣтить тотъ фактъ, что образованная шляхта нашла въ возникавшей національной и учено-латинской литературѣ органъ для выраженія своихъ общественныхъ и политическихъ идей. Съ этого именно времени ведетъ свое начало особая шляхетская теорія, которая заключала въ себѣ философское объясненіе и принципіальное оправданіе привилегированнаго положенія шляхты. Недавно одинъ изъ современныхъ польскихъ историковъ, г. Владиславъ Смоленскій, написалъ весьма интересный историческій этюдъ подъ заглавіемъ «Шляхта въ свѣтѣ собственныхъ мнѣній», гдѣ собралъ цѣлый рядъ литературныхъ свидѣтельствъ о томъ, какъ смотрѣло на себя польское рыцарство, и эти свидѣтельства восходятъ какъ разъ къ XVI вѣку [56]). Сущность

---

[54]) *Ibid.*, 4.

[55]) См. вышеуказанный мой «Очеркъ», стр. 40 sq.

[56]) *W. Smoleński.* Szlachta we świetle własnych opinij. Ateneum. 1880, wrzesień, 432—455. Въ дополненіе къ этому см. статью того же автора Szlachta w świetle opinii wieku XVIII. Ateneum. 1881, styczeń, 98—114. Въ русской литературѣ см. статью *Макушева* «Общественные и государственные вопросы въ польской литературѣ XVI в.». «Славянскій Сборникъ». Спб. 1876, т. III (по занимающему насъ предмету см. стр. 44 и слѣд.).

теоріи, развивавшейся многими писателями, была та, что шляхетство— фактъ исконный, что основа его — въ породѣ, въ старой и чистой крови: «сильная орлица не рождаетъ голубей, и слабый заяцъ не происходитъ отъ могучихъ львовъ», такъ объяснилъ наслѣдственность благородства одинъ изъ писателей XVI в. Другіе любили сравнивать шляхту съ кедромъ ливанскимъ, возвышающимся надъ прочими деревьями: такъ изображалось соціальное положеніе шляхты сравнительно съ другими сословіями, оправдывалось же это тѣмъ, что въ тѣлѣ государства шляхта — персь и рамена, тогда какъ «кмётки» (крестьяне), ремесленники и купцы только ноги, — или тѣмъ, что послѣдніе классы суть лишь внѣшніе члены польской короны, существующіе лишь ради служенія цѣлому, истинными членами коего является одна шляхта. Въ каждомъ государствѣ, проповѣдывалось еще, необходимъ такой чинъ людей, который, оставивъ все, что дѣлается ради корысти, исключительно предалъ бы себя дѣлу, приносящему честь и пользу краю: весь чинъ шляхетскій основанъ на правдѣ и вѣрѣ, а потому ему неприлично заниматься торговлею и ремеслами. Съ другой стороны людямъ, заботящимся только о собственной корысти, нельзя поручать должностей и защиту отечества. Потому, говорили, и счастлива Польша, что она вся, какъ на столбѣ, держится на благородномъ сословіи, а тѣмъ, кто грошъ выгоняетъ изъ гроша, локтемъ мѣритъ, квартой шинкуетъ, ремесломъ занимается или плугомъ работаетъ на другаго, оставила въ государствѣ такія мѣста, какія принадлежатъ слугамъ въ хозяйскомъ домѣ. Настоящія занятія для шляхтича—въ той сферѣ, которая не искажаетъ чистаго характера, не гаситъ высшихъ стремленій, не охлаждаетъ благородныхъ увлеченій, не удерживаетъ полета возвышенной мысли,— т. е. въ публичной дѣятельности и въ войскѣ.

Намъ подобныя заявленія напоминаютъ политическое міросозерцаніе, господствовавшее въ гражданскихъ общинахъ античнаго міра, и я не случайно отмѣчаю это сходство: несомнѣнно, что съ той поры, какъ поляки стали подчиняться вліянію итальянскаго гуманизма, классическія политическія и юридическія идеи стали постепенно проникать въ сознаніе польскаго общества, которое наконецъ стало видѣть въ себѣ серьезно какъ-бы воскрешеніе римской республики. «Въ политическихъ и юридическихъ идеяхъ, вычитанныхъ у древнихъ,—имѣли мы уже случай сказать въ другой книгѣ,—шляхта находила многое такое, что особенно приходилось ей по вкусу: фразы о пагубности тиранніи, о свободѣ и равенствѣ гражданъ льстили ея стремленію къ «вольности» и ея ненависти къ «можновладству», а ученіе римскихъ

юристовъ о рабствѣ санкціонировало въ ея глазахъ гнетъ, наложенный ею на хлоповъ. Это — очень любопытная черта въ исторіи политическихъ идей новаго времени: нигдѣ кажется, въ Европѣ демократическая республика, понятая въ античномъ смыслѣ, не была такъ популярна, какъ среди польской шляхты, смотрѣвшей на себя, какъ на настоящій «народъ», который долженъ оберегать свое право отъ аристократическихъ притязаній «можновладства», живя въ то же время трудами рабовъ-хлоповъ. И на самомъ дѣлѣ, польская «шляхетская Рѣчь Посполитая» новаго времени является со всѣми существенными признаками античной «демократической республики», съ «народомъ» гражданъ и внѣ государства стоящей массой рабовъ» [57]). Любопытно случайное совпаденіе: Польшу стали звать «рѣчью посполитой», — что представляетъ изъ себя переводъ латинскаго «respublica», — около того самаго времени, когда шляхта въ серединѣ XV в. получаетъ главнѣйшее изъ своихъ правъ [58]). Еще характернѣе то, что польское слово «обыватель» (obywatel), имѣя общее значеніе съ словомъ «гражданинъ» (cives), стало прилагаться и до сихъ поръ прилагается къ землевладѣльческой шляхтѣ, къ дворянамъ и помѣщикамъ по русской терминологіи, т. е. значеніе этого слова съузилось такъ же, какъ и значеніе слова «земянинъ» (terrigena). Всѣ эти шляхетскія идеи и теоріи объясняютъ намъ весьма многія стороны политическаго быта Польши при избирательныхъ короляхъ.

До исхода третьей четверти XVI в. въ Польшѣ существовала еще власть, имѣвшая самостоятельное по отношенію къ шляхтѣ положеніе, именно власть королевская: до 1572 г. польское государство было de facto наслѣдственной монархіей, хотя и ограниченной; въ 1572 г. оно превращается въ республику, хотя и сохранявшую монархическій титулъ для своего перваго магистрата. De jure польскій престолъ считался избирательнымъ съ прекращенія національной династіи Пястовъ въ лицѣ Казиміра Великаго, умершаго въ 1370 г., но съ 1386 г. по 1572 г. онъ былъ наслѣдственнымъ въ родѣ литовскихъ великихъ князей, получившихъ по имени перваго изъ нихъ, сдѣлавшагося польскимъ королемъ, названіе Ягеллоновъ, да и впослѣдствіи второй избирательный король (Стефанъ-Баторій) долженъ былъ жениться на сестрѣ Сигизмунда II Августа, послѣдняго Ягеллона, третій же, четвертый и пятый (въ лицѣ Сигизмунда III Вазы и его двухъ сыновей Владислава IV и Яна Казиміра) равнымъ обра-

[57]) «Очеркъ», 43—44.

[58]) *A. Pawiński.* Jana Ostroroga żywot i pismo o naprawie Rzeczypospolitej. Warszava. 1884. Стр. 9.

зомъ были сынъ и два внука другой сестры Сигизмунда Августа, бывшей замужемъ за шведскимъ королемъ. Эта привязанность къ династіи свидѣтельствуетъ о томъ, что идея наслѣдственности королевской власти была весьма сильна въ польскомъ обществѣ: если политическій интересъ заставлялъ пановъ и шляхту выбирать въ польскіе короли Ягеллоновъ, наслѣдственныхъ великихъ князей на Литвѣ, уніей съ которою Польша дорожила, то интереса этого уже не было, когда на тронъ призывался супругъ одной Ягеллонки и сынъ и внуки другой. Интересно и то, что послѣдній Ягеллонъ былъ выбранъ на польскій престолъ еще при жизни своего отца, за 18 лѣтъ до смерти послѣдняго, хотя сеймъ 1530 г., коему Сигизмундъ Августъ обязанъ былъ избраніемъ, прямо заявлялъ, что польскій престолъ долженъ оставаться избирательнымъ, и что въ королевской элекціи должны впредь принимать участіе всѣ «земяне». Въ XIV и XV вв. правомъ избранія короля пользовались одни паны, теперь они должны были подѣлиться своимъ значеніемъ съ шляхтою. Пріобрѣтеніе всею шляхтою права избирать короля было первымъ моментомъ въ томъ политическомъ переворотѣ, который совершался тогда въ Рѣчи Посполитой, другимъ моментомъ былъ отказъ короля отъ своихъ наслѣдственныхъ правъ на Литву, чѣмъ для Польши, дорожившей своею уніей съ этимъ государствомъ, открывалась впервые возможность дѣйствительно «вольной элекціи». При всемъ томъ, если раньше паны пользовались элекціями для умноженія своихъ привилегій, то теперь и для шляхты дѣлалось возможнымъ выторговывать что-либо отъ короля-электа и въ свою пользу: весьма было естественно, чтобы общественный классъ, совершенно поработившій крестьянство, подчинившій себѣ города и проявившій сильное стремленіе унизить равнымъ образомъ и духовенство, воспользовался случаемъ поставить въ зависимое отъ себя положеніе и королевскую власть. Такимъ случаемъ и было именно прекращеніе династіи Ягеллоновъ вслѣдствіе бездѣтной смерти Сигизмунда Августа: открылось «безкоролевье» (bezkrolewie), которое не было обыкновеннымъ «междуцарствіемъ», а совершенно особымъ состояніемъ, извѣстнымъ только одному польскому государственному праву [59]).

Когда умеръ Сигизмундъ Августъ, не оставивъ по себѣ преемника, среди польской шляхты распространилось именно убѣжденіе, что вслѣдствіе безпотомственной кончины короля шляхта сдѣлалась со-

[59]) Исторія этого и слѣд. безкоролевья разсказана кратко въ «Очеркѣ реформаціоннаго движенія и католической реакціи въ Польшѣ», стр. 166 sq. Тамъ же на стр. 22—23 указана историческая литература.

вершенно свободною, такъ какъ утратила верховнаго своего господина, бывшаго ея судьей и вождемъ: говорили, что безъ короля рыцарское сословіе не должно подчиняться ничьей юрисдикціи и власти, а иные прибавляли, что и закона никакого болѣе надъ ними нѣтъ. Такъ какъ король считался верховнымъ судьей, то полагали, что съ его смертью прекращаются всѣ суды и что болѣе не имѣютъ судебной власти тѣ, которые по его порученію судили уголовныя дѣла и могли постановлять рѣшенія о жизни и смерти шляхтича. Въ виду этого для поддержки внутренняго порядка, а также ради обезпеченія границъ государства шляхта устраиваетъ по воеводствамъ «конфедераціи» или, какъ тогда говорили, «каптуры». Шляхта на сеймикахъ обязывается защищать землю отъ непріятеля всеобщимъ ополченіемъ (pospolite ruszenie) и поддерживать внутреннее спокойствіе, грозя вооруженной экзекуціей всякому нарушителю мира или ослушнику конфедератскихъ постановленій либо судебныхъ рѣшеній сеймика, заступавшаго на это время суды, которые дѣйствовали отъ имени короля. На первыхъ порахъ шляхта не разрывала окончательно съ государственными установленіями: центромъ и даже главою каждой сеймиковой конфедераціи является сначала королевскій сановникъ, высшій сенаторъ, представитель коронной власти, именно воевода [60]). Позднѣе воеводу замѣняетъ выборный «маршалокъ» (marszałek), при коемъ бывали совѣтники (konsyliarze). Январскій сеймъ 1573 г. далъ свою санкцію постановленіямъ шляхты на сеймикахъ. Первая элекція (Генриха Валуа) усилила конфедерацію, ибо была ея слѣдствіемъ и каждая дальнѣйшая конфедерація ставила себѣ задачу поддерживать неограниченную свободу въ выборѣ короля и въ установленіи для него условій съ цѣлью ограниченія его власти и обезпеченія за шляхтою правъ и привилегій [61]). По образцу конфедерацій въ безкоролевья составлялись потомъ и при жизни короля союзы шляхты, носившіе такое же названіе и имѣвшіе цѣлью либо поддерживать стремленія короля, либо дѣйствовать противъ него. Такимъ образомъ какъ въ безкоролевья, такъ и при короляхъ конфедераціи были своего рода непосредственными проявленіями верховной власти (jus majestaticum), въ обладаніи коей очутилась шляхта.

Каждый отдѣльный шляхтичъ считалъ себя обладателемъ частицы этого «juris majestatici», и вся шляхта хотѣла пользоваться послѣднимъ коллективно, безъ всякой делегаціи: въ первыхъ конфедераці-

---

[60]) *Pawiński*, 37—40.

[61]) *Ibid.*, 41.

яхъ судъ совершался всѣмъ сеймикомъ, исполнительная власть принадлежала всей шляхтѣ, «посполитому рушенью» [62]). Понятно, что всѣ хотѣли принимать участіе въ избраніи короля, постановкѣ ему условій, и первая вольная элекція была произведена (въ 1573 г.) своего рода всеобщей подачей голосовъ, т. е. не послами, а поголовно (viritim), на что было еще особое основаніе въ той роли, какую стали играть сеймики съ безкоролевья 1572 — 73 года, — сторона дѣла, которая будетъ выяснена ниже.

«Прежнія элекціи, говоритъ Бобржинскій, были не чѣмъ инымъ, какъ обозначеніемъ особы монарха и подчиненіемъ себя его власти, элекція 1573 г. понималась иначе. Верховная власть находится въ народѣ-шляхтѣ, который поручаетъ ее частично и на извѣстное время избранному королю. Такимъ образомъ элекція превращается въ перенесеніе власти съ народа на короля, королевская власть утрачиваетъ самобытность, король пользуется ею по порученію народа и, не смотря на названіе короля, является первымъ магистратомъ. Такъ элекція 1573 г. измѣнила прежнюю форму правленія въ Польшѣ изъ монархической въ республиканскую» [63]). Весьма понятно, почему шляхта стала видѣть въ «вольной элекціи» одно изъ главнѣйшихъ своихъ правъ.

Съ 1573 г. верховная власть въ польскомъ государствѣ стала принадлежать шляхтѣ, которая даже непосредственно пользовалась ею въ безкоролевья и во время конфедерецій, завязывавшихся при жизни короля. Сеймъ долженъ былъ получить теперь новое значеніе: прежде онъ состоялъ при королѣ, теперь скорѣе король—при сеймѣ,—но для новой своей роли сеймъ нуждался въ совершенномъ преобладаніи надъ сеймиками, чего онъ не успѣлъ достигнуть передъ прекращеніемъ династіи Ягеллоновъ. Эту сторону исторіи сейма мы и разсмотримъ въ слѣдующей главѣ.

---

[62]) *Ibid.*, 49.

[63]) *Bobrzyński*, II, 115.

III.

Самоуправленіе воеводствъ и „liberum veto“.

Постановка вопроса.—Причины и слѣдствія раздѣленія первоначальной Польши на удѣлы.—Характеръ объединенія Польши въ началѣ XIV в.—Продолжающійся сепаратизмъ земель.—Нешавское законодательство и сеймики.—Возникновеніе общаго сейма.—Ограниченная власть пословъ.—Программа реформы сейма при Сигизмундѣ-Августѣ.—Отношенія между сеймиками и сеймомъ въ первыя безкоролевья и при первыхъ избирательныхъ короляхъ.—Принципъ единогласія сеймовыхъ постановленій.—Исторія *liberum veto*.—Сравненіе польскаго сейма съ генеральными штатами въ Голландіи.

Главный государственный вопросъ въ Польшѣ послѣ прекращенія династіи Ягеллоновъ заключался въ томъ, съумѣетъ ли шляхта, къ коей перешла верховная власть, организовать правленіе, которое соотвѣтствовало бы новому политическому принципу. Исторія отвѣтила на этотъ вопросъ отрицательно, и одною изъ причинъ неудачи шляхты было то, что на смѣну старой королевской власти, бывшей принципомъ политическаго объединенія Польши, не могъ явиться «вальный» сеймъ, будучи конгрессомъ пословъ отъ областныхъ сеймиковъ, продолжавшихъ соперничать съ сеймомъ. На нашъ взглядъ все дѣло объясняется слѣдующимъ образомъ: съ середины XII в. до начала XIV Польша была раздѣлена на удѣлы (dzielnice), которые въ началѣ XIV столѣтія сразу соединяются въ одно цѣлое, сохранивъ каждый свою особность въ видѣ отдѣльныхъ «воеводствъ», на какія раздѣлялась потомъ польская монархія, и въ сущности только вступивъ въ личную унію между собой. Объединеніе автономныхъ «воеводствъ» сдѣлало весьма мало успѣховъ за полтора вѣка, отдѣляющіе возстановленіе единодержавія въ Польшѣ послѣ ея раздробленія на удѣлы отъ выступленія шляхты на арену политической жизни, такъ что на первыхъ порахъ шляхта проявляла пріобрѣтенныя ею по нешавскимъ статутамъ права только на сеймикахъ, собиравшихся въ отдѣльныхъ воеводствахъ. Лишь въ концѣ XV и началѣ XVI вѣка

возникаетъ и организуется общій сеймъ, имѣющій сначала характеръ международнаго конгресса пословъ отъ сеймиковъ. Въ серединѣ XVI в. дѣлается неудачная попытка придать сейму иное значеніе: переходъ верховной власти къ шляхтѣ застаетъ это учрежденіе еще не успѣвшимъ получить преобладаніе надъ сеймиками, а роль, которую начали играть послѣдніе въ первое безкоролевье, и избраніе короля не представительнымъ сеймомъ, а поголовно всею шляхтою, что было равносильно перенесенію мѣстъ собранія отдѣльныхъ сеймиковъ на общее «элекціонное» поле, конечно, не могли благопріятствовать усиленію сейма. Такимъ образомъ, если съ начала XIV в. до 1572 г. Польша была какъ бы личной *уніей княжествъ - воеводствъ*, и королевская власть вслѣдствіе этого была объединяющимъ началомъ, то послѣ 1572 года Рѣчь Посполитая представляла собою уже *федерацію воеводствъ - республикъ*, хотя и имѣвшую центральныя учрежденія, но все болѣе и болѣе ихъ расшатывавшуюся во имя непосредственнаго шляхетскаго народовластія, которое могло проявиться только на такихъ вѣчахъ, какими были сеймики. Развитію этого основнаго взгляда будетъ посвящена первая половина этой главы, во второй же мы разсмотримъ связь, существующую между указаннымъ федеративнымъ началомъ Рѣчи Посполитой и конгрессивнымъ характеромъ сейма, съ одной стороны, и знаменитымъ *liberum veto*, съ другой.

Раздѣлъ польскаго государства между сыновьями короля и случаи установленія единовластія путемъ братоубійственной войны относятся къ числу явленій, общихъ первоначальной исторіи Польши съ исторіей русскаго государства [1]). Болеславъ Кривоустый (1102—1139), котораго обвиняли за распаденіе польскаго государства на удѣлы, продолжавшееся около полутора вѣка, хотѣлъ только упорядочить старый обычай введеніемъ сеніората, вслѣдствіе коего старшій его сынъ, а затѣмъ старшій въ родѣ долженъ былъ именоваться великимъ княземъ, младшіе же князья должны были ему повиноваться [2]). Это распоряженіе старшій сынъ Кривоустаго Владиславъ II, сдѣлавшійся великимъ княземъ, отдалъ на утвержденіе вѣча, состоявшаго изъ прелатовъ и бароновъ [3]), но его братья не такъ понимали значеніе раздѣла, полагая, что имъ принадлежитъ одинаковое право съ старшимъ братомъ въ польскомъ королевствѣ,—qui aequale in Poloniae

---

1) *K. B. Hoffman*. Przyczyny podziału monarchii polskiej po Bolesławie Krzywoustym w wieku XII. Kraków. 1872. Стр. 29—30.

2) *Ibid*. 32 sq.

3) *Ibid*., 41—42.

regno jus cum eo haberent, какъ выражается Длугошъ [4]). Вѣче 1140 г. утвердило завѣщаніе Кривоустаго, но когда братья или вѣрнѣе паны, за ними стоявшіе (князья были несовершеннолѣтніе), обнаружили стремленіе къ полной независимости удѣльныхъ княженій, созвалъ Владиславъ новое вѣче (1141 г.), которое должно было по его мысли ввести такія измѣненія въ завѣщаніе его отца, чтобы единство монархіи было обезпечено [5]). На этотъ разъ большинство, какъ свидѣтельствуютъ лѣтописцы, было противъ Владислава [6]), но послѣдній силою заставилъ себѣ повиноваться, тѣмъ болѣе, что въ народѣ внутреннее междоусобіе тогда не нашло бы поддержки [7]), хотя вскорѣ оно все-таки вспыхнуло [8]). О томъ, что народъ съ отвращеніемъ относился къ усобицѣ, свидѣтельствуютъ хроники [9]), а кромѣ того, есть свидѣтельство, что и раздѣла государства поляки боялись, «какъ чумы» [10]). Если однако государи польскіе этой эпохи стремились поддержать единство, за которое стояла и народная масса, если въ сороковыхъ годахъ XII вѣка, когда началось распаденіе Польши, сами удѣльные князья были несовершеннолѣтними [11]), то спрашивается, кто же имѣлъ интересъ содѣйствовать этому распаденію? Дѣло въ томъ, что Польша въ разсматриваемую эпоху въ значительной степени подчинялась западному вліянію, и въ ней уже зарождалась аристократія, «можновладство», выражаясь польскимъ терминомъ [12]): для пановъ было выгодно ослабить центральную власть, и они-то дѣлали оппозицію великому князю, нашедши поддержку съ епископатѣ [13]), который тогда отличался отъ свѣтской аристократіи только тонзурой и рясой и вмѣстѣ съ остальнымъ духовенствомъ не занималъ еще исключительнаго положенія въ государствѣ [14]). Такимъ образомъ распаденію Польши на отдѣльныя княжества, кромѣ династической традиціи и, быть можетъ,

---

4) *Ibid.*, 74.
5) *Ibid.*, 76.
6) *Ibid.*, 77.
7) *Ibid.*, 84.
8) *Ibid.*, 90 sq.
9) ... animadverterunt a bello civili animos populariorum suorum abhorrere, какъ выражается *Кромеръ. Ibid.*, 84.
10) ... ad interitum pertrahendos ominati, divisionem velut pestem quandam, civilem collisionis procellam, quandoque excitaturam et in civile malum rescissuram, hanc casso augurio perhorrebant, *Длугошъ. Ibid*, 40.
11) *Ibid.*, 31.
12) *Ibid.*, 103 sq.
13) *Ibid.*, 106 sq.
14) *Ibid.*, 109.

недостаточнаго объединенія старыхъ земель, содѣйствовали главнымъ образомъ «прелаты и бароны», и дѣйствительно, именно эти два общественные элемента и выиграли болѣе всего отъ новаго порядка вещей [15]). Пошло это и на пользу вѣчу, въ коемъ, какъ мы видѣли, участвовали тѣ же «прелаты и бароны», хотя иногда только вмѣстѣ съ воинами. «Каждый отдѣльный князь, говоритъ одинъ изъ авторовъ, писавшихъ о вѣчѣ,—каждый отдѣльный князь долженъ былъ искать опоры противъ притязаній и нападеній сосѣда, а эту опору онъ могъ найти въ созданіи въ своей области такого порядка, которымъ бы наименѣе пользовались враждебные сосѣди. Такой порядокъ возможно было создать призывомъ народа къ участію въ верховномъ управленіи, при которомъ народъ въ защитѣ князя и области видѣлъ бы свой собственный интересъ, видѣлъ защиту самого себя; при такомъ порядкѣ интересы народа тождественны съ интересами князя, который исключительно не повелѣваетъ своимъ народомъ, но вмѣстѣ съ нимъ рѣшаетъ всѣ важнѣйшія дѣла, съ нимъ раздѣляетъ свою власть. Обида, нанесенная князю, при такихъ условіяхъ считается обидой всего народа. Эти-то побужденія, по нашему мнѣнію, послѣ распаденія Польши на мелкія княжества заставили удѣльныхъ князей все больше прибѣгать къ содѣйствію народа въ государственныхъ дѣлахъ. Народныя собранія начинаются съ этой поры дѣлаться явленіями частыми, значеніе ихъ постепенно усиливается» [16]). Бывали случаи избранія вѣчемъ князей [17]), заключенія съ ними договоровъ [18]) и т. д., но мы уже видѣли, что собранія эти были аристократическія: если на нихъ и присутствуютъ «воины», то и не всегда объ этомъ упоминаютъ историческія извѣстія, и самое вліяніе ихъ на дѣла не было такъ значительно, какъ вліяніе «прелатовъ и бароновъ» [19]). Въ мѣстной аристократіи все болѣе и болѣе развивался духъ партикуляризма, и въ этомъ смыслѣ она и позднѣе, въ эпоху вторичнаго объединенія Польши, препятствовала усиленію центральной власти. Въ томъ же

---

15) Это, собственно говоря, и была эпоха зарожденія аристократіи (możnowładstwa).

16) *Вл Дьячанъ.* Участіе народа въ верховной власти въ славянскихъ государствахъ. Варшава. 1882. Стр. 57—58.

17) *Ibid.*, 73—74.

18) *Ibid.*, 76.

19) На одномъ вѣчѣ 1228 г. была издана грамота, коею Владиславъ Тонконогій усыновилъ Болеслава Стыдливаго, сына Лешка Бѣлаго, и въ ней говорится, что Владиславъ будетъ любить barones ejus (Болеслава) et alios nobiles, но въ обѣщаніи совѣтоваться упоминаются только епископъ и бароны (secundum episcopi et baronum consilium). *Ibid.*, 76—77.

направленіи позднѣе дѣйствовала, какъ увидимъ, на своихъ сеймикахъ шляхта, которая, «какъ чумы», боялась уже не раздѣленія государства, а именно того, что одно могло остановить его распаденіе.

Отдѣльные удѣлы (dzielnice) назывались княжествами или «землями», и, напр., говорили «князь земли краковской». При первомъ раздѣлѣ въ 1139 году выступаютъ съ опредѣленнымъ характеромъ земли: польская (земля полянъ, земля великопольская), куявская, мазовецкая, силезская, краковская, сандомірская (двѣ послѣднія составляли территорію племени хробатовъ) и поморская, но съ разростаніемъ пястовскаго рода и дальнѣйшими передѣлами число земель разросталось. «Учрежденіе каждаго отдѣльнаго княжества, говоритъ проф. Бобржинскій, влекло за собою важныя политическія слѣдствія, создавало изъ земли, составлявшей это княжество, особое маленькое государство съ цѣлою іерархіею княжескихъ должностныхъ лицъ, видѣвшею основу своего бытія въ поддержаніи политической особности своей земли, а потому всѣми силами защищавшею эту особность. Если случалось, что какой-нибудь князь соединялъ въ своихъ рукахъ двѣ земли, то долженъ былъ уважать ихъ особность, управлять каждою отдѣльно, удерживая въ каждой мѣстныя правительственныя должности» [20]). Извѣстно, что объединеніе Польши въ одно государство произошло почти сразу въ началѣ XIV вѣка, самое же объединеніе заключалось въ томъ, что отдѣльныя княжества получили общаго государя. «Унія, говоритъ тотъ же историкъ, которая соединила отдѣльныя земли и княжества подъ скипетромъ Локотка, была чисто личная, каждая земля обезпечивала за собой свою особность, сохраненіе прежней своей организаціи и дигнитарской іерархіи. Остались также въ каждомъ удѣлѣ старые княжескіе чиновники, воевода и каштеляны, предводительствовавшіе на войнѣ, канцлеръ, подкоморій, судья, подсудокъ и писарь судебный, хорунжій, мечникъ, стольникъ и чесникъ. Такъ какъ однако компетенція этихъ должностныхъ лицъ ограничивалась однимъ удѣломъ, то не могъ государь дѣйствовать чрезъ нихъ въ дѣлахъ, касавшихся всего государства, а потому они остались на стражѣ интересовъ своихъ земель или вѣрнѣе интересовъ сидѣвшей въ каждой землѣ шляхты, и тѣмъ самымъ измѣнили свой характеръ, превратились изъ должностныхъ лицъ княжескихъ въ должностныя лица земскія. Судья, подсудокъ и писарь измѣнили даже свое названіе, вмѣсто надворныхъ стали называться земскими. По принципу не могли они дѣйствовать безъ князя, вслѣдствіе

---

20) *Bobrzyński*. Dzieje Polski. I, 305—306.

чего Локотокъ старался ежегодно пріѣзжать съ каждую землю и лично рѣшать въ ней всѣ дѣла, но когда это оказалось немыслимымъ, онъ долженъ былъ согласиться на рѣшеніе дѣлъ земскими должностными лицами безъ личнаго его присутствія. Съ тѣхъ поръ судья, подсудокъ и писарь земскій сами объѣзжали отдѣльные повѣты своей земли и на такъ называемыхъ *рочкахъ* разбирали мелкіе споры, а всѣ земскія должностныя лица собирались нѣсколько разъ въ годъ на такъ называемые большіе роки (colloquia), разрѣшали на нихъ въ послѣдней инстанціи болѣе важные споры и совѣщались о нуждахъ своей земли» [21]).

Оставивъ за прежними «дѣльницами» ихъ самоуправленіе, преемникъ Локотка Казиміръ Великій въ каждую изъ нихъ назначилъ особаго «старосту», сдѣлавшагося тамъ представителемъ центральной власти [22]), а кромѣ того, сталъ для общихъ совѣщаній созывать съѣзды должностныхъ лицъ изъ всѣхъ «земель», что равнымъ образомъ должно было вести къ объединенію государства [23]), и склонилъ всѣ удѣлы принять одно для всей Польши право [24]). Со смертью этого послѣдняго Пястовича на польскомъ престолѣ (1370) объединительная политика надолго пріостановилась, и новый король, Людовикъ Венгерскій, своей кошицкой привилегіей 1373 г. прямо подтвердилъ широкое самоуправленіе земель [25]). Съ этого же времени, начинается въ Польшѣ формальное можновладческое правленіе [26]), которое прямо стремилось поддержать особность «земель». Земли, имѣвшія совершенное самоуправленіе, мало-по-малу стали называться «воеводствами» (województwo, palatinatus) по имени ихъ начальника (wojewoda, palatinus): въ первоначальной Польшѣ воевода былъ одинъ, а въ удѣльный періодъ каждое княжество имѣло своего, позднѣе же по его имени и стало называться «воеводствомъ». Впрочемъ, воеводства распадались на группы, имѣвшія «генералъ-старостъ» и общія вѣча, каковы Великая Польша, Малая Польша, Червонная Русь, Польская Пруссія, Мазовія [27]), но, какъ мы увидимъ, общія учрежденія этихъ «провинцій» съ теченіемъ времени сами стали приходить въ упадокъ, а потому не исполнили своей задачи — служить ступенью къ большему

---

21) *Ibid.* I, 189—190.
22) *Ibid.*, I, 210—211.
23) *Ibid.*, I, 212.
24) *Ibid.*, I, 213.
25) *Ibid.*, I, 221.
26) *Ibid.*, I, 237 sq.
27) *Ibid.*, I, 308—314.

объединенію государства [28]). За весь этотъ періодъ аристократическаго правленія «земли» продолжаютъ сознавать свою особность, и это выразилось, напр., въ ревнивомъ обереганіи «земскихъ» должностей отъ назначенія на нихъ лицъ, не принадлежащихъ къ землѣ. Въ кошицкой привилегіи короля Людовика (1374 г.) за баронами было обезпечено право, по которому важныя должности (honores et dignitates), а особенно должности воеводы, каштеляна, судьи и подкоморія, дававшіяся пожизненно, не могли быть отдаваемы чужимъ (extraneis hospitibus), но исключительно земянамъ той земли, гдѣ должность сдѣлается вакантною [29]). Въ новокорчинской привилегіи Владислава Ягеллы (1386) на первомъ мѣстѣ повторяется, что важныя должности земскія (honores et dignitates singularum terrarum) будутъ доступны только для шляхты соотвѣтственной земли [30]). Дигнитарская едлинско-краковская привилегія равнымъ образомъ обѣщаетъ давать малопольскія дигнитарства только малополянамъ, великопольскія — великополянамъ [31]). Въ § 21 привилегіи червиницкой король обязуется назначать на вакантныя земскія должности и низшія службы (officia) только осѣдлую шляхту соотвѣтственной земли, причемъ §§ 4 и 5 опредѣляютъ, что шляхта будетъ представлять по четыре своихъ кандидата судьи, подсудка (podsędek, subjudex) и нотаріуса [32]). Въ статутахъ нешавскихъ, какъ малопольскомъ, такъ и великопольскомъ (§ 4 въ обоихъ), сказано, что король не будетъ раздавать важныхъ должностей (dignitates) никому, кромѣ заслуженныхъ лицъ, выдающихся по лѣтамъ, уму, опытности, притомъ владѣющихъ имѣніями въ землѣ, гдѣ освободится то или другое мѣсто [33]). Раньше въ этомъ были заинтересованы одни паны, но съ теченіемъ времени и рыцарство считало себя заинтересованнымъ въ томъ, чтобы земскія должности давались только мѣстнымъ шляхтичамъ, ибо около этого времени начинается новая роль земскихъ шляхетскихъ общинъ (communitates). Длугошъ даже сообщаетъ, что въ 1426 г. при Владиславѣ Ягеллѣ была мысль о приготовленіи для каждой земли отдѣльной грамоты,

---

[28]) Cf. *ibid.*, II, 362.

[29]) *Hube.* Statuta nieszawskie, 13.

[30]) *Ibid.*, 14.

[31]) *Ibid.*, 15.

[32]) *Ibid.*, 26 и 28.

[33]) *Ibid.*, 35 и 45 Самый текстъ статутовъ см. въ изслѣдованіи проф. *Bobrzyńskiego* O ustawodawstwie nieszawskiem Kazimierza Jagellończyka. Kraków. 1873. Стр. 42—43.

въ которой были бы заключены ея вольности и иммунитеты (speciales litteras libertates et immunitates continentes) [34]).

«Сепаратизмъ, говоритъ Бобржинскій въ своемъ изслѣдованіи о нешавскомъ законодательствѣ,—сепаратизмъ, который создавалъ непреодолимую помѣху для послѣднихъ Пястовъ, со вступленіемъ Ягеллоновъ на осиротѣлый тронъ Польши утратилъ быстро основу своего существованія вслѣдствіе уніи съ Литвою... Стремясь привлечь къ себѣ эту новую сестру и прочно связать съ собою, она не могла давать ей дурнаго примѣра удѣльной особности и распри, должна была сама въ себѣ объединиться и слиться въ нѣчто цѣлое. Общія побѣды надъ орденомъ крестоносцевъ, вмѣстѣ пролитая на поляхъ битвъ кровь должны были сломить прежній партикуляризмъ (zaściankowość) отдѣльныхъ дѣльницъ и сдѣлать стремленіе къ единству основной чертой всего дальнѣйшаго развитія» [35]). Однако эта основная черта (или, собственно говоря, «пружина», sprężyna, какъ выражается историкъ), по собственнымъ его словамъ, уступила мѣсто явленію противоположному: стремленіе къ единству было сильно въ первое время послѣ разгрома тевтонскаго ордена и городельской уніи, а потомъ обнаружилось возвращеніе къ старинѣ. «Давно уже, говоритъ авторъ изслѣдованія о событіи 1454 г.,—давно уже въ Польшѣ не было общаго законодательства, не было государя, который управлялъ бы ею по единой руководящей мысли и притягивалъ къ себѣ, сближалъ между собою, соединялъ отдѣльныя дѣльницы. Напротивъ того, правленіе многоголоваго аристократическаго вѣча опиралось на удѣльный сепаратизмъ и даже стремилось его усилить ради партійныхъ цѣлей. Каждая дѣльница пріучалась поэтому къ полнѣйшему самоуправленію и вырабатывала въ себѣ особыя черты, потребности и желанія» [36]).

Въ такомъ необъединенномъ состояніи находилась Польша въ ту эпоху, когда шляхта по нешавскому законодательству получила важныя политическія права. Разсмотримъ теперь, какъ возникаютъ тогда въ отдѣльныхъ «земляхъ» сеймики и чѣмъ долженъ былъ быть на первыхъ порахъ общій сеймъ при сохраненіи удѣльной автономіи «земель»—воеводствъ.

Мы видѣли раньше, что съ конца XIV в. въ Польшѣ начинаютъ время отъ времени происходить съѣзды (conventiones) бароновъ и рыцарей, и что съѣзды эти бывали частные (conventus particulares)

---

34) Hube, 45.

35) *Bobrzyński*. O ustawodawstwie nieszawskiem, 129.

36) *Ibid*, 148.

и общіе (conventiones generales). Первые могутъ еще идти въ сравненіе съ позднѣйшими сеймиками, но вторые не были представительными собраніями. «Насколько можно заключать на основаніи отдѣльныхъ случаевъ, говоритъ Губе, представляли рыцарство либо назначенные изъ его среды сановниками (przez dygnitarzy) делегаты, либо добровольно прибывшія на съѣздъ лица.... Приглашали всѣхъ, всѣ обязаны были являться, но это была обязанность скорѣе моральная, нежели юридическая. Болѣе всего считали себя обязанными это дѣлать дигнитаріи, ибо этого требовала поддержка разъ занятаго мѣста; наоборотъ, изъ рыцарства исполняли эту обязанность только или болѣе зажиточные, принадлежавшіе къ дигнитарскимъ родамъ, или болѣе подвижные, стремившіеся выдвинуться, а также и жившіе по сосѣдству съ мѣстомъ съѣзда, однимъ словомъ, тѣ, кому случайно оказывалось удобнымъ присутствовать на сеймѣ. Причина того, что случайно попавшіе на съѣздъ и поддерживавшіе то или другое дѣло, продолжаетъ тотъ же авторъ, считали себя за совершенныхъ представителей всѣхъ отсутствовавшихъ, заключалась въ распространенномъ понятіи «communitatis», встрѣчающемся въ актахъ той эпохи. Каждаго барона считали за члена всей «communitatis baroniae», каждаго рыцаря— за члена рыцарской общины той земли (communitas terrae Cracoviensis, Siradiensis), въ коей онъ имѣлъ осѣдлость. Какъ членъ этой общины, онъ былъ ея дѣятелемъ и ея представителемъ. Гдѣ онъ былъ и дѣйствовалъ, какъ ея членъ, тамъ, по общему признанію, какъ-бы находилась и дѣйствовала вся община, къ которой онъ принадлежалъ» [37]). Въ такомъ изображеніи съѣздовъ конца XIV и первой половинѣ XV вѣка мы узнаемъ всѣ черты аристократическихъ собраній, въ какія превращались народныя вѣча: главное здѣсь—отсутствіе представительства. Но въ видѣ исключенія уже въ эту эпоху бывали случаи представительства. Во первыхъ, есть извѣстіе о томъ, что въ 1382 г. былъ съѣздъ малополянъ въ Вислицѣ, на который явились послы (nuncii) изъ Великой Польши, но краткость извѣстія [38]) не даетъ намъ права дѣлать отсюда какіе-либо выводы о характерѣ этого посольства: судя однако по словамъ источника, великополяне были только представлены на этомъ съѣздѣ. Далѣе, Гюппе полагаетъ, что новокорчинскій съѣздъ 1404 г. былъ составленъ изъ

---

[37]) *R. Hube.* Statuta nieszawskie, 21. Cf. *Bobrzyński.* O ustawodawstwie nieszawskiem, 125.

[38]) Nuncios versus Visliciam ad aliud colloquium, quod ibidem per Cracovitas et Sandomiritas ac nuncios universarum terrarum regni celebrari debebat, destinantes. *Янъ изъ Чарнкова.*

пословъ шляхты (die Boten des Adels), хотя и прибавляетъ, что ея представителями (Representanten) тутъ были низшія должностныя лица [39]), но весьма сомнительно, чтобы на этотъ съѣздъ были вызваны именно послы, а не вообще рыцарство, какъ это бывало раньше, да и впослѣдствіи. Наконецъ, уже прямо съ характеромъ настоящаго представительства являются съѣзды 1424, 1433 и 1434 гг., когда рыцарство представлялось двумя изъ каждаго «герба» (duo de quali-bet domo sive clenodio), на каковые была раздѣлена шляхта [40]), но, къ сожалѣнію, и здѣсь мы не имѣемъ дальнѣйшихъ подробностей, которыя позволили бы намъ точнѣе опредѣлить сущность указанной репрезентаціи. Думаемъ однако, что представительство отъ «гербовъ» было явленіемъ исключительнымъ, и что его не слѣдуетъ ставить въ связь съ позднѣйшимъ представительствомъ отъ воеводствъ, начало коему было положено только послѣ того, какъ рыцарство стало совѣщаться отдѣльно отъ «дигнитаріевъ», изъ коихъ главнымъ образомъ состояли болѣе ранніе съѣзды [41]). Это произошло, какъ намъ извѣстно, въ первый разъ за годъ до нешавскаго законодательства.

Въ нешавскихъ статутахъ 1454 г. довольно ясно проглядываетъ еще особность отдѣльныхъ земель [42]). Титулъ Казиміра Ягеллончика—«король Польши и земель краковской, сандомірской, сѣрадзьской, лэнчицкой, куявской, великій князь литовскій, поморскій, русскій и прусскій» [43])—до извѣстной степени былъ выраженіемъ дѣйствительности,

---

[39]) *Hüppe* Die Verfassung der Republik Polen, 120.

[40]) *Hube*. Statuta nieszawskie, 21.

[41]) Объ этомъ отдѣленіи см. въ гл. II.

[42]) *Проф. Бобржинскій* въ своемъ сочиненіи о статутѣ нешавскомъ ставитъ вопросъ, не получила ли отъ Казиміра Ягеллончика каждая изъ отдѣльныхъ земель, входившихъ въ составъ Малой Польши, особаго статута, кромѣ привилегіи, данной этимъ королемъ въ Нешавѣ малопольскимъ землямъ, и не былъ ли статутъ, утвержденный въ Опокахъ, какимъ нибудь отдѣльнымъ статутомъ. O ustawodawstwie nieszawskiem Kasimierza Jagellończika. Kraków. 1873. Стр. 23 sq., 33 sq., особенно 147 sq. *Р. Губе* находитъ страннымъ, чтобы такъ было, разъ существовала общая малопольская привилегія (Statuta nieszawskie z roku 1454, стр. 3), и доказываетъ, что такъ называемый опоцкій статутъ былъ въ сущности только списокъ петицій малопольской шляхты, представленный королю для утвержденія, которое и произошло въ формѣ торжественнаго акта, изданнаго въ Нешавѣ (стр. 4): въ аналогичномъ отношеніи къ нешавской великопольской привилегіи находится актъ, называемый статутомъ цереквицкимъ (стр. 5). Объ этомъ см. у насъ выше при разсказѣ о возникновеніи нешавскаго статута (гл. II).

[43]) Rex Poloniae nec non terrarum Cracoviae, Sandomiriae, Siradiae, Lanciciae, Cujaviae и т. д. *Bobrzyński*, 36—37. Cf. 115.

и въ отдѣльныхъ спискахъ этихъ статутовъ прямо иногда говорится объ отдѣльныхъ земляхъ. Напр., въ одномъ сказано: «pollicemur quod in *terra Chelmensi*» и т. д.; въ другомъ соотвѣтственное мѣсто читается: «pollicemur quod *in terris Cracoviensi*, *Sandomiriensi*, *Lublinensi* ac aliis conjuctis и т. д.; въ третьемъ поставлено: «pollicemur quod *in terris Majoris Poloniae*» и т. д. [44]). Притомъ подъ Нешавой вся собравшаяся тамъ шляхта (въ количествѣ нѣсколькихъ десятковъ тысячъ) не могла составить общаго собранія, на которомъ были бы сдѣланы какія - либо постановленія: это было и физически невозможно, да и сама шляхта, какъ войско, состояла изъ отдѣльныхъ «турмъ» (turmae, полки), такъ что каждое воеводство представлялось особой «турмой», и по всей вѣроятности, именно каждый отрядъ такой подъ Нешавой выступилъ отдѣльно [45]). Поэтому мы и не имѣемъ общаго статута для всѣхъ земель.

По нешавскимъ статутамъ вся шляхетская communitas получаетъ право законодательства, созыванія посполитаго рушенія и установленія налоговъ, причемъ для пользованія этими правами создаются сеймики, въ коихъ принимаетъ участіе лично вся шляхта одной и той же земли. «Государство, говоритъ Бобржинскій, разбилось, правда, на столько же удѣловъ, сколько въ немъ было земель, но не было другаго способа, чтобы вся шляхта могла пользоваться своими правами, кромѣ либо сеймиковъ, либо военнаго похода въ чрезвычайныхъ случаяхъ. Можновладческое вѣче дѣлалось тѣмъ, что было по существу—королевскимъ совѣтомъ. До понятія же представительства нешавское законодательство не возвысилось» [46]). Нешавское законодательство создало сеймики, если только не будетъ смѣлымъ утверждать, что въ существѣ дѣлъ сеймики ведутъ свое начало отъ древнихъ вѣчъ, хотя и съ перерывомъ во все время можновладческаго правленія. Но если даже видѣть въ сеймикахъ новый моментъ въ развитіи вѣча, то и тогда только нешавское законодательство создало эту новую форму вѣча. Въ 1455 году уже во всей Польшѣ были собраны сеймики, particulares conventiones in singulis terris, какъ выражается Длугошъ. Первое время король (Казиміръ Ягеллончикъ) посѣщаетъ самъ всѣ сеймики, подобно тому, какъ въ Швеціи долгое время ко-

---

44) § 3. *Ibid.*, 40—41. Cf. въ § 4 in terra praefata, in terris praefatis, in terris Majoris Poloniae (*ibid.*, 42—43), въ § 13 in terra Chelmensi, in terris Cracoviensi, Sandomiriensi, Lublinensi, Radomiensi et Vislicensi, in terra Siradiensi (*ibid.*, 54—55).

45) Предположеніе *Bobrzyńskiego*, op. cit. 147 sq.

46) *Ibid.*, 160.

ролевскіе посланцы объѣзжали отдѣльныя области государства, дабы совѣщаться съ представителями каждой объ установленіи налоговъ [47]). Мало-по-малу сталъ установляться для удобства короля иной обычай: по желанію короля, шляхта нѣсколькихъ сосѣднихъ земель выбирала на сеймикахъ уполномоченныхъ, коихъ и высылала въ назначенное королемъ мѣсто (великополяне обыкновенно въ Коло, малополяне въ Новый-Корчинъ, русская шляхта — въ Судовую Вишню), куда съѣзжалось и добровольно немало шляхты. Наконецъ, Казиміръ Ягеллончикъ пробовалъ созывать съ этихъ «генеральныхъ сеймиковъ» къ себѣ въ одно мѣсто (обыкновенно въ Піотрковъ) этихъ шляхетскихъ пословъ на общій сеймъ, но либо послы не оказывали особаго расположенія являться на этотъ зовъ, либо своей оппозиціей заставляли короля обращаться снова непосредственно къ сеймикамъ [48]). Такимъ образомъ зарождался общій сеймъ. Поэтому нельзя видѣть въ общихъ сеймахъ XVI и слѣдующихъ вѣковъ продолженія тѣхъ вѣчъ или съѣздовъ прелатовъ, бароновъ и рыцарей, о которыхъ намъ столько разъ уже приходилось говорить [49]). Дѣло въ томъ, что сеймы стоятъ въ тѣснѣйшей связи съ сеймиками, которые входятъ въ силу во второй половинѣ XV в. «Сеймики разныхъ земель, объясняетъ еще Бобржинскій, начали прежде всего сноситься одни съ другими посредствомъ посольствъ, а позднѣе всѣ сеймики выслали одновременно своихъ пословъ, и такое собраніе было первымъ сеймомъ Рѣчи Посполитой. Такимъ сеймомъ, насколько мы можемъ съ достовѣрностью утверждать, былъ только сеймъ 1496 г., на который прибыли послы, nuntii, кои уже corpus regni cum plena facultate absentium repraesentabant [50]). Однако такой сеймъ былъ только большимъ конгрессомъ, ибо каждый посолъ представлялъ единственно свою землю, а не всю Польшу и не весь народъ, и былъ связанъ сеймиковой инструкціей. Вѣче осталось королевской радой, сенатомъ. Поэтому

---

[47]) *Nordenflicht.* Die Schwedische Staatsverfassung in ihrer geschichtlichen Entwickelung.

[48]) *Bobrzyński.* I, 297 (Cf. статью того же автора Sejmy polskie za Olbrachta i Aleksandra. Ateneum. 1877, kwiecień, 8).

[49]) *Maciejowski* думаетъ, что въ Польшѣ при Людовикѣ Венгерскомъ (ум. 1382 г.) по венгерскому примѣру возникли представительные сеймы, но при Владиславѣ Ягеллѣ поляки возвратились къ прежнему способу (przez całe obradowano ziemstwo). Затѣмъ, по его словамъ, въ 1468 г., возстановленъ былъ опять представительный сеймъ (wrócono do sejmowania przez deputatów). Historya prawodawstw słowiańskich. II, 86 (по 2 изд.). Все это невѣрно.

[50]) Выраженіе это заимствовано Бобржинскимъ изъ вступленія къ подтвердительной грамотѣ 1496 г. (Vol. leg. I, 255).

ошибочно мнѣніе, будто сеймъ существовалъ раньше сеймиковъ, будто шляхетскій индивидуализмъ выработался позднѣе, только послѣ 1505 г. Наоборотъ, наибольшій индивидуализмъ господствовалъ въ 1454 г., когда не было сейма и общихъ законовъ, а были сеймики и удѣльные статуты» [51]). Итакъ, сеймъ возникаетъ, какъ конгрессъ пословъ отъ отдѣльныхъ «земель», находившихся въ личной уніи между собою, и весь дальнѣйшій вопросъ былъ въ томъ, побѣдитъ ли новое учрежденіе сепаратистическія стремленія воеводствъ [52]). По словамъ проф. Бобржинскаго (въ его работѣ о сеймахъ при Янѣ Альбрехтѣ и Александрѣ), въ концѣ XV в. «сеймъ былъ только мѣстомъ, гдѣ должны были встрѣтиться одни съ другими (miały się z sobą zetknąć) сеймиковыя постановленія и замѣниться однимъ общимъ закономъ. Какъ нельзя болѣе ясно этотъ принципъ, продолжаетъ онъ, формировался въ податныхъ универсалахъ сеймовъ 1493 и 1499 г., которые были изданы «по совѣту и волѣ всѣхъ пановъ радъ, а также шляхетскихъ общинъ (communitatum), послы коихъ собрались изъ всѣхъ земель», а въ другомъ податномъ универсалѣ 1496 г. рѣчь идетъ просто о согласіи всѣхъ земель. По этой-то причинѣ, заключаетъ историкъ, на сеймахъ голосовали не послы, но сеймики—чрезъ уста своихъ пословъ» [53]).

Во второй половинѣ XV в. объединеніе Польши опять сдѣлало нѣкоторые успѣхи. На первомъ «вальномъ» (общемъ) сеймѣ 1496 г. было дано королемъ общее подтвержденіе нешавскихъ статутовъ. Проф. Бобржинскій въ своемъ изслѣдованіи этихъ статутовъ печатаетъ ихъ en regard съ подтвержденіемъ 1496 года, и тамъ, гдѣ прежде дѣлались указанія на такія-то и такія-то отдѣльныя земли, въ новой редакціи мы встрѣчаемъ уже общее обозначеніе: «in nullis

[51]) *Bobrzyński*. O ustawodawstwie nieszawskiem, 167. Не смотря на то, что эти строки были писаны еще въ 1873 г., г. *Новаковскій* въ своей работѣ о вѣчахъ (1879 г.) говоритъ, что значеніе вѣчъ заключается между прочимъ въ томъ, «что изъ нихъ, съ теченіемъ времени выработались (wyrobiły się) сеймы». Rocznik zbiorowy etc., 69.

[52]) Конгрессомъ (въ международномъ смыслѣ) называютъ сеймъ многіе историки. Отмѣчу два мѣста у *Hüppe*: Die polnische Verfassung war völkerrechtliches Staatsrecht, стр. 123. Der Reichstag war *ein internationaler Congress*, auf welchem die Gesandten der Kreise und der Wojewodschaften miteinander niemals ganz verhandelten, стр. 160. — Izba poselska powstała przed rokiem 1496, ale istniała jako *kongress* delegatów pojedyńczych sejmików, przy których była w zasadzie władza zezwolenia na podatki i wojsko. *Bobrzyński*. II, 17.

[53]) *Bobrzyński*. Sejmy za Olbrachta i Alexandra. (Ateneum. 1876, kwiecien, 13).

terris regni nostri», «in terras quascunque nostras», «in terris singulis» и т. п. Историкъ вообще признаетъ, что тенденціей Яна Альбрехта было именно подчиненіе сеймиковъ сейму [54]). Въ сущности однако, по вѣрному замѣчанію Шуйскаго, главное значеніе законодательства 1496 г. заключалось «въ возобновленіи и подтвержденіи нешавскихъ привилегій, переносившихъ центръ тяжести законодательной дѣятельности на сеймики отдѣльныхъ земель.... Связь этихъ сеймиковъ, продолжаетъ онъ, съ сеймами нигдѣ не была обозначена. Имъ не было предназначено быть собраніями съ цѣлью выбора пословъ на общій сеймъ: они должны были рѣшать вопросъ о нуждахъ государства передъ каждой войной, т. е. о налогахъ и военной службѣ». Историкъ думаетъ даже въ противность мнѣнію Бобржинскаго, что этимъ путемъ Янъ Альбрехтъ обезпечивалъ себѣ средство царствовать безъ сейма [55]). Въ этомъ намѣреніи Альбрехта постигла неудача, и конституція 1505 г. «Nihil novi», изданная при его преемникѣ Александрѣ, по которой для каждаго закона необходимо было взаимное согласіе короля, сената и земскихъ пословъ [56]), «установляла, какъ выражается Шуйскій, центральный сеймъ, состоявшій изъ сенаторовъ и пословъ, противъ послѣдняго средства, какое было у короля для борьбы съ аристократической оппозиціей, пользовавшейся послами» [57]). По словамъ того же историка сеймъ вслѣдствіе конституціи 1505 г. занялъ положеніе, сдѣлавшее его всемогущимъ (weszechwładne stanowisko). Но, говоритъ онъ далѣе, «посольская изба, въ первый разъ получавшая опредѣленное закономъ положеніе, была, къ сожалѣнію, учрежденіемъ незрѣлымъ, съ фиктивною только самостоятельностью, ограниченнымъ отвѣтственностью передъ областными интересами избирателей въ воеводствахъ, зависимымъ отъ можновладческихъ вліяній на сеймѣ, чаще всего состоявшихъ изъ сыновей тѣхъ магнатовъ, которые господствовали въ сенатѣ. Выступая, какъ отдѣльный по отношенію къ королю и сенату чинъ (stan), оно безпрестанно обращалось къ мѣстнымъ сеймикамъ за утвержденіемъ или отверженіемъ

---

[54]) *Bobrzyński*. Sejmy za Olbrachta etc. 13 sq.

[55]) *J. Szujski*. Historii polskiej ksiąg dwanaście, Warszawa. 1880. Стр. 149.

[56]) Quoniam jura communia et constitutiones publicae non unum, sed communem populum officiunt itaque in hac radomiensi conventione cum universis regni nostri praelatis, consiliariis, baronibus et nuntiis terrarum aequum et rationabile censuimus ac etiam statuimus ut deinceps futuris temporibus perpetuis *nihil novi constitui debeat per nos et successores nostros sine communi consiliariorum et nuntiorum terrestrium consensu* etc. Vol. leg., I, 299.

[57]) *Szujski*, 157. О взаимныхъ отношеніяхъ короля, сената и посольской избы рѣчь будетъ у насъ идти въ главѣ IV.

сеймовыхъ постановленій и тѣмъ самымъ снимало съ себя печать представительства общихъ интересовъ страны» [58]). Шуйскій даже обвиняетъ посольскую избу въ томъ, что она мѣшала Сигизмунду I (1506—1548) довести до конца дѣло внутренняго объединенія государства [59]) Въ принципѣ однако конституція «Nihil novi» дѣйствительно, какъ выражается Бобржинскій въ своей исторіи Польши, «ставя сеймъ выше частныхъ сеймиковъ, была сильнымъ ударомъ, нанесеннымъ прежнему партикуляризму земель и городовъ. Изъ шаткой федераціи маленькихъ княжествъ (państewek) Польша дѣлалась единымъ государствомъ» [60]), но, прибавимъ мы, окончательно все-таки имъ не сдѣлалась. Сразу посольская изба не могла превратиться въ то, чѣмъ должна была бы быть въ объединенномъ государствѣ: передъ ея возникновеніемъ ея функціи отправляются сеймиками; сама она возникаетъ больше ради удобства, вслѣдствіе чего законодательная власть сеймиковъ формально не отмѣнялась, и они продолжали ограничивать права своихъ пословъ на сеймъ (что выражалось словами «limitata potestas», «zamierzona władza»). «Сеймикъ, совершенно вѣрно говоритъ проф. Павинскій, не хотѣлъ отрекаться отъ своего права въ пользу общаго собранія, не хотѣлъ подчиняться какому-либо иному постановленію, кромѣ того, которое самъ для себя принялъ. Сеймикъ не допускалъ, чтобы его послы вмѣстѣ съ другими могли придумать еще что-нибудь лучшее сравнительно съ тѣмъ, что самъ принялъ за наиболѣе подходящее къ дѣлу» [61]). Еще гораздо раньше эпохи избирательныхъ королей многіе видѣли неудобство такихъ порядковъ. «Съ первой минуты, говоритъ тотъ же историкъ, когда Сигизмундъ I на каждый посольскій или предсеймовый сеймикъ воеводскій началъ разсылать универсалы, мы встрѣчаемся во все время царствованія обоихъ Ягеллоновъ съ инструкціями шляхтѣ, въ коихъ выражается желаніе, чтобы присылали на сеймъ пословъ «съ властью неотмѣренною» (z władzą niezamierzoną), неограниченною, съ самыми широкими полномочіями, безъ всякихъ оговорокъ, cum plena et non

---

58) *Ibid.*, 194.

59) *Ibid.*, 195.

60) *Bobrzyński*. II, 24. Особенно см. статью Sejmy polskie za Olbrachta i Aleksandra (Ateneum, 1876, maj, 345 sq.). Историкъ опровергаетъ взглядъ Шуйскаго, при которомъ посольская изба при Сигизмундѣ I мѣшала объединенію государства. Вообще взгляды обоихъ историковъ на эту эпоху расходятся, и мы беремъ изъ нихъ то, что можетъ быть приведено къ одному знаменателю.

61) *Pawiński*, 340.

limitata potestate» [62]). Законъ 1505 г. долженъ былъ, дѣйствительно, внести перемѣну въ отношенія между сеймиками и сеймами, но для этого, по нашему мнѣнію, ему нужно было не только создать новое право. но и отмѣнить старое, созданное нешавскимъ законодательствомъ: конституція 1505 г. давала участіе въ законодательной власти земскимъ посламъ, что должно было бы превратить сеймики въ простыя избирательныя собранія, а статутъ 1454, подтвержденный въ 1496 г., признавалъ право на это участіе за самими сеймиками, что изъ сейма дѣлало необходимо только конгрессъ пословъ отъ самостоятельныхъ законодательныхъ собраній. Между двумя этими законами существовало противорѣчіе, которое на практикѣ дало независимое положеніе сеймиковъ послѣ образованія вальнаго сейма. «Было бы, говоритъ проф. Павинскій, неособенно труднымъ дѣломъ выяснить причины этого явленія. Однѣ изъ нихъ сами по себѣ видны, какъ на ладони, понятны. Другія лежатъ глубже въ самихъ свойствахъ историческаго развитія предыдущей и неособенно долгой эпохи сеймованія. Между другими не незначительную основу, на которой покоилось это важное значеніе сеймиковъ, составлялъ тотъ первый законъ, утвержденный нешавскимъ статутомъ 1454 г., ведущій свое начало изъ болѣе ранней поры, когда за воеводствомъ было обезпечено, что безъ его согласія не будетъ установляться и собираться никакихъ поборовъ (кромѣ обычныхъ). На этомъ краеугольномъ камнѣ сеймики основываютъ все зданіе своей пассивной оппозиціи при обоихъ Сигизмундахъ и приносятъ съ собою до новаго періода избирательныхъ королей это право, эту привилегію согласія на налоги, хотя самовольно поднятое до значенія индивидуальнаго права [63]). Если сеймики ограничиваютъ власть своихъ пословъ, то главнымъ образомъ, преимущественно и чаще всего въ дѣлѣ желаемыхъ королемъ податей. Основываясь на этомъ законѣ, воеводства дѣлаютъ у себя финансовыя постановленія (uchwały podatkowe), не обращая вниманія на цѣлое, признаютъ или не признаютъ ихъ надобность, не вдаваясь въ переговоры на сеймѣ съ королемъ, сенатомъ и послами всей остальной Рѣчи Посполитой» [64]).

Была, однако, въ исторіи Польши эпоха, когда противорѣчіе между законами 1454 (и его подтвержденіемъ въ 1496 г.) и 1505 гг. могло

---

62) *Ibid.*, 343.

63) Со времени упроченія вальнаго сейма, со времени радомской конституціи 1505 г. «Nihil novi... sine communi nuntiorum terrestrium consensu» измѣнилась сущность этого сеймиковаго партикуляризма (прим. проф. Павинскаго).

64) *Pawiński*, 347.

быть устранено въ пользу послѣдняго, и, что особенно было важно, это было царствованіе послѣдняго Ягеллона, въ которое, даже по представленію Шуйскаго, нерасположеннаго къ польскому «парламентаризму» той эпохи, посольская изба стала выходить на новую дорогу [65]). Царствованіе Сигизмунда II Августа, обнимающее третью четверть XVI в. (1548—1572), было эпохой распространенія въ Польшѣ религіозной реформаціи [66]), когда болѣе вліятельная и просвѣщенная часть шляхты принимала протестантизмъ и высылала изъ своей среды на сеймы замѣчательныхъ пословъ, являвшихся сюда съ цѣлью провести цѣлую программу «направы Рѣчи Посполитой» [67]). «Люди дѣйствительно образованные, говоритъ объ этихъ дѣятеляхъ XVI в. Бобржинскій, настолько состоятельные, чтобы быть независимыми, занимавшіе обыкновенно низшія земскія должности, которыя кончались на подкоморствѣ, они пріобрѣли и знаніе, и навыкъ парламентарной жизни и въ двадцать съ небольшимъ лѣтъ царствованія Сигизмунда Августа завладѣли до такой степени умами шляхты, что получили сами, а потому и сообщили посольской избѣ совершенное преобладаніе надъ сеймиками и независимость. По природѣ своей, продолжаетъ этотъ историкъ, посольская изба была только конгрессомъ уполномоченныхъ шляхты, выбранныхъ отдѣльными сеймиками и снабженныхъ подробной инструкціей относительно образа дѣйствій на сеймѣ. При Сигизмундѣ Августѣ послы высвободились изъ-подъ сеймиковыхъ инструкцій, получили совершенныя, неограниченныя полномочія, и незначительное меньшинство должно было всегда уступать солидарно-дѣйствовавшему большинству. Послы такимъ образомъ могли послѣдовательно и съ неослабной энергіей проводить свою программу» [68]), которую Бобржинскій считаетъ за самую широкую, какая когда-либо появлялась въ Польшѣ [69]). Задуманная шляхетской интеллигенціей реформа была направлена противъ можновладства, но послѣднее съ самаго начала съумѣло вооружить короля противъ посольской избы. Между королемъ и посольской избой 1550 г. произошло столкновеніе, и Сигизмундъ Августъ по совѣту пановъ обратился ко всей шляхтѣ съ жалобами и обвиненіями на пословъ: паны надѣялись, что своимъ

---

65) *Szujski*, 195.

66) См. нашъ «Очеркъ исторіи реформаціоннаго движенія и католической реакціи въ Польшѣ».

67) *Ibid.*, 106 sq. Cf. *Bobrzyński*. II, 68 sq. *Szujski*, 195 sq.

68) *Bobrzyński*. II, 72.

69) Był to niewątpliwie najszerszy polityczny program, na jaki naród polski zdobył się w ciągu dziesięciu wieków swojego istnienia. II, 71.

вліяніемъ возстановятъ противъ нихъ сеймики и провалятъ ихъ программу «направы». Вышло однако не такъ: послы съумѣли подѣйствовать на шляхту, вооружили ихъ противъ пановъ во имя шляхетскаго равенства, и послы вернулись на сеймъ съ большими, чѣмъ когда-либо полномочіями. Бобржинскій, передавая этотъ инциндентъ сеймовой жизни при Сигизмундѣ Августѣ, совершенно вѣрно замѣчаетъ, что тогда ставился вопросъ, «будутъ ли управлять страною сеймъ, составленный изъ пословъ, людей самостоятельныхъ и образованныхъ, или же толпы шляхты на сеймикахъ, всегда доступныя аристократическимъ вліяніямъ» [70]). Эпоха Сигизмунда Августа дѣйствительно была временемъ, когда Польша стояла на перепутьѣ, когда ей приходилось рѣшать вопросъ, чѣмъ ей быть, куда идти. Не касаясь подробностей [71]), не входя въ разсмотрѣніе причинъ неудачи, какую потерпѣли протестантскіе послы, стремившіеся произвести реформу въ Рѣчи Посполитой, мы не можемъ не указать здѣсь на то, что попытки посольской избы въ пятидесятыхъ и шестидесятыхъ годахъ упрочить полное свое преобладаніе надъ сеймиками и получить неограниченныя полномочія со стороны шляхты, ввести у себя рѣшеніе дѣлъ большинствомъ голосовъ, которое фактически установлялось, низвести аристократическій сенатъ на степень простаго совѣщательнаго учрежденія, разбились между прочимъ объ оппозицію, встрѣченную со стороны самого Сигизмунда Августа. Человѣкъ нерѣшительный, оттягивавшій все до завтра [72]), податливый на аристократическія вліянія, недовѣрчивый по отношенію къ шляхтѣ, онъ самъ не давалъ осуществиться программѣ «направы», за которую было постоянное большинство весьма вліятельныхъ въ своихъ воеводствахъ пословъ, и наносилъ ударъ за ударомъ посольской избѣ,

---

70) *Bobrzynski*. II, 77.

71) О сеймовой борьбѣ въ эту эпоху см. нашу статью, написанную на основаніи сеймовыхъ «діаріевъ», «Борьба шляхты съ духовенствомъ въ Польшѣ на сеймахъ середины XVI в.». («Юрид. Вѣстн.» 1881). «Видя, сказано въ сеймовомъ діаріи 1555 г., что ужъ ничего не могутъ вымочь и выпросить необходимаго, такъ какъ король хлопоталъ только о податяхъ, послы, посовѣтовавшись, пошли къ королю и сенаторамъ» и объявили, что разъѣзжаются. Dzien. sejm. waln. Koron. r. 1555 i 1558, стр. 89 sq. Сигизмундъ Августъ сталъ жаловаться сеймикамъ на пословъ, что они ничего не дѣлаютъ для Р. Посп. и совѣтовалъ впредь не высылать ихъ въ сеймъ. Шляхта, вмѣсто того, благодарила своихъ пословъ.

72) См. его характеристику въ указанномъ «Очеркѣ реформаціоннаго движенія въ Польшѣ», 102 sq., 108.

то обращаясь противъ нея къ сеймикамъ, къ сенату, то ссылаясь на то, что не вся посольская изба поддерживаетъ программу [73]).

Такимъ образомъ сеймъ и въ царствованіе Сигизмунда Августа не получилъ окончательнаго преобладанія надъ сеймиками. Между тѣмъ сейму предстояла новая задача: со смертью Сигизмунда Августа королевская власть, бывшая главнымъ принципомъ политическаго объединенія автономныхъ воеводствъ, дѣлалась избирательною, вполнѣ зависимою отъ шляхты, и на сеймъ, какъ на главный шляхетскій центральный органъ, выпадала задача королевской власти—объединить Польшу въ одно цѣлое. «Росту политическаго значенія шляхты, писали мы въ другомъ мѣстѣ, соотвѣтствовало ослабленіе королевской власти; но, ослабляя ее, сеймъ себя не укрѣплялъ перенесеніемъ на себя задачи королевской власти — объединить Польшу; онъ остался попрежнему конгрессомъ земскихъ пословъ, которому приходилось считаться и съ сеймиками, и съ меньшинствомъ въ собственной средѣ, а это не дозволило ему перенести на себя или на назначенное имъ лицо того, что принадлежало прежде королю и могло бы получить дальнѣйшее развитіе; королевская же власть, сдѣлавшись, съ одной стороны, избирательной, потеряла подъ собой историческую почву, а съ другой—обязанная своимъ происхожденіемъ безформенной толпѣ элекціоннаго сейма, не могла съ старымъ именемъ превратиться въ новый республиканскій магистратъ съ исполнительною властью» [74]). Переходъ фактически наслѣдственной монархіи въ избирательную положилъ начало перевѣсу сеймиковъ надъ сеймомъ, не успѣвшимъ прочно установить свое преобладаніе.

Въ новую эпоху политическаго бытія Польши сеймики вступаютъ съ старымъ правомъ представительства и съ весьма небольшимъ значеніемъ въ дѣлѣ управленія Рѣчью Посполитою, но въ нѣсколько лѣтъ самаго начала эпохи избирательныхъ королей общее значеніе сеймиковъ быстро возрастаетъ. «Три безкоролевья, говоритъ проф. Павинскій, столь близкія одно отъ другаго, что составляли съ короткимъ перерывомъ почти одну сплошную полосу развитія, столь быстро одно за другимъ послѣдовавшія, что совпали съ жизнью одного и того же поколѣнія, утвердили принципъ общей элекціи и дозволили развиться конфедераціоннымъ союзамъ во время безкоролевья съ обширною сферою исполнительной власти... Участіе въ сеймовомъ

---

[73]) *Bobrzyński*. II, 94—95.

[74]) Новѣйшая польская исторіографія и переворотъ въ ней («Вѣстн. Евр.» 1886, дек., стр. 563). См. польскій переводъ этой статьи «Najnowszy zwrot w historyografji polskiej». S.-Pb. 1888, стр. 58.

представительствѣ все сильнѣе и шире основывается на принципѣ нѣкоторой самостоятельности сеймика, выражающейся въ инструкціяхъ или полномочіяхъ, даваемыхъ сеймиковымъ посламъ съ извѣстными оговорками и ограниченіями. Одновременно и вмѣстѣ съ этимъ ростомъ сознанія о политическомъ значеніи увеличивается и развивается широкое стремленіе къ участію въ общемъ заправленіи дѣлами Рѣчи Посполитой. Въ короткое время возникаетъ цѣлая система сеймиковыхъ властей рядомъ съ системою коронныхъ должностей» [75]). Именно со смерти Сигизмунда Августа письменныя инструкціи посламъ,— которыя прежде были рѣдки, такъ какъ большинство ограничивалось устными наказами,—входятъ въ постоянный обычай, съ Сигизмунда же Вазы становятся все болѣе и болѣе обширными, подробными и повелительными [76]). Все это было логическимъ слѣдствіемъ того, какъ было понято въ Польшѣ прекращеніе царствовавшей до 1572 г. династіи сеймиковавшею шляхтою.

По смерти Сигизмунда Августа великопольскіе сенаторы подъ руководствомъ архіепископа гнѣзненскаго думали было взять въ свои руки высшую власть въ государствѣ до выбора новаго короля, но это намѣреніе разбилось о сопротивленіе шляхты, которая взяла на себя всю тяжесть правъ и обязанностей верховной власти, болѣе не существовавшей въ государствѣ. Шляхтѣ предстояло предпринять мѣры для охраны государства извнѣ и поддержанія внутренняго спокойствія, а для этого она могла установить временное правительство, которое было бы выбрано на вальномъ сеймѣ, или взять на себя непосредственно, какъ на совокупность сеймиковъ, отправленіе верховной власти. Прежде нежели успѣлъ собраться сеймъ, главнымъ образомъ въ Малой Польшѣ произошло въ шляхтѣ движеніе, рѣшившее вопросъ о томъ, кому въ «безкоролевье» будутъ принадлежать королевскія права: сеймики стали составлять «конфедераціи» съ цѣлью поддерживать порядокъ, спокойствіе, свободу и вольную элекцію новаго короля [77]). Прецедентомъ для шляхты была корчинская конфедерація 1438 г., мало намъ извѣстная и при всемъ томъ совсѣмъ не подходившая къ даннымъ обстоятельствамъ: корчинская конфеде-

---

75) О. c. 337—338.

76) *Ibid.*, 340.

77) Образецъ такого сеймиковаго постановленія представляетъ изъ себя, напр., 2-ой документъ въ сборникѣ *Иванишева* (Архивъ юго-западной Россіи. Кіевъ. 1861. Часть II, томъ I, стр. 18 и слѣд.), а именно «каптуровое постановленіе о мѣрахъ къ охраненію внутренней безопасности во время междуцарствія» (1574). Постановленіе на русскомъ языкѣ.

рація образовалась при королѣ и охватывала все государство, гроза всякому, кто началъ бы какую-нибудь смуту въ Польшѣ [78]), теперь возникли отдѣльныя конфедераціи по воеводствамъ и только черезъ 5—6 мѣсяцевъ слились въ генеральную конфедерацію. Проф. Павинскій отмѣчаетъ то явленіе, что всѣ сеймики одинаковымъ образомъ смотрѣли на то, что̀ имъ нужно было предпринять во время безкоролевья: «это согласіе, заключаетъ онъ, должно было бы указывать на то, что уже давно другими обстоятельствами и вліяніями была приготовлена почва въ умахъ для образованія воеводскихъ конфедерацій». Не развивая этой мысли, онъ дѣлаетъ только замѣчаніе, что къ этому клонилось все со временъ Сигизмунда I, когда шляхта стала стремиться къ ограниченію въ свою пользу королевскихъ правъ и къ участію въ исполнительной власти [79]). Съ другой стороны, въ самопроизвольномъ образованіи воеводскихъ конфедерацій, перенесшихъ на себя верховенство, онъ справедливо усматриваетъ «возвращеніе къ состоянію былаго партикуляризма изъ эпохи нешавскаго статута» [80]). Нѣсколькими страницами ниже тотъ же историкъ такъ объясняетъ значеніе конфедерацій 1572 года: «сеймикъ, говоритъ онъ, въ обыкновенныя времена зависитъ отъ воли короля или вальнаго сейма, а конфедерація, какъ родилась и установилась путемъ самобытнаго движенія, такъ и всегда можетъ вновь возрождаться изъ того же самаго животворнаго и неисчерпаемаго начала. Въ этомъ-то и заключается великое значеніе перемѣны, которую произвели конфедераціи 1572 г. въ политическомъ укладѣ Польши. Конфедератскіе сеймики сразу поднялись на довольно высокую ступень важности и значенія, сразу сдѣлались самостоятельными и нѣкоторымъ образомъ независимыми (udzielnemi) организмами и произвели то, что прежде нежели собрался «конвокаціонный» сеймъ въ январѣ 1573 г., прежде нежели пришли къ какому-либо соглашенію, къ установленію общей организаціи на все время безкоролевья, уже Польша превратилась чуть не въ союзное государство (państwo związkowe), состоящее изъ ряда конфедератскихъ сеймиковъ» [81]). Эти сеймики, вслѣдствіе того,

---

78) Confederatio principum tam spiritualium quam saecularium baronum, procerum, militum et nobilium etc. regni poloni contra regnicolas inobedientes juri, contumaces et haereticos, eorumque fautores. *Vol. leg.*, I, 140—141.

79) *Pawiński*, 34.

80) *Ibid.*, 35. Очень живо, хотя и въ короткихъ словахъ, изображаетъ это движеніе *Bobrzyński*. II, 108 sq. Литературу о безкоролевьяхъ см. въ «Очеркѣ реформаціоннаго движенія», 22—23.

81) *Pawiński*, 40. Говоря о конфедераціяхъ, заключавшихся при жизни ко-

что королевская элекція происходила, какъ мы видѣли, viritim, непосредственно участвовали въ избраніи короля, а это также, по замѣчанію проф. Павинскаго, давало сеймику видъ до нѣкоторой степени суверениаго (udzielnego) собранія [82]): почтенный ученый совершенно вѣрно указываетъ на то, что «принципъ общей элекціи viritim поставилъ сразу сеймики на высокую ступень значенія, ибо на самомъ дѣлѣ присутствіе на элекціонномъ полѣ было не чѣмъ инымъ, какъ перенесеніемъ конфедератскаго сеймика во всемъ его составѣ на общее большое собраніе или элекціонный сеймъ» [83]). Сеймовые послы предыдущей эпохи стремились замѣнить постановленіе 1530 г. объ элекціи *viritim* новымъ закономъ, который передавалъ бы избраніе посольской избѣ, — что̀, несомнѣнно, подняло бы значеніе послѣдней, — но и установленіе способа элекціи король все откладывалъ «до завтра» [84]).

Съ этого времени сеймики и начинаютъ совершенно выбиваться изъ-подъ власти сейма. При Стефанѣ Баторіи въ 1578 г., наканунѣ московскаго похода, вся посольская изба дала согласіе на поборъ, кромѣ пословъ изъ воеводствъ краковскаго, сандомірскаго и сѣрадзьскаго. Король назначилъ новые сеймики въ этихъ воеводствахъ, заклиная шляхту не нарушать общаго согласія. Сѣрадзьское тотчасъ же уступило, но два другія упорствовали, и только послѣ того, какъ Баторій назначилъ для нихъ общій съѣздъ въ Корчинѣ, мѣстная шляхта дала свое согласіе на налогъ, но не такой, какой платили остальныя воеводства, и притомъ съ разными ограниченіями. Подобный случай чуть было не повторился на сеймѣ 1581 года. Съ Сигизмунда III утвержденіе налоговъ сеймиками дѣлается явленіемъ обычнымъ: все чаще и чаще послы ставятъ вотированіе налоговъ въ зависимость отъ согласія сеймиковъ, давая свое согласіе подъ условіемъ, чтобы послѣ сейма собранъ былъ сеймикъ и на немъ снова было разсмотрѣно все дѣло. Такъ именно поступили въ 1590 г. воеводства познанское и калишское, и вскорѣ выработалась формула «wziąć do braci» (перенести къ братьямъ), которая обозначала такое ограниченіе власти сейма. Въ 1593 г., когда требовались деньги на путешествіе Сигизмунда въ Швецію, вся Литва и нѣсколько воеводствъ

роля сеймиками отдѣльныхъ воеводствъ, проф. Павинскій замѣчаетъ, что въ основѣ ихъ лежала та же центробѣжная сила, которая образовывала конфедераціи во время безкоролевья. 45.

[82]) *Ibid.*, 47.

[83]) *Ibid.*, 48.

[84]) Ср. *Bobrzyński*. II, 112.

въ Коронѣ отказали въ поборѣ, «взявши до братьи», т. е. перенесши вопросъ съ сейма на сеймики. Королю пришлось уступить, т. е. назначить сеймики, и только послѣ этого онъ получилъ желанныя деньги. Вслѣдствіе того, что практика «brania do braci» съ конца XVI вѣка быстро укрѣпляется, явилась надобность собирать сеймики не только передъ сеймомъ (sejmiki przedsejmowe), но и послѣ сеймовъ (sejmiki posejmowe) [85]). Въ 1590 г. произошелъ даже случай совершенной кассаціи сеймовыхъ рѣшеній сеймиками. Польшѣ грозило турецкое нашествіе, и на бывшемъ въ мартѣ этого года сеймѣ гетманъ Янъ Замойскій добился установленія нѣкоторыхъ налоговъ и усиленія своей власти, но все это было встрѣчено оппозиціей со стороны посеймовыхъ сеймиковъ. Особенно сильно протестовала шляхта въ великопольскихъ воеводствахъ, завязалась даже конфедерація въ Шродѣ, къ которой присоединился самъ архіепископъ Карнковскій, назначившій общій съѣздъ въ Колѣ, гдѣ и были отмѣнены постановленія сейма. Къ счастью для Польши, опасность нападенія Турціи миновала [86]).

«Сеймикъ, говоритъ проф. Павинскій, становился не только органомъ представительства, не только добылъ себѣ право самостоятельно рѣшать вопросъ о налогахъ, коихъ желали на сеймѣ, принимая или отвергая ихъ у себя, на своемъ воеводскомъ собраніи, но все болѣе и болѣе расширялъ свою власть и политическое значеніе и, наконецъ, все больше добывалъ себѣ силы, какъ органъ исполнительной власти... Общимъ признакомъ этого движенія было стремленіе сеймиковъ пріобрѣсти участіе въ государственномъ управленіи, въ администраціи важнѣйшихъ дѣлъ Рѣчи Посполитой, отнять у коронныхъ учрежденій часть власти, перенести ее на сеймики» [87]). Авторъ «Rządów sejmikowych w Polsce» подробно слѣдитъ за тѣмъ, какъ сеймики все болѣе и болѣе вторгаются въ отправленіе правосудія, въ финансовую и войсковую администрацію. Сущность дѣла состояла въ слѣдующемъ. Органомъ высшей судебной власти въ Рѣчи Посполитой былъ учрежденный въ 1578 г. «коронный трибуналъ» [88]), въ которомъ, кромѣ духовенства, засѣдали выбранные на сеймикахъ «депутаты». «Король, сенатъ, говоритъ проф. Павинскій, которые прежде отправляли судебную функцію на сеймѣ (sądownictwo sejmowe), были устранены отъ вся-

---

[85]) *Pawiński*. 348—349.

[86]) *Ibid*., 351.

[87]) *Pawiński*, 352—353.

[88]) См. подробности у *Hüppe*. Verfassung der Republik Polen. Berlin. 1867, стр. 290 sq.

каго вліянія на выборъ трибунальскихъ судей. Трибуналъ по отношенію къ составу свѣтскихъ лицъ былъ просто и непосредственно результатомъ сеймиковыхъ выборовъ, былъ, такимъ образомъ, учрежденіемъ, вытекавшимъ изъ сеймиковъ и ставшимъ какъ бы краснорѣчивымъ доказательствомъ ихъ значенія и положенія... Прежде бывали только сеймики предсеймовые разъ въ годъ или даже въ два года, а отъ 1578 г. прибавился къ нимъ уже постоянный, періодически повторявшійся въ сентябрѣ «сеймикъ депутатскій», созывавшійся именно для выбора депутата въ трибуналъ [89]). Важнѣе для насъ другое явленіе, указывающее на развитіе центробѣжной силы въ сеймикахъ. Въ 1589 г. въ финансовую администрацію введенъ былъ принципъ децентрализаціи. Во главѣ этой администраціи стоялъ «подскарбій», при которомъ незадолго до указаннаго года были еще провинціальные казначеи (szafarze), по одному на цѣлую провинцію, каковою была, напр., Малая Польша. Теперь въ каждомъ воеводствѣ долженъ былъ существовать такой «szafarz», на мѣстѣ исполнявшій свои обязанности, совершенно независимый отъ центральнаго правительства, отдававшій отчетъ въ расходахъ сеймику. За подскарбіемъ оставался только высшій контроль, ибо, наприм., гетманъ могъ прислать въ воеводство ротмистровъ съ ассигновками, а подскарбій уже post factum могъ провѣрить произведенный расходъ. Однимъ словомъ, воеводство имѣло свою особую казну, которая и составлялась изъ суммъ, собранныхъ въ видѣ налоговъ съ мѣстныхъ жителей [90]). Отсюда недалеко было до мысли, чтобы каждое воеводство на причитающуюся съ него сумму побора само выставляло соотвѣтственное количество «жолнеровъ» (наемныхъ солдатъ), а это вносило начала крайней децентрализаціи и въ войсковую администрацію [91]). Въ началѣ XVII в. (1616 г.) дѣло дошло и до этого, хотя мысль о такомъ порядкѣ относится еще къ 1589 г. Сначала сеймики выбирали только двухъ—трехъ кандидатовъ въ «ротмистры», а назначалъ ротмистра король, но съ середины XVII вѣка сами сеймики назначали начальниковъ воеводскихъ дружинъ. Нѣсколько раньше (1607 г.) на сеймикѣ люблинскаго воеводства въ инструкцію послу на сеймъ было вписано желаніе, чтобы воеводы, каштеляны, старосты и всѣ земскія должностныя лица выбирались на сеймикахъ, а король чтобы только утверждалъ одного изъ указанныхъ отъ воеводства кандидатовъ [92]).

---

89) *Pawiński*, 354, особенно 300 sq.

90) *Ibid.*, 122 sq.

91) *Ibid.*, 281 sq.

92) *Ibid.*, 363.

Достаточно этихъ примѣровъ, чтобы видѣть, какую роль стали играть сеймики уже въ первыя десятилѣтія избирательнаго престола. «Въ XVII и XVIII столѣтіяхъ, говоритъ Гюппе, особенно со времени частаго срыванія сеймовъ центръ тяжести государственной власти лежитъ уже не въ сеймѣ, а въ сеймикахъ... Подобно тому, какъ сеймовыя конституціи только тогда получали силу, когда ратифицировались всѣми сеймиками, и притомъ только для тѣхъ земель, гдѣ ихъ принимали, такъ и импульсъ къ занятію дѣлами государства шелъ со стороны сеймиковъ» [93]). Въ настоящее время эти отношенія подробно и обстоятельно и изслѣдованы въ капитальномъ трудѣ А. И. Павинскаго «Rządy sejmikowe w Polsce».

Въ исторіи отношеній между сеймами и сеймиками въ эпоху избирательныхъ королей (1572 — 1795) проф. Павинскій различаетъ именно три періода: въ первый періодъ, обнимающій послѣднюю четверть XVI в. и первую половину XVII (1572—1648) значеніе сеймиковъ увеличивается на счетъ значенія вальнаго сейма, т. е. единство государства расшатывается; во второмъ періодѣ, заключающемъ въ себѣ вторую половину XVII вѣка и шесть съ половиной десятилѣтій XVIII, т. е. до избранія послѣдняго короля польскаго (1648—1764), сеймики достигаютъ полнаго преобладанія, сеймъ утрачиваетъ свою силу, государство, такъ сказать, разлагается (rozprzężenie państwa); только въ третьемъ періодѣ тридцатилѣтняго царствованія Станислава Августа, закончившагося «паденіемъ Польши» (1764—1795), власть сеймиковъ начали ограничивать, усиливать значеніе сейма и, слѣдовательно, укрѣплять единство Рѣчи Посполитой. Мы уже отмѣтили тѣ перемѣны въ положеніи сеймиковъ, которыя произошли въ первыя три четверти вѣка избирательнаго правленія. «Главнымъ признакомъ втораго періода, говоритъ указанный авторъ, является многосторонній ростъ власти сеймиковъ, какъ избирательныхъ и административныхъ корпусовъ (ciał). Въ представительствѣ беретъ верхъ индивидуальная самобытность (samoistność) сеймиковъ. Ихъ законодательное значеніе выростаетъ въ большой степени, доходя иногда до полной самостоятельности (udzielności). Въ сферѣ власти исполнительной все болѣе и болѣе расширяется система сеймиковыхъ должностей, особенно въ отрасли финансовой администраціи. Кульминаціоннымъ пунктомъ этого развитія была первая половина царствованія Августа II. Съ 1717 года начинается уменьшеніе власти

[93]) *Hüppe*, 160—161.

[94]) *Pawiński*, 335.

сеймиковъ въ области войсково-финансоваго самоуправленія, хотя участіе ихъ въ вальномъ сеймѣ покоится на прежнихъ принципахъ, получившихъ окончательное свое выраженіе въ видѣ *liberum veto*[95]).

Въ *liberum veto*, которое стало практиковаться на сеймахъ съ середины XVII вѣка, видятъ обыкновенно естественное слѣдствіе ведущаго свое начало съ древнѣйшихъ временъ и общаго всѣмъ славянскимъ племенамъ принципа единогласія народныхъ рѣшеній, но можно съ увѣренностью сказать, что безъ усиленія значенія сеймиковъ изъ этого принципа никогда не выработалось бы *liberum veto*. Разсмотримъ вкратцѣ, въ какомъ отношеніи стоитъ «вольный голосъ» къ исконному началу единогласія, и остановимся подробнѣе на томъ вліяніи, какое оказало на это начало развитіе власти сеймиковъ.

Дѣйствительно, есть извѣстія, что на древнихъ польскихъ вѣчахъ дѣла рѣшались единогласіемъ [96]). Вѣроятно, это имѣло такой же смыслъ, какъ и единогласіе на русскихъ вѣчахъ, по объясненію проф. Сергѣевича: тамъ требовалось единогласное рѣшеніе, которое въ случаѣ разногласія предполагало подчиненіе меньшинства большинству, хотя первое не считало себя обязаннымъ подчиняться послѣднему, такъ какъ, наоборотъ, видѣло свое право принуждать большинство къ принятію своего мнѣнія, равно какъ и большинство не останавливалось передъ тѣмъ, чтобы навязать свое рѣшеніе несогласнымъ съ нимъ [97]). Относительно западно-славянскаго племени лютичей мы имѣемъ положительное свидѣтельство (XI в.) лѣтописца Титмара, бывшаго епископомъ мерзебургскимъ, который говоритъ, что на ихъ вѣчахъ дѣла рѣшаются единогласіемъ (unanimi consilio ad placitum suimet necessaria discutientes in rebus efficiendis omnes concordant), въ случаѣ же противорѣчія съ чьей-либо стороны виновный подвергается побоямъ, а если и послѣ этого сопротивляется, то ему мстятъ поджогами и грабежомъ или на него налагаютъ денежную пеню [98]). Какъ бы тамъ ни было, внѣ всякаго сомнѣнія, для законности постановленій сеймиковъ въ Польшѣ требовалось единогласіе или, какъ выражаются поляки, единомысліе (jednomyślność), и только въ конфедераціяхъ дѣла рѣшались большинствомъ, причемъ оно могло принуждать несогласныхъ. Мы уже видѣли, что и сеймы ягеллонской

---

95) *Ibid.*, 367.

96) *Дьячанъ*, 71—72.

97) *Сергѣевичъ.* Вѣче и князь. Русское государственное устройство и управленіе во времена князей Рюриковичей. М. 1867.

98) *Гильфердингъ.* Исторія балтійскихъ славянъ (Сочиненія. Спб. 1874. IV), стр. 76 sq.

эпохи придерживались того же принципа, такъ что послѣдній можетъ дѣйствительно считаться однимъ изъ характерныхъ признаковъ политической жизни въ Польшѣ [99]). Однако я думаю, что принципъ не получилъ бы дальнѣйшаго развитія въ установленіи того, что поляки называли «jus vetandi», если бы сеймики не выбились изъ-подъ власти сейма. Само единомысліе могло бы замѣниться рѣшеніемъ дѣлъ по большинству голосовъ, какъ этого многіе желали и какъ это устанавливалось въ конфедераціяхъ,—вмѣсто того, чтобы дойти до столь строгаго примѣненія, что несогласіе одного члена собранія было препятствіемъ для постановки рѣшенія. По старому пониманію правила большинство должно было бы принуждать единицу не противорѣчить и не сопротивляться, и такимъ путемъ, хотя и не добровольно, могло бы получаться единогласіе, и въ сеймовыхъ дѣлахъ это значило бы, что сеймъ имѣетъ преобладаніе надъ единичнымъ сеймикомъ: если же, наоборотъ, одинъ посолъ своимъ veto (nie pozwalam) препятствовалъ принятію общаго рѣшенія, то въ этомъ мы должны видѣть не столько прямой результатъ принципа единогласія, сколько внесеніе въ него новой идеи, возникшей на почвѣ того преобладанія сеймиковъ надъ сеймомъ, какое установилось къ серединѣ XVII в. Я думаю поэтому, что «jus vetandi» нужно ставить въ болѣе тѣсную связь не со старымъ принципомъ единомыслія, никогда не дававшимъ такого значенія голосу единицы или незначительнаго меньшинства, а съ конгрессивностью вальнаго сейма, бывшей результатомъ политической автономіи воеводствъ [100]). Единомысліе эпохи преобладанія сеймиковъ — явленіе новое въ сравненіи съ единогласіемъ старыхъ вѣчъ и прежнихъ сеймиковъ и сеймовъ, хотя оба явленія и находятся въ генетической связи. Мнѣ кажется, что для объясненія *liberum veto* нужно до извѣстной степени отрѣшиться отъ всякихъ ссылокъ на старый принципъ праславянскаго, повидимому, происхожденія и разсматривать «вольный голосъ», какъ продуктъ эволюціи, превратившей Рѣчь Посполитую въ подобіе федераціи сеймиковыхъ республикъ. Во первыхъ, можно привести въ пользу такого мнѣнія фактическія доказательства изъ исторіи возникновенія *liberum veto*, а во вторыхъ, нѣкоторыя аналогіи изъ исторіи другихъ государствъ также могли бы служить косвеннымъ подтвержденіемъ нашей мысли.

[99]) Ta jednomyślność w stanowieniu uchwał, w obiorze deputatów lub posłów jest jednem z najwybitniejszych znamion życia publicznego Polski, jedną z najgłówniejszych zasad a tak zgubną wszelkich obrad zarówno sejmowych jak i sejmikowych. *Pawiński*. 22.

[100]) *Cf. Bobrzyński*. Sejmy polskie za Olbrachta i Aleksandra (Ateneum, 1876, kwiecień, 13; maj, 346 sq).

Первый случай разрыва сейма однимъ посломъ относятъ къ 1652 г., и имя этого посла (Сицинскій), покрытое геростратовской славой, сохранилось на память потомству въ лѣтописяхъ польскаго государства [101]). Въ поступкѣ Сицинскаго, посла упитскаго, и современники видѣли и видятъ теперешніе историки нѣчто новое, чего прежде не бывало [102]). Это новое, однако, привилось и упрочилось, и слѣдовательно, было нѣчто въ тогдашней политической жизни Рѣчи Посполитой, что благопріятствовало установленію *liberum veto*, сдѣлавшагося впослѣдствіи въ глазахъ шляхты «зѣницей» ея вольности (źrenica wolności, pupilla libertatis). Требованіе единогласія само по себѣ не давало еще возможности возникновенія такого чудовищнаго явленія, а потому не въ требованіи этомъ, какъ обыкновенно думаютъ [103]), а въ томъ, что къ нему присоединилось, въ стремленіи сеймиковъ совершенно выбиться изъ-подъ власти сейма нужно видѣть настоящую причину срыванія сеймовъ. Проф. Павинскій, весьма много способствовавшій выясненію отношеній сеймиковъ къ сейму, повторяя старую мысль, что въ непризнаніи принципа большинства, въ желаніи единомыслія сеймовыхъ постановленій «заключалось начало» (tkwił pierwiastek) *liberum veto*, въ другомъ мѣстѣ, на нашъ взглядъ вѣрнѣе выводитъ генеалогію этого явленія: «какъ птенецъ изъ яйца, такъ и оно (liberum veto), говоритъ онъ, выклевывается изъ прежнихъ завязей законодательной власти сеймиковъ» [104]). Знатокъ госу-

---

[101]) Sub Joanne Casimiro demum jus, quod adhuc multorum fuerat, in unum transferri coepit, *Sicinio*, Vpitensis terrae in Lituania nuntio, a. 1652 comitia rumpente: quod insolitum et plane novum fuisse, hinc abunde patet quia non tantum omnium advertit animos, sed ordines etiam contradicentem diris devoverunt, ut periret precati. *Lengnich*. II, 234. Впрочемъ имя Сицинскаго не всегда приводится: roku 1652 w Warszawie sejm (ut praesumitur z konstytucyi 1653) pierwszy zerwany. *Burzyński*. Zebranie wszystkich seymów i praw polskich ad statum ściągających się które od początku seymowania aż do naszych czasów są postanowione. Roku 1765. Стр. 187.

[102]) Niepraktykowanem dotąd sposobem zerwał go (sejm) poseł upitski, Siciński, założywszy veto i opuściwszy Warszavę. *I. Szujski*. Historyi polskiej ksiąg dwanaście. Warszawa. 1880. Стр. 278. Sejm z roku 1652 dał pierwszy, zastraszający przykład «liberum veta».... Wdniu 9 marca 1652 dopiero poseł upitski Siciński.... pierwszy raz zaprotestował przeciw ważności obrad w obronie zagrożonej wolności! salę obrad opuścił, a pozostali posłowie uznali się dlatego bez prawa do dalszego obradowania i sejm za zerwany orzekli. *Bobrzyński*. Dzieje Polski, II, 217 и 218. Cf *Hüppe*, 146.

[103]) *Pawiński*, 368.

[104]) W nieuznawaniu zasady większości, w żądaniu jednomyślności uchwał sejmowych tkwił już pierwiastek rozkładu, który rozwinął i dojrzał w kszta-

дарственнаго права Рѣчи Посполитой, Гюппе, относя главныя особенности *liberum veto*, какъ оно практиковалось въ XVII и XVIII вѣкахъ, на счетъ «абсолютнаго господства» шляхты [105]), основу самаго явленія видитъ въ томъ, что на польскомъ сеймѣ, какъ на конгрессѣ, заключались договоры, для коихъ требовалось единогласіе, безъ чего они не могли быть дѣйствительными [106]). Такимъ именно конгрессомъ сдѣлался сеймъ въ ту эпоху, когда сеймики явились во всеоружіи законодательной власти, а это произошло къ серединѣ XVII вѣка, когда и былъ Сицинскимъ поданъ примѣръ срыванія сейма «uno contradicente». Поведеніе его признано было вполнѣ законнымъ, не потому, чтобы существовалъ спеціальный законъ, дозволявшій такъ поступать, а потому, что шляхта въ сеймикахъ сама давала своимъ сеймовымъ посламъ инструкціи, повелѣвавшія имъ такіе-то вопросы «относить до братьи», не соглашаться на такія-то и такія-то постановленія, препятствовать теченію дѣлъ на сеймѣ, если не будутъ удовлетворены такія-то и такія-то требованія, а потомъ прекращать засѣданія (что выражалось словами «sistere activitatem») и срывать сеймъ. Срываніе сеймовъ даже стало доставлять своего рода удовольствіе сеймикамъ, такъ какъ поднимало ихъ значеніе, и такимъ образомъ мало-по-малу сеймики сдѣлались гораздо важнѣе сейма, а въ этомъ съ сеймиками сошлись сеймовые политики, которые пользовались этимъ средствомъ изъ-за личныхъ побужденій, часто вопреки инструкціямъ собственныхъ сеймиковъ. Въ сущности въ *liberum veto* можно видѣть продолженіе старыхъ способовъ, коими меньшинство препятствовало сеймовымъ постановленіямъ, когда затягивало разсмотрѣніе дѣлъ и не соглашалось на продолженіе сейма или шумно покидало засѣданіе, ибо и послѣ 1652 г. одинъ посолъ на самомъ дѣлѣ не могъ сорвать сейма, если всѣ остальные были согласны, если за нимъ не стояло значительное меньшинство, которое и принуждало сеймъ принимать его протестъ [107]): важно то, что найдена была новая форма, соотвѣтствовавшая новымъ отношеніямъ сеймиковъ къ сейму, стремленію сеймиковъ не допускать на сеймѣ ничего, что было бы противъ ихъ желанія и воли. То «nie pozwalam», которое гово-

---

łcie «nie pozwalam» jednego posła. *Pawiński*, 369. Въ этихъ словахъ почтенный авторъ повторяетъ общераспространенное мнѣніе, но у него есть указаніе и на ту сторону дѣла, которую мы выдвигаемъ на первый планъ.

105) Es war eine nothwendige Folge der absoluten Herrschaft, die der Adel gewonnen hatte. *Hüppe*, 149.

106) *Ibid.*, 147, особенно 160—161.

107) *Bobrzyński*. II, 218.

рилъ одинъ посолъ, было только de jure передачей сейму «nie pozwalamy» цѣлаго сеймика: «na żadne podatki nie pozwalać» (не соглашаться ни на какіе налоги), «na prolongacyą sejmu nie pozwalać» (не соглашаться на продленіе сейма), — такъ диктовала свою волю шляхта въ инструкціяхъ отправлявшимся на сеймъ посламъ, прибавляя, что нужно добиваться исполненія своихъ требованій «съ выходомъ и разрывомъ сейма» (cum exitio et ruptura sejmu, cum discrimine sejmu, cum periculo sejmu) и т. д. [108]). Нужды нѣтъ, что для разрыва сейма считалось достаточнымъ протеста одного посла: за однимъ всегда стояло извѣстное меньшинство, которое иногда просто прибѣгало къ этой формѣ потому, что при всемъ уваженіи къ *liberum veto*, этой зѣницѣ золотой вольности, на посла, срывающаго сеймъ въ обществѣ, смотрѣли, какъ на покрытаго позоромъ [109]), а во вторыхъ, къ этому времени выработалась и услужливая теорія о срываніи сеймовъ однимъ посломъ, оправдывавшая то самовольство, которое шляхтою принималось за свободу. Сеймовыя инструкціи извѣстныя дѣла оставляли на собственное усмотрѣніе пословъ, и этимъ пользовались послѣдніе для срыванія сеймовъ на свой страхъ [110]). Наступленіе общей анархіи помѣшало обставить срываніе сеймовъ извѣстными условіями, но изъ проектовъ, которые возникали по этому поводу, нельзя не отмѣтить выражавшагося кое-гдѣ желанія, чтобы *liberum veto* принадлежало не одному послу, а всѣмъ посламъ одного воеводства [111]): замѣчательно, что къ подробной мысли въ шестидесятыхъ годахъ прошлаго вѣка приходилъ извѣстный аббатъ Мабли, къ которому обращались за политическими совѣтами барскіе конфедераты [112]). Это было послѣдовательно, и такъ было бы, если бы общественная жизнь въ Польшѣ не подверглась полному разложенію, которое позволяло одному послу брать на себя то, что вытекало изъ независимаго положенія, какое создали себѣ отдѣльные сеймики по отношенію къ сейму или, что то же, отдѣльныя воеводства по отношенію ко всей Рѣчи Посполитой.

---

108) *Pawiński*, 78—79. *Н. Стороженко.* Западно-русскіе провинціальные сеймики во второй половинѣ XVII в. Кіевъ. 1888. Стр. 59 sq.

109) *Bobrzyński.* II, 218.

110) *Pawiński*, 370.

111) *Ibid.*, 372.

112) On pourroit peut-être établir que desormais le *veto* n'aura lieu que quand tous les nonces d'un palatinat le prononceront d'une voix unanime. Du gouvernement et des lois de la Pologne (Oeuvres complètes de l'abbé de Mably. Toulouse. 1793. XI, 18).

Эпохою частаго срыванія сеймовъ было сто съ небольшимъ лѣтъ— отъ 1652 по 1764 г.: изъ 55 сеймовъ, собиравшихся въ это столѣтіе, только семь дошло до благополучнаго окончанія, а 48 были сорваны, при чемъ около трети послѣдняго числа приходится на сеймы, сорванные по одному голосу, а именно въ 1654, 65, 66, 68, 69, 70, 72, 81, 89, 96, 1701, 12, 30, 50, 52, 54, 58, 62 годахъ [113]). «Каждое царствованіе, говоритъ проф. Павинскій, отъ Яна Казиміра до Понятовскаго видѣло по нѣскольку такихъ печальныхъ примѣровъ, а при Августѣ III анархія достигла до зенита, ибо въ теченіе слишкомъ двадцати лѣтъ, несмотря на то, что каждые два года собирался сеймъ, ни одинъ изъ нихъ не увѣнчался успѣхомъ. Въ сеймиковыхъ инструкціяхъ каждаго воеводства можно присмотрѣться къ тому, какъ постепенно возрастаетъ эта индивидуальность сеймиковъ, какъ при Янѣ Казимірѣ постоянно умножаются предостереженія, чтобы послы не соглашались на то-то и на то-то, чтобы добивались единомыслія, и какъ при Михаилѣ и Янѣ III уже прямо выступаетъ желаніе даже разрыва сейма отъ имени воеводства» [114]). Но именно это была эпоха, когда воеводства съ своими сеймиками получили характеръ независимыхъ территорій, самостоятельныхъ штатовъ или республикъ, въ коихъ законодательная власть принадлежала сеймикамъ, а исполнительная— сеймиковымъ должностнымъ лицамъ, значеніе коихъ возросло въ ущербъ коронныхъ властей и должностей [115]). Проф. Павинскій сопоставляетъ эти шляхетскія общины съ американскими штатами, говоря, напр., что каждый сеймикъ былъ чѣмъ-то «въ родѣ американскаго штата», или что англійскія колоніи, вступавшія въ союзъ между собою при освобожденіи отъ митрополіи, «были также воеводства, индивидуальныя общины», имѣвшія «свои сеймики, которые были представлены на вальномъ сеймѣ или конгрессѣ въ Филадельфіи», съ тѣмъ только различіемъ, что эти штаты перешли скоро къ болѣе тѣсной уніи, «имѣя, по мнѣнію нашего историка, болѣе элементовъ для сплоченія, нежели сеймики, или шляхетскія гмины отдѣльныхъ воеводствъ» [116]). Намъ приходитъ въ голову иное сравненіе, съ другими «Соединенными Штатами», съ коими у соединенныхъ воеводствъ было много болѣе общаго. Мы остановимся на этомъ сравненіи для лучшаго выясненія того, чѣмъ былъ вальный сеймъ въ Рѣчи Посполитой.

[113]) *Lengnich*. II, 234. *Hüppe*, 146.

[114]) *Pawiński*, 369.

[115]) *Ibid*., 375 sq., 408 sq., 417. Powstał cały systemat władz sejmikowych, który się rozwinął kosztem władz i urzędów koronnych, 377.

[116]) *Ibid*., 417 и 420.

Я имѣю въ виду Нидерланды, представлявшіе изъ себя подъ владычествомъ Габсбургско-бургундскаго дома конгломератъ «большихъ городовъ съ подчиненными имъ округами и деревнями, бывшихъ скорѣе мелкими государствами, чѣмъ городами», какъ выражается Мотлей [117]). Въ 1549 г. государь этого конгломерата, «римскій» императоръ Карлъ V обнародовалъ въ Брюсселѣ актъ, по которому 17 провинцій соединялись въ одно цѣлое, какъ наслѣдственное владѣніе его дома, для чего требовалось уничтоженіе внутреннихъ законовъ отдѣльныхъ провинцій касательно наслѣдственныхъ правъ владѣтельнаго дома. Карлу V удалось установить общій законъ только путемъ переговора съ штатами отдѣльныхъ провинцій. Въ сущности, этимъ не создавалось единое государство, ибо все остальное, кромѣ закона о престолонаслѣдіи, оставалось неизмѣннымъ: попрежнему это были отдѣльныя государства, по отношенію къ коимъ одинъ и тотъ же государь былъ или герцогомъ брабантскимъ, или графомъ голландскимъ и т. д., смотря по тому, о какой провинціи шла рѣчь. Каждая провинція имѣла свои штаты, но вслѣдствіе соединенія провинцій явилась потребность созванія «генеральныхъ штатовъ», хотя часть суверенитета, принадлежавшая націи, не переносилась на это новое собраніе, оставаясь распредѣленною между провинціальными штатами. Въ царствованіе Филиппа II, какъ извѣстно, часть этихъ провинцій отложилась отъ своего государя, чтобы образовать независимую республику «соединенныхъ провинцій» (1581 г.), на основаніи договора, который онѣ заключили между собою двумя годами ранѣе въ Утрехтѣ (1579). Первая статья утрехтской уніи обезпечиваетъ за каждой провинціей ея прежнія права и привилегіи [118]), но для нашей цѣли особую важность имѣетъ статья IX, которая читается такъ: «нельзя будетъ заключать миръ или предпринимать войну, а также взимать какой-либо налогъ или другой поборъ въ пользу цѣлаго безъ вѣдома и *единодушнаго согласія* провинцій союза. Но во всѣхъ другихъ дѣлахъ, касающихся конфедераціи, будутъ поступать такъ, какъ будетъ постановлено большинствомъ голосовъ означенныхъ провинцій» [119]). Авторъ введенія къ III тому французскаго «собранія конституцій, хартій и

---

117) *Мотлей*. Исторія нидерландской революціи. Спб. 1865. I, 97.

118) La portion de la souveraineté nationale non dévolue au chef de l'état, ne se trouvait point transportée dans cette nouvelle assemblée, mais est restée, au contraire, répartie entre les diverses assemblées d'états des provinces. *Dufau*, *Duvergier et Guadet*. Collection des constitutions des peuples de l'Europe. P. 1822. III, 19 (Des institutions politiques dans les Pays-Bas).

119) *Ibid.*, 100.

основныхъ законовъ народовъ Европы и обѣихъ Америкъ», излагая исторію политическихъ учрежденій Нидерландовъ, такъ характеризуетъ вышедшее изъ утрехтской уніи государство: «Государство соединенныхъ провинцій не было, собственно говоря, республикой, но скорѣе уніей многихъ республикъ, изъ коихъ каждая сохраняла свое правительство и свою долю верховной власти. Послѣдняя принадлежала индивидуально каждому собранію штатовъ семи провинцій и по вопросамъ общаго интереса національному конгрессу, носившему названіе генеральныхъ штатовъ. Этотъ конгрессъ, состоявшій первоначально изъ всей почти совокупности собраній провинціальныхъ штатовъ [120]), измѣнилъ свою форму ко времени вступленія Морица въ штатгальтерство. Онъ собирался весьма рѣдко, ибо число депутатовъ (переходившее иногда за восемьсотъ) дѣлало совѣщанія непомѣрно продолжительными и безпорядочными. Это собраніе въ промежутки между отдѣльными сессіями было представлено государственнымъ совѣтомъ, который и приводилъ въ исполненіе его декреты. Но такой распорядокъ казался слишкомъ благопріятствующимъ деспотизму. Провинціи потребовали тогда, чтобы создана была постоянная депутація, выбранная изъ среды отдѣльныхъ штатовъ и надѣленная частью власти, которая давалась конституціей этимъ представительнымъ корпораціямъ. Предложеніе было принято, и тогда въ Гагѣ стало засѣдать собраніе, называвшееся генеральными штатами, хотя оно было только ихъ представительствомъ. Собраніе генеральныхъ штатовъ сравнивали съ совѣтомъ посланниковъ, соглашенія коихъ должны быть ратифицированы ихъ государями. Это сравненіе довольно вѣрно. Каждая провинція имѣла въ самомъ дѣлѣ право, въ силу выпадавшей на ея долю части верховенства, отказывать посредствомъ своихъ штатовъ въ согласіи на мѣры, принятыя ея депутатами на собраніи генеральныхъ штатовъ съ согласія депутатовъ другихъ провинцій» [121]).

Такимъ образомъ соединенныя провинціи оставались суверенными, каждая въ своихъ предѣлахъ, и ихъ штаты не признавали надъ собой никакой высшей власти, даже власти собранія, представлявшаго всѣ провинціи. Депутаты отдѣльныхъ провинцій на генеральныхъ штатахъ должны были заботиться о томъ, чтобы независимости послѣднихъ не было сдѣлано какого-либо ущерба [122]). Въ извѣстныхъ случаяхъ требовалось единогласіе депутатовъ, при чемъ каждой про-

---

120) *Ibid.*, 102.

121) Ср. польскій элекціонный сеймъ.

122) Коллекція *Dufau*, *Duvergier et Guadet*, III, 51—52.

винціи, не взирая на число ея представителей, принадлежалъ одинъ голосъ.

Вотъ аналогичныя черты Нидерландовъ и Польши: самостоятельность провинцій и воеводствъ; связь между ними, имѣющая характеръ личной уніи; сохраненіе за провинціями и воеводствами значительной части прежней самостоятельности при возникновеніи вальнаго сейма (рядомъ съ сеймиками) и генеральныхъ штатовъ (рядомъ съ провинціальными); превращеніе личной уніи съ переходомъ къ республикѣ въ федеративную связь; необходимость единогласія при общихъ рѣшеніяхъ, т. е. конгрессивность общаго сейма. И въ Нидерландахъ первоначально генеральные штаты представляли изъ себя соединеніе въ одномъ мѣстѣ мѣстныхъ штатовъ, чѣмъ по отношенію къ сеймикамъ оставался въ Польшѣ элекціонный сеймъ (не принимая въ расчетъ той разницы, что польскія провинціальныя собранія были непосредственныя, нидерландскія—представительныя), пока генеральные штаты не стали состоять изъ пословъ отъ провинціальныхъ штатовъ, которые также сравнивались, какъ и польскій сеймъ, съ конгрессомъ посланниковъ, при чемъ соглашенія пословъ должны были ратифицироваться тѣми, кто ихъ высылалъ [123]).

Но представительные генеральные штаты представляли изъ себя болѣе крѣпкую организацію, чѣмъ польскій сеймъ: 1) генеральные штаты были учрежденіемъ постояннымъ, тогда какъ вальный сеймъ собирался разъ въ два года на шесть недѣль; 2) единогласіе въ Нидерландахъ требовалось только по нѣкоторымъ вопросамъ, а по остальнымъ дѣла рѣшались большинствомъ голосовъ; 3) при этомъ *liberum veto* принадлежало не каждому депутату, а только всѣмъ депутатамъ одной провинціи [124]). Послѣдняго, какъ мы видѣли, добивались иногда и въ Польшѣ, а конституціей 1768 г. требованіе единомыслія было ограничено только нѣкоторыми дѣлами. Самое же важное—то, что въ польскомъ сеймѣ мы не замѣчаемъ непрерывности (Continuität) [125]), при которой только и могъ бы выработаться «esprit de corps»: собиравшаяся рѣдко и на короткое время, являвшаяся всегда новой делегаціей сеймиковъ безъ всякой связи съ предшествовавшей посольской избой, каждая новая изба была чѣмъ-то изолированнымъ въ системѣ польскихъ учрежденій, а потому учрежденіе это было безсильно для борьбы противъ партикуляризма самоуправлявшихся воеводствъ, изобрѣтшихъ *liberum veto* для того, чтобы превращать сеймъ въ ничто.

---

[123]) *Ibid.*, 106.

[124]) *Ibid.*, 107. Замѣчу кстати, что въ IV т. той же коллекціи есть цѣлый отдѣлъ о государственномъ устройствѣ Польши, но польская конституція была мало понятна автору.

[125]) *Hüppe*, 151.

IV.

Взаимныя отношенія трехъ чиновъ Рѣчи Посполитой.

Три чина Рѣчи Посполитой польской и three estates of the realm въ Англіи.— Ближайшее сходство польскаго сената и верхней палаты въ Англіи.—Роль королевской рады на сеймѣ въ эпоху возникновенія посольской избы.—Правленіе сената при Александрѣ.— Сенатъ и статутъ «Nihil novi». — Королевская рада и continual council.—Составъ сената.—Политика послѣднихъ двухъ Ягеллоновъ.—Права сената на сеймѣ.—Несамостоятельность обѣихъ палатъ польскаго сейма. — Сущность взаимныхъ отношеній сената и посольской избы.— Права короля польскаго относительно сейма. — Законодательная инициатива.— Отличіе польской законодательной процедуры отъ англійской.—Назначеніе королемъ сенаторовъ. — Отношеніе исполнительной власти къ законодательной.— Парламентарное министерство.

Односословность и конгрессивность, характеризующія польскій сеймъ, относятся, собственно говоря, только къ одной составной части сейма—къ посольской избѣ. Двумя другими органами этого сейма являются король и сенатъ, коимъ съ посольскою избою и принадлежала законодательная власть въ польскомъ государствѣ съ тѣхъ поръ, когда въ 1505 г. принято было, какъ основной законъ, что впредь не будетъ постановляться ничего новаго *королями* безъ соглашенія съ ихъ *совѣтниками* и *земскими послами* [1]). Если, съ одной стороны, подъ вліяніемъ нѣкотораго знакомства съ римскими учрежденіями королевскіе совѣтники стали обозначаться, какъ «ordo senatorius», а земскіе послы, какъ «ordo equestris», то, съ другой, въ первые годы избирательной монархіи и король началъ считаться за особый «ordo» Рѣчи Посполитой: въ кратковременное царствованіе Генриха Анжуйскаго знаменитый куявскій епископъ, Станиславъ Карнковскій

---

1) .... statuimus ut deinceps futuris temporibus perpetuis nihil novi constitui debeat per *nos et successores nostros* sine communi *consiliariorum* et *nuntiorum terrestrium* consensu. *Vol. leg.*, I, 299.

однажды говорилъ въ сенатѣ рѣчь, въ которой отозвался о только что прекратившемся безкоролевьѣ, какъ о времени, когда въ Рѣчи Посполитой не было третьяго ея «чина»—короля [2]), и съ тѣхъ поръ стали признавать существованіе въ польскомъ государствѣ трехъ чиновъ (tres ordines), т. е. короля, сената и посольской избы [3]). Эти tres ordines напоминаютъ намъ три государственные чина (three estates of the realm) Англіи, подъ коими нѣкоторые писатели разумѣли не три сословія, существующія въ послѣднемъ государствѣ (т. е. clergy, nobility and commonalty), а короля, палату лордовъ и палату общинъ. Въ данныхъ случаяхъ латинскія слова «ordo» и «status» (=англ. estate) совсѣмъ не приходится передавать русскимъ словомъ «сословіе», ибо странно было бы одно лицо, т. е. польскаго или англійскаго короля называть сословіемъ [4]). Притомъ въ Польшѣ сенаторы и «всадники» (ordo equestris, stan rycerski) не были въ сущности двумя разными сословіями, принадлежа къ одному и тому же сословію шляхетскому, изъ котораго брались, какъ ordo senatorius (королевская рада), такъ и ordo equestris (посольская изба), члены одного пожизненно и по королевскому назначенію, члены другаго на короткое время и вслѣдствіе сеймиковыхъ выборовъ [5]). Такимъ образомъ въ Польшѣ, какъ и въ Англіи, гдѣ ни одинъ изъ трехъ органовъ парламента, или чиновъ королевства, не можетъ издать закона безъ согласія другихъ,—законодательная власть, собственно говоря, была въ рукахъ трехъ чиновъ республики, въ число коихъ входилъ и король. Правда, знатокъ польскаго государственнаго права Ленгнихъ настаивалъ на томъ, что въ Рѣчи Посполитой польской только два чина [6]), именно исключая изъ ихъ числа короля, который стоитъ выше

[2]) Imprimis Karnkovio rationes earum inficiendarum proponente, quod *tertio ordine Rege nimirum nullo tum existente*, altero autem ecclesiastico nimirum integro contradicente.... *Heidenstein*. Rerum polonicarum ab excessu Sigismundi Augusti libri XII (стр. 53 по изд. 1671 г.). Впрочемъ, есть слѣды и болѣе ранняго примѣненія къ королевской власти того-же термина. *K. B. Hoffman*. Historya reform politycznych w Polsce. Lipsk. 1867, стр. 77.

[3]) Рѣчь Посполитая польская управляется тремя разными чинами, которые другъ отъ друга не зависятъ и всѣ имѣютъ въ государственныхъ дѣлахъ опредѣленное законами участіе. Оные чины составляютъ король, сенатъ и шляхетство. Исторія о нынѣшнемъ состояніи правительства польскаго, съ нѣм. языка переведена Васильемъ Лебедевымъ. Спб. 1766. Стр. 65.

[4]) Cf. *Hallam*. Geschichtliche Darstellung des Zustandes von Europa im Mittelalter. Lpzg. 1821. II, 386—387, nota.

[5]) *Ex.... nobilitate ordines leguntur*, aliis senatoriam dignitatem obtinentibus, aliis equestrem gradum non excedentibus. *Lengnich*. II, 36.

[6]) Ordines duo sunt, senatorius alter, alter equestris. Minus enim apposite

обоихъ ordinum [7]), но и онъ дѣлалъ уступку установившемуся обычаю [8]). Mutatis mutandis, — пріемъ, коего слѣдуетъ держаться при всѣхъ сравненіяхъ однихъ политическихъ учрежденій съ другими,— mutatis mutandis, польскіе tres ordines reipublicae и англійскіе three estates of the realm представляютъ изъ себя аналогичное соединеніе въ одномъ верховномъ государственномъ собраніи (въ польскомъ сеймѣ и въ англійскомъ парламентѣ) — короля (выборнаго или наслѣдственнаго), аристократической корпораціи, члены коей участвуютъ въ ней по личному праву (пожизненно въ польскомъ сенатѣ, наслѣдственно въ англійской верхней палатѣ), и представительной палаты (сословной въ Польшѣ и несословной въ Англіи). Аналогію можно провести и далѣе: въ обоихъ государствахъ, о коихъ идетъ рѣчь, представительная палата, начавшая принимать участіе въ политическомъ собраніи націи, является въ сравненіи съ другою, не аристократическою палатою учрежденіемъ позднѣйшимъ, а до возникновенія послѣдней аристократическій совѣтъ былъ тою формою, въ какой общественные элементы (прелаты и бароны) принимали участіе въ дѣлахъ государства. Собранія прелатовъ и бароновъ, изъ коихъ возникли, съ одной стороны, палата лордовъ, а съ другой—королевская рада, при всѣхъ своихъ отличіяхъ въ обѣихъ странахъ и при всѣхъ измѣненіяхъ, коимъ подвергались въ каждой странѣ въ отдѣльности, восходятъ къ весьма древнимъ временамъ, такъ что могутъ быть приведены въ болѣе или менѣе непосредственную связь съ общенародными вѣчами. «Въ исторіи Англіи, говоритъ Фриманъ, не было ни одной эпохи, въ которую не существовало бы въ той или другой формѣ народнаго собранія; былъ-ли то витенагемотъ, великій совѣтъ или парламентъ—всегда существовало собраніе, съ большимъ или меньшимъ основаніемъ считавшее себя въ правѣ говорить отъ имени народа» [9]). Съ такимъ-же правомъ, съ какимъ англійскій историкъ го-

---

videtur tres statuere ut sunt qui regem pro ordine habeant. *Ibid.*, I, 59. Duos enim, non tres re vera esse ordines alibi ostensum. II, 36.

7) Id (т. е. признаніе трехъ чиновъ, inter quos rex primus esset) quidem parum ex dignitate regia, quia rex ordinibus aequatur, cum tamen emineat. *Ibid.*, I, 60.

8) Sed de tribus ordinibus sententia cum usu prevalet cui refragari nobis non licet. *Ibid.*, I, 60. *Руссо* также находилъ неудачнымъ такое дѣленіе: j'aimerois mieux dire que la nation polonoise est composée de trois ordres: les nobles qui sont tous, les bourgeois qui ne sont rien et les paysans qui sont moins que rien. Gouvernement de Pologne, chap. VI (по вышеук. изд., стр. 429).

9) *Э. Фриманъ.* Очеркъ развитія англійской конституціи съ древнѣйшихъ

ворить это о своей родинѣ, можно утверждать то же самое и о Польшѣ: въ двухъ предыдущихъ главахъ нашего очерка были сообщены факты, свидѣтельствующіе, что въ польскомъ государствѣ никогда не прекращалось общенародное вѣче, хотя постепенно и превратившееся въ можновладческіе съѣзды «прелатовъ и бароновъ». Если въ «рѣшительномъ утвержденіи» Фримана, что «палата лордовъ представляетъ или точнѣе есть не что иное, какъ древній витенагемотъ» [10]), и заключается нѣкоторое преувеличеніе мысли, въ основѣ своей вѣрной, о непрерывности англійскихъ политическихъ учрежденій, то, лишь подвергаясь риску навлечь на себя упрекъ именно въ подобномъ-же преувеличеніи, а не въ совершенной натяжкѣ, и мы могли-бы сказать, что королевская рада въ Польшѣ есть въ сущности старое вѣче. «Собраніе, поясняетъ Фриманъ свою мысль, — собраніе, въ которомъ имѣлъ право участія каждый свободный человѣкъ [11]), постепенно, безъ всякаго внезапнаго переворота, въ силу обстоятельствъ, превратилось въ наслѣдственное и служилое.... Особое значеніе палаты, образовавшейся изъ древняго національнаго собранія, значеніе верхней палаты лордовъ въ противоположность палатѣ общинъ могло появиться только послѣ того, какъ рядомъ съ палатою лордовъ образовалась вторая палата, болѣе народная по своему составу» [12]). Измѣнивъ въ этихъ словахъ Фримана только названіе аристократической палаты и пропустивъ слово—«наслѣдственное», можно въ тѣхъ-же самыхъ выраженіяхъ представить какъ происхожденіе самого польскаго сената, такъ и возникновеніе особаго его значенія послѣ образованія сравнительно болѣе народной по своему составу посольской избы. Было-бы, конечно, излишнимъ пускаться при этомъ въ сравненіе польскихъ можновладческихъ съѣздовъ, замѣнившихъ собою прежнія вѣча, съ англійскимъ magnum consilium норманскаго періода, этимъ преемникомъ англо-саксонскаго витенагемота, но, говоря о польскомъ сенатѣ изъ эпохи представительныхъ сеймовъ, нельзя по временамъ не вспоминать о палатѣ лордовъ, хотя-бы потому, что и въ прошломъ вѣкѣ указывали на «немалое сходство» обоихъ учреж-

---

временъ (въ изд.: *Э. Фриманъ* и *В. Стеббсъ*. Опыты по исторіи англійской конституціи. Пер. подъ ред. *М. Ковалевскаго*. М. 1880), стр. 47.

[10]) *Ibid.*, 57.

[11]) Теорія о демократичности витенагемота, по крайней мѣрѣ, de jure, — составляетъ особенность историческаго воззрѣнія Фримана, но въ данномъ случаѣ для насъ не важно, какой характеръ имѣло это учрежденіе: для насъ важна только его древность.

[12]) *Э. Фриманъ*, 57.

деній [13]), да и теперь ихъ сопоставляютъ, какъ имѣющія нѣчто общее [14]). Здѣсь пока достаточно ограничиться указаніемъ на аналогичное происхожденій тѣхъ аристократическихъ корпораций, къ которымъ позднѣе присоединились представительныя палаты, чтобы вмѣстѣ съ королемъ и этими корпораціями составить въ каждой странѣ «три чина государства».

Мы уже видѣли, что возникновеніе посольской избы относится къ концу XV и началу XVI столѣтія: къ этому-же времени относится и превращеніе дигнитарскихъ съѣздовъ въ королевскую «раду», члены которой называются совѣтниками (consiliarii), — напр., въ постановленіи «nihil novi»,—и которая начинаетъ, кромѣ того, обозначаться, какъ «сенатъ». Съ именемъ измѣнился и характеръ королевскаго совѣта: паны, дѣлившіеся въ прежнія царствованія на партіи, которыя враждовали между собою, и приходившіе даже въ столкновеніе съ королевскою властью (при Казимірѣ Ягеллончикѣ), являются при Янѣ Альбрехтѣ, т. е. въ самомъ концѣ XV вѣка, на съѣзды и дѣйствуютъ на нихъ безъ всякаго признака былой самостоятельности, отличавшей ихъ поведеніе раньше, когда ими одними ограничивалось участіе общества въ дѣлахъ государства. Эту перемѣну проф. Бобржинскій въ своей работѣ о сеймахъ при Янѣ Альбрехтѣ и Александрѣ объясняетъ, кромѣ ссылки на личныя свойства перваго изъ этихъ королей, измѣненіемъ въ самомъ положеніи рады со времени возникновенія вальнаго сейма. Дѣло онъ представляетъ такимъ образомъ: король обращался за мнѣніемъ къ своей радѣ каждый разъ, когда намѣревался созвать сеймъ, а также нуждался въ совѣтахъ дигнитаріевъ и во время самаго сейма; притомъ въ сенатѣ разбиралось много дѣлъ, не подлежавщихъ сеймовому разсмотрѣнію. Такимъ образомъ, говоритъ Бобржинскій, королевская рада принимала участіе въ сеймѣ только ради короля и чрезъ короля, но не могла имѣть самостоятельнаго значенія въ учрежденіи, образовавшемся на совершенно особыхъ началахъ. Собственно говоря, вальный коронный сеймъ состоялъ только изъ двухъ факторовъ—изъ короля, окруженнаго своей радой и

---

[13]) Сенатъ Польской имѣетъ немалое сходство съ верьхнимъ парламентомъ Аглинскимъ. Оный также, какъ и парламентъ есть средней чинъ между королемъ и шляхетствомъ и имѣетъ со онымъ почти равныя права. Исторія о нынѣшнемъ состояніи правительства польскаго, стр. 75.

[14]) Er (der Senat) ist nicht der Natur des englischen Oberhauses, mit dem er vielleicht verglichen werden mag und mit dem er einige Befugnisse, wie namentlich die Gerichtsbarkeit gemeinsam hat. *Hüppe*, 126. Гюппе сравниваетъ сенатъ съ англійскимъ privy council.

изъ посольской избы» [15]). По мнѣнію историка, если въ сеймовыхъ законахъ временъ Яна Альбрехта обыкновенно говорится о «совѣтѣ и согласіи» (de consilio et consensu) или о «совѣтѣ и волѣ» (de consilio et voluntate) совѣтниковъ (consiliariorum, praelatorum et baronum) и земскихъ пословъ (nuntiorum terrestrium), то это нужно понимать въ смыслѣ нѣсколько иной стилизаціи, а именно такъ: «по совѣту совѣтниковъ и съ согласія (или по волѣ) земскихъ пословъ», тѣмъ болѣе, что въ актахъ, изданныхъ въ королевскомъ совѣтѣ безъ участія посольской избы, упоминается только о совѣтѣ пановъ рады, безъ ссылки на какое-бы то ни было ихъ согласіе [16]). Въ подтвержденіе основной мысли Бобржинскаго можно привести слѣдующее соображеніе: по нешавскому законодательству король не могъ издавать новыхъ законовъ безъ согласія сеймиковъ, и то же самое было подтверждено въ 1496 г. въ статьѣ «de bello et constitutionibus decernendis» уже упоминавшейся прежде привилегіи [17]), но ни въ томъ, ни въ другомъ памятникѣ нѣтъ и рѣчи о необходимости согласія совѣтниковъ, такъ что законодательная власть въ силу этого раздѣлялась между королемъ и шляхтою, при чемъ король по старому продолжалъ совѣтоваться и съ дигнитарскимъ съѣздомъ. Наконецъ, не безъ основанія Бобржинскій дѣлаетъ замѣчаніе, что постановленіе, по которому король долженъ былъ испрашивать согласія сеймиковъ (или ихъ пословъ) только для установленія новыхъ законовъ и податей, заключало въ себѣ признаніе за королемъ неограниченной власти во всѣхъ другихъ дѣлахъ и тѣмъ освобождало его отъ панской опеки [18]).

Сенатъ не могъ быть доволенъ положеніемъ, которое ему готовилось и на будущее время. Онъ воспользовался смертью Яна Альбрехта (въ 1501 г.) и тѣмъ, что избраніе ему преемника могло произойти только на можновладческомъ вѣчѣ, какъ это было прежде, ибо только въ 1530 г. было признано, что и шляхта будетъ впредь принимать участіе въ элекціяхъ. Въ силу политической необходимости, выборъ палъ на Альбрехтова брата Александра, великаго князя

---

15) *Bobrzyński.* Sejmy polskie za Olbrachta i Aleksandra. Ateneum. 1876. Kwiecień, 11.

16) *Ibid.*, 11, nota. Бобржинскій приводитъ (по рукописи) изъ привилегіи г. Кракова, данной на пётрковскомъ сеймѣ 1493 г. безъ участія посольской избы, начало: Ioannes Albertus.... de consilio itaque consiliariorum nostrorum tam spiritualium quam secularium concedimus....

17) Item pollicemur quod nullas novas constitutiones faciemus.... absque conventione communi in singulis terris instituenda. *Vol. leg.* I, 254.

18) *Bobrzyński*, l. c., 13.

литовскаго: паны собрали шляхту и даже мѣщанъ въ Петрковъ, выбрали новаго короля, маршалъ вышелъ изъ сенаторской залы къ толпѣ, въ молчаніи ожидавшей на дворѣ, объявилъ ей результатъ голосованія, народъ выразилъ свое одобреніе крикомъ, и тѣмъ дѣло кончилось [19]). Новый король былъ непопуляренъ по случаю своего рода руссофильства (его бракъ съ московскою княжною Еленою, вліяніе на него Глинскаго, стоявшаго во главѣ русскаго элемента на Литвѣ), и этимъ весьма искусно воспользовались паны, чтобы разыграть роль стражей національныхъ интересовъ. Имъ поэтому легко было продиктовать Александру условія, увеличивавшія ихъ привилегіи, а новому королю оставалось только утвердить (въ Мельникѣ 25 ноября 1501 г.) актъ, поданный ему сенаторами [20]). Отдавъ во вступленіи къ этому любопытному документу предпочтеніе аристократіи передъ монархіей, авторы мельницкой привилегіи въ рядѣ статей установляютъ въ Польшѣ аристократическое правленіе: сенатъ возводится на степень какъ бы особаго сословія среди шляхты, члены котораго отвѣтственны только передъ нимъ самимъ и которому долженъ повиноваться princeps, какъ въ документѣ называется король, подъ страхомъ уничтоженія присяги на вѣрность; сенату отдается высшая власть въ государствѣ, а princeps только предсѣдательствуетъ на его собраніяхъ, обнародываетъ его рѣшенія, приводитъ въ исполненіе его постановленія, но органы исполнительной власти въ каждой землѣ подчиняются особымъ сенатскимъ коммиссіямъ, въ составъ коихъ входятъ мѣстные епископъ, воевода и каштелянъ. Литовскія дѣла заставили Александра весьма скоро послѣ коронаціи покинуть Польшу, оставивши правленіе сенату [21]), который и выдвинулся теперь на первый планъ, тѣмъ болѣе, что земскіе послы сами по себѣ еще не играли особенной роли, а король изъ Литвы сносился съ сенатомъ черезъ посольства, какъ будто иностранный союзникъ, обращаясь къ нему съ просьбами, предоставляя ему рѣшеніе дѣлъ и ссылаясь при этомъ на свое незнаніе польскихъ отношеній или на свое обѣщаніе руководствоваться волею сената. «Къ несчастью, говоритъ проф. Бобржинскій, изъ этого полномочія сенатъ не съумѣлъ сдѣлать никакого употребленія. Королевскій *совѣтъ (rada)* не съумѣлъ превратиться въ *правительство* (rząd), въ исполнительную власть» [22]).

---

19) *Ibid.*, 25.

20) Мельницкая привилегія помѣщена у *Бандтке*. Jus polonicum.

21) О дальнѣйшемъ подробно въ статьѣ проф. *Бобржинскаго* (стр. 31 sq.), который пользовался для исторіи этихъ лѣтъ собраніемъ рукописей Шуйскаго.

22) *Ibid.*, 33.

Дѣла именно пошли плохо, и здѣсь, конечно, не мѣсто разбирать почему паны не съумѣли организовать правительственную власть на началахъ мельницкой привилегіи, но нельзя не указать на то, что одною изъ причинъ этого было отношеніе сената къ порученной ему власти, какъ къ средству возвышенія нѣсколькихъ семействъ на счетъ общественнаго достоянія, причемъ сенатъ всячески себя освобождалъ отъ несенія правительственныхъ обязанностей [23]). Къ внутреннимъ непорядкамъ присоединились внѣшнія бѣдствія (татарское нападеніе), и дѣло кончилось тѣмъ, что сенатъ пригласилъ короля какъ можно скорѣе пріѣхать въ Польшу. Хотя Александръ еще цѣлый годъ отсутствовалъ, тѣмъ не менѣе отношенія измѣнились, и теперь король самъ—по крайней мѣрѣ, въ важнѣйшихъ дѣлахъ—заправлялъ польскимъ правительствомъ, а также входилъ въ сношенія съ шляхтою, среди которой правленіе сената было весьма непопулярно.

Приглашеніе поскорѣе пріѣхать, посланное сенатомъ Александру въ Литву, было признаніемъ правительственной аристократіи въ своей неспособности осуществить притязанія, нашедшія выраженіе въ мельницкой привилегіи: бремя правленія оказалось не по силамъ королевскому совѣту. Желая однако быть чѣмъ-нибудь побольше, чѣмъ простымъ совѣтомъ безъ всякой самостоятельности, сенатъ сталъ стремиться по возвращеніи Александра (въ 1503 г.) къ тому, чтобы, по крайней мѣрѣ, сохранить за собою право постояннаго контроля надъ всѣми дѣйствіями короля. Извѣстно, что пётрковскій сеймъ 1504 г. произвелъ важныя реформы въ организаціи правительственныхъ властей [24]), но одно было оставлено неприкосновеннымъ изъ старыхъ порядковъ: министры оставались смѣняемыми только по суду. Затѣмъ предстояло реформировать сенатъ, ибо въ немъ имѣли поддержку входившіе въ его составъ воеводы и каштелянны, стремившіеся къ независимости отъ центральнаго правительства, а сенатъ теперь, не смотря на свою неудачу въ попыткѣ устроить аристократическое правленіе, имѣлъ болѣе важное значеніе, чѣмъ до мельницкой привилегіи: въ силу послѣдней, на сеймѣ 1504 г. онъ являлся не въ качествѣ королевской рады, а въ качествѣ самостоятельнаго фактора [25]), хотя въ статутѣ этого года формула «совѣта и согласія» остается старая [26]). Это новое положеніе сената,—новое сравнительно съ време-

23) *Ibid.*, 37.

24) *Vol. leg.* I, 294—299.

25) *Bobrzyński.* Sejmy polskie etc. Ateneum. 1876, maj, 334.

26) Constitutiones certas decrevimus cum consilio ex assensu communium praelatorum et consiliariorum infra scriptorum ac nuntiorum terrestrium *Vol. leg.* I, 291.

немъ Яна Альбрехта,—было подтверждено уставомъ «nihil novi», по которому и сенату дано было самостоятельное значеніе въ законодательствѣ. Онъ утратилъ, правда, прерогативу, которую себѣ выхлопоталъ мельницкой привилегіей, но пріобрѣлъ нѣчто такое, чего передъ этой привилегіей не имѣлъ: сенату принадлежало и de jure съ этой поры такое же участіе въ законодательствѣ, какимъ пользовалась съ 1454 г. шляхта на своихъ сеймикахъ или при посредствѣ своихъ пословъ на вальныхъ сеймахъ. Вопросъ рѣшился, такъ сказать, компромиссомъ: королевская власть должна была отказаться отъ намѣренія Яна Альбрехта превратить сенатъ въ совершенно отъ нея зависимый совѣтъ, а сенату пришлось удовольствоваться болѣе скромнымъ положеніемъ, нежели то, какое онъ хотѣлъ занять въ началѣ царствованія Александра.

Такимъ образомъ въ эпоху образованія посольской избы рѣшился вопросъ, чѣмъ долженъ былъ сдѣлаться королевскій совѣтъ, этотъ до нѣкоторой степени прямой наслѣдникъ вѣча, т. е. какое долженъ былъ онъ занять положеніе и по отношенію къ королю, и по отношенію къ земскимъ посламъ. Если не принимать въ расчетъ мельницкой привилегіи, имѣвшей чисто эпизодическое значеніе, королевская рада, роль которой должна была такъ или иначе опредѣлиться по новому съ распространеніемъ законодательнаго права на шляхту, могла превратиться либо въ зависимый отъ короля совѣтъ въ родѣ англійскаго «continual» или «permanent» (позднѣе «privy) council», либо въ своего рода верхнюю палату парламента. Мы сейчасъ только видѣли, что статутъ «nihil novi» разрѣшилъ вопросъ во второмъ смыслѣ, но по своему составу польскій сенатъ является учрежденіемъ, которому гораздо болѣе соотвѣтствуетъ англійскій «continual council», хотя оба учрежденія имѣютъ различное происхожденіе [27]): и королевская рада въ Польшѣ, и постоянный совѣтъ въ Англіи состояли изъ должностныхъ лицъ, тогда какъ «magnum consilium», обособляющійся впослѣдствіи въ верхнюю палату, кромѣ членовъ «постояннаго совѣта», заключалъ въ себѣ епископовъ (какъ и польскій сенатъ, впрочемъ) и крупныхъ королевскихъ вассаловъ [28]), причемъ въ «великомъ совѣтѣ» мало по малу «постоянный совѣтъ» сталъ играть второстепенную роль [29]), т. е. возобладалъ элементъ, котораго именно въ Польшѣ-то и недоставало. Съ «privy council» сравниваетъ польскій

[27]) *Р. Гнейстъ.* Исторія государственныхъ учрежденій Англіи. М. 1885. Стр. 356.

[28]) *Ibid.*, 372—373, 383 sq.

[29]) *Ibid.*, 382—383.

сенатъ и Гюппе, указывая на то, что въ немъ не выработалось сословной наслѣдственности и что онъ всегда оставался собраніемъ должностныхъ лицъ [30]), но на нашъ взглядъ ошибаясь относительно яко-бы совершеннаго отсутствія независимости сенаторовъ отъ короля и шляхты [31]). Конечно, сопоставляя два учрежденія, мы имѣемъ въ виду *только* должностной характеръ членовъ обоихъ, не касаясь ни ихъ числа, ни должностей, имъ принадлежавшихъ, ни другихъ сторонъ предмета. Польскій сенатъ стремился играть такую же роль, какая вполнѣ приличествовала лордамъ, являвшимся въ парламентъ *лично* съ такими же цѣлями, съ какими являлись въ него представители другихъ элементовъ общества: польскіе сенаторы были должностныя лица, собиравшіяся въ качествѣ королевскихъ совѣтниковъ, но, вмѣсто того, чтобы, въ качествѣ представителей правительственной власти, оказывать поддержку королю,—подобно англійскому «тайному совѣту» (privy council), на который опирались Тюдоры [32]),—они хлопотали только о томъ, чтобы сдѣлать безплодными всѣ мѣропріятія правительства, и оказывали ему сопротивленіе, пользуясь своимъ правомъ не соглашаться на новые законы. Въ послѣднемъ отношеніи, mutatis mutandis, польскій сенатъ напоминаетъ французскіе парламенты, чиновничье сословіе, которое въ своемъ droit d'enregistrement видѣло средство тормозить законодательную дѣятельность правительства.

Въ составъ польскаго сената входили архіепископы, епископы, воеводы, каштеляны и министры, такъ что съ назначеніемъ въ одну изъ названныхъ должностей тѣмъ самымъ сообщалось и званіе сенатора [33]). Оставляя въ сторонѣ духовныхъ сенаторовъ, разсмотримъ, какимъ свѣтскимъ лицамъ принадлежало это званіе. Первую ихъ категорію составляютъ воеводы (хотя первое мѣсто въ «свѣтскомъ сенатѣ» принадлежало краковскому каштеляну). Въ первоначальной Польшѣ былъ одинъ воевода (wojewoda, palatinus), но съ раздробленіемъ государства на удѣлы каждый князь имѣлъ своего особаго во-

---

30) Er (der Senat) hat die Zusammensetzung eines Staatsraths (des englischen jetzt allerdings ganz verfallenen privy council), da Erblichkeit seiner Mitglieder niemals Bestand gewann.... Mit Bewusstsein hielt der Senat jede ständische Beimischung von sich zurück. Der Senat blieb eine Versammlung der Beamten. *Hüppe*, 126, 127.

31) *Ibid.*, 126.

32) *Гнейстъ*, 574 sq.

33) In horum numero sunt archiepiscopi, episcopi, palatini, castellani, et praecipui ministri qui ideo senatorii ordinis vocantur: estque his dignitatibus munus senatorium ita connexum ut simul cum illis conferatur. *Lengnich*, II, 42.

еводу, и всѣ они остались на мѣстахъ въ эпоху объединенія Польши послѣ удѣльнаго періода, причемъ, какъ мы видѣли, на эту должность могли назначаться только уроженцы той земли, гдѣ открывалась ваканція [34]). Стоя во главѣ отдѣльныхъ земель, которыя и стали называться воеводствами, и принадлежа къ числу «можныхъ пановъ», они поддерживали областной сепаратизмъ, но съ развитіемъ сеймиковаго самоуправленія они стали терять свое значеніе, какъ областныхъ правителей, стремясь замѣнить его вліяніемъ на сеймикахъ и ролью въ сенатѣ. Въ воеводствахъ, гдѣ за ними оставалось предводительство посполитымъ рушеніемъ, участіе въ сеймикахъ, судъ надъ евреями, торговая полиція, они охотно замѣняли себя подвоеводами (podwojewodzi, vicepalatinus) изъ мѣстной шляхты [35]). Второй разрядъ свѣтскихъ сенаторовъ составляли каштеляны (castellani). «Каштеланы, читаемъ мы въ одной книгѣ середины прошлаго вѣка,—въ старинныя времена были начальниками въ построенныхъ по разнымъ провинціямъ крѣпостяхъ, и правили приписными къ онымъ мѣстностями: чинъ ихъ согласовалъ съ чиномъ бургграфовъ нѣмецкихъ; но должностей своихъ они давно уже не отправляютъ, и тѣмъ, которые нынѣ носятъ сей титулъ, ничего не осталось, кромѣ прежняго ихъ ранга, а особливо то преимущество, что засѣданіе, мѣсто и голосъ имѣютъ въ сенатѣ... Въ военныя времена, сказано нѣсколько далѣе, каштеланы служатъ при воеводахъ за генераловъ лейтенантовъ (замѣстителей) и въ отлучку ихъ предводительствуютъ выступившимъ въ поле шляхетствомъ, а кромѣ того они въ Рѣчи Посполитой никакого дѣла не имѣютъ» [36]). Въ сущности каштеляны имѣли раньше и судебную власть (до Казиміра Ягеллончика безапелляціонную уголовную юрисдикцію), но она перешла къ старостамъ. Третью категорію (но не послѣднюю по значенію) въ свѣтскомъ сенатѣ составляли десять министровъ (по пяти для Польши и Литвы): 2 великихъ маршалка, 2 великихъ канцлера, 2 подканцлера, 2 великихъ подскарбія и 2 надворныхъ маршалка, а въ 1768 г. къ нимъ присоединились два великихъ гетмана. Это были общегосударственныя должности, пожизненные обладатели коихъ должны были постоянно находиться при особѣ короля [37]). Въ такомъ составѣ существовалъ сенатъ съ самаго начала вальныхъ сеймовъ [38]) до послѣднихъ временъ Рѣчи Посполитой. «Это была, говоритъ польскій историкъ, несчастная мысль—создать сенатъ изъ должност-

---

34) См. выше, гл. III, стр. 54.

35) *Lengnich*. II, 134.

36) Исторія о нынѣшнемъ состояніи правительства польскаго, 88—90.

37) *Hüppe*, 257 sq.

ныхъ лицъ, которые должны слушаться приказаній короля и ихъ приводить въ исполненіе, создать корпорацію, которая должна была ему давать совѣты, а въ сущности хотѣла всегда его ограничивать и контролировать. Чиновникъ, становясь сенаторомъ, переставалъ быть чиновникомъ и для поддержки сопротивленія въ сенатѣ злоупотреблялъ своею должностью. Должностныя лица-сенаторы, т. е воеводы, каштеляны и министры были притомъ пожизненными, и хотя-бы кто изъ нихъ оказывалъ сильнѣйшее сопротивленіе политикѣ короля, король не могъ лишить его должности, если только не было при этомъ совершено явнаго преступленія» [39]).—Янъ Альбрехтъ и Александръ опирались на шляхту противъ можновладческаго сената, но ихъ ближайшій преемникъ пошелъ другимъ путемъ и отказался въ пользу сената отъ исключительнаго вліянія на единственную должность, которая имѣла важное значеніе въ тогдашней польской администраціи. Въ Польшѣ XIV и XV вв., чиновникомъ par excellence, по выраженію Гюппе [40]), былъ старо́ста (starosta grodowy, capitaneus), наиболѣе занятое лицо изъ всѣхъ должностныхъ лицъ въ Польшѣ [41]); на старостъ именно опирались короли XIV и XV вв., расширяя сферу ихъ дѣятельности и выдвигая ихъ впередъ противъ можновладческой іерархіи [42]): воеводы и каштеляны были представители аристократіи и партикуляризма, старо́сты — представители монархизма и объединенія. Притомъ должность старо́сты была единственная, которая была соединена съ пользованіемъ многочисленными королевскими имѣніями, такъ что понятія — старо́ста и пожизненный пользователь королевскимъ имѣніемъ отождествились, и именемъ старо́сты стали звать лицъ, пользовавшихся такими имѣніями безъ административныхъ и судебныхъ обязанностей (starosta niegrodowy, capitaneus sine jurisdictione), а это надѣленіе старосты доходнымъ имѣніемъ дозволяло королю держать и самую должность въ зависимости отъ себя. По нешавскому законодательству 1454 г., должность старосты не могла отдаваться воеводамъ и каштелянамъ [43]), и это охраняло самую должность отъ можновладческихъ вліяній, но Сигизмундъ I (1506—1548),

---

38) *Bobrzyński*. Dzieje Polski, II, 20.

39) *Ibid*., II, 32.

40) *Hüppe*, 270.

41) *Ibid*., 271.

42) *Bobrzyński*. II, 32.

43) См. § 3 нѣшавской привилегіи, въ коемъ читаемъ: pollicemur, quod.... nullum palatinum aut castellanum capitaneum praeficiemus. *Bobrzyński*. O ustuwodawstwie nieszawskiem, 40—41.

дружившій съ сенатомъ противъ шляхты, раздавалъ староства сенаторамъ пожизненно и тѣмъ наносилъ ударъ всей системѣ, которую должны были поддерживать старосты. И Сигизмундъ II Августъ (1548—1572) своимъ нерасположеніемъ къ шляхтѣ, исканіемъ союза съ можновладствомъ содѣйствовалъ тому, что сенатъ все болѣе и болѣе начиналъ играть самостоятельную роль и по отношенію къ королевской власти, и по отношенію къ посольской избѣ [44]). Въ это царствованіе сенатъ только и дѣлалъ, что оказывалъ сопротивленіе такъ называемой «направѣ Рѣчи Посполитой», отъ которой прежде всего должны были пострадать панскіе интересы [45]). По этому поводу и должна была вспыхнуть борьба шляхты съ можновладствомъ.

Мы уже упоминали, что при Сигизмундѣ Августѣ шляхта на сеймахъ начинаетъ играть важную роль въ лицѣ большею частью протестантскихъ пословъ, выставившихъ цѣлую политическую программу, которая касалась и реформы самого сейма [46]). Здѣсь мы отмѣтимъ только, что, между прочимъ, земскіе послы пятидесятыхъ и шестидесятыхъ годовъ XVI вѣка старались провести въ политическую жизнь Польши принципъ, по которому сенатъ долженъ былъ быть только королевскимъ совѣтомъ безъ самостоятельнаго значенія, и король могъ слѣдовать мнѣнію даже меньшинства сената [47]). Посольская изба стремилась отдѣлаться отъ соперничества сеймиковъ, надъ коими не пріобрѣла еще окончательнаго преобладанія, и отъ вмѣшательства сената въ законодательную дѣятельность, но король, откладывавшій все «до завтра», ссылался иногда на несогласіе даже незначительнаго меньшинства сената, чтобы только какъ-нибудь отказаться отъ санкціонированія желаній шляхты [48]). Такимъ образомъ сенатъ дошелъ до эпохи вольной элекціи королей съ тѣмъ значеніемъ, какое получилъ въ силу устава 1505 года: попытки земской избы низвести его къ тому положенію, какое онъ начиналъ занимать при Янѣ Альбрехтѣ, не удались [49]). Борьба эта усложнялась тѣмъ, что земскіе послы, большею частью протестанты, отстаивали интересы шляхты противъ ду-

---

44) *Bobrzyński*. Dzieje Polski. II, 30—32, 52 sq., 74, 76 sq., 94 sq. Староства sine jurisdictione появляются главнымъ образомъ во второй половинѣ XVI в. *Ibid.*, II, 86 sq.

45) См. Очеркъ реформаціоннаго движенія въ Польшѣ.

46) См. выше, гл. III, стр. 64—65.

47) *Bobrzyński*. II, 94.

48) *Ibid.*, II, 95, 96.

49) Сеймы этой эпохи были часто безплодны. См. мою статью: Борьба шляхты съ духовенствомъ на сеймахъ (Юрид. Вѣстн. 1881, сент., 45, 47, 58, 60; окт., 184, 186, 208).

ховенства, высшіе члены котораго были въ то же время и сенаторами: епископамъ грозило исключеніе изъ сената.

Совѣщанія сената могли происходить на сеймѣ или внѣ сейма, причемъ внѣ сейма король могъ совѣщаться либо со всѣми сенаторами, какъ это бывало тотчасъ послѣ сеймовъ и въ нѣкоторыхъ другихъ случаяхъ, либо съ немногими сенаторами, постоянно находившимися при его особѣ [50]). Во время сеймовъ согласіе сената было столь-же обязательно, какъ и согласіе посольской избы [51]), и притомъ во время сеймовъ—непремѣнно согласіе всѣхъ сенаторовъ, какъ это окончательно было признано въ XVII и XVIII вв. [52]). Теоретически въ XVIII вѣкѣ за сенаторами не отрицалось и право *liberum veto*, конечно, перенесенное на это учрежденіе съ посольской избы, гдѣ оно первоначально развилось [53]): казалось умаленіемъ правъ сената—не признавать за его членами jus intercedendi. На практикѣ, однако, это право не получало примѣненія, но отсюда далеко до утвержденія Гюппе, полагающаго, что это вытекало изъ самой роли сената, которая будто-бы состояла исключительно въ подаваніи совѣтовъ королю, ибо, по представленію этого историка, сенатъ былъ именно тѣмъ, что хотѣлъ изъ него сдѣлать Янъ Альбрехтъ или сеймовые послы при Сигизмундѣ Августѣ [54]). Если сенаторы не слѣдовали примѣру познанскаго воеводы Брезы, воспользовавшагося этимъ правомъ при Янѣ Собѣскомъ [55]), то не по той причинѣ, на которую указыва-

---

[50]) Consuluntur autem senatores vel in comitiis, vel extra comitia. Posterius fit vel cum paucis, vel cum omnibus, et illud quidem, quod rex cum senatoribus in aula residentibus deliberat, hoc cum statim post comitia cum omnibus qui adsunt consilia habentur, aut alio tempore ad regem arcessuntur. *Lengnich*. II, 47. Объ этомъ постоянномъ совѣтѣ см. I, 386 sq.

[51]) *Ibid.*, II, 40.

[52]) Et qnidem omnium consensus exigitur, si in comitiis consuluntur. *Ibid.*, II, 49.

[53]) Ut enim singuli nuntii terrestres jus habent intercedendi, ita idem de senatoribus affirmandum, nisi auctoritatem illorum minorem nuntiorum potestate statuere velimus. *Ibid.*, II, 49.

[54]) Auch die Thätigkeit der polnischen Senatoren ist die eines Staatsraths, говоритъ Гюппе, продолжая сравненіе польскаго сената съ privy council:—Unterstützung und Berathung der ausübenden Gewalt ohne die Befugniss zu Beschliessungen. Derart sind die Rechte des Senats auf dem Reichstage. Man halte fest: weder der Senat als Gesammtheit vermag irgend einen Beschluss der Landbotenkammer umstoszen, noch hat der einzelne Senator das liberum veto. Die Meinung der Senatoren gilt nicht als die des Landes, sondern als die von Räthen des Königs, wie sie auch officiell in Polen heissen. *Hüppe*, 126.

[55]) *Lengnich*. II, 49.

етъ Гюппе, а по совершенно другой. Извѣстно, что не смотря на все уваженіе къ *liberum veto*, какъ къ зѣницѣ вольности, лицо, срывавшее сеймъ, вовсе не пользовалось почетомъ. «Нельзя, говоритъ Бобржинскій, принимать *liberum veto* въ буквальномъ смыслѣ. Одинъ посолъ не могъ сорвать сейма, ибо если въ сеймѣ существовало согласіе, то на протестъ одного члена не обращалось вниманія и совѣщанія шли своимъ чередомъ, какъ этому часто бывали примѣры. Если, однако, внутри сейма возникали сильныя распри, если значительное меньшинство по политическимъ соображеніямъ или по наущенію нѣсколькихъ олигарховъ желало поставить на своемъ и не допустить большинство до рѣшенія, то хваталось за *liberum veto*, какъ за удобное средство. Всегда находился ослѣпленный или нечестный человѣкъ, который во имя призрака золотой вольности или просто за деньги срывалъ сеймъ и бралъ на себя всю мерзость (ohydę) такого поступка, ибо, обоготворяя *liberum veto*, какъ логическое слѣдствіе единомыслія, какъ охрану свободы въ самомъ принципѣ, общественное мнѣніе всегда пятнало срывающаго сеймъ. Цѣлая партія не разъ задумалась-бы передъ принятіемъ на себя подобнаго пятна вслѣдствіе срыванія сейма, но если находила кого-либо, кто бралъ весь позоръ на себя, то принуждала сеймъ—признать его протестъ и закрыть совѣщанія ради охраны свободы» [56]). Понятно, что сенаторы не прибѣгали къ liberum veto потому именно, что это было неприлично, и какъ-разъ этимъ обстоятельствомъ объясняетъ Ленгнихъ самый фактъ непользованія сенаторами присвоеннымъ ими себѣ правомъ, прибавляя, что можно было имъ черезъ своихъ пріятелей въ посольской избѣ дѣлать то, что сами не хотѣли дѣлать по указанной причинѣ [57]). Вотъ причина того, что de facto сенаторы не пользовались jure intercedendi, и если сенатъ во всемъ своемъ составѣ не налагалъ veto на рѣшенія посольской избы, то только потому, что это было излишне при легкости, съ какою можно было сорвать сеймъ голосомъ одного посла. Поэтому взглядъ Гюппе, о которомъ мы упомянули, не выдерживаетъ строгой критики: и по за-

---

56) *Bobrzyński.* Dzieje Polski, II, 218. Cf. *Waliszewski* Potoccy i Czartoryscy. Kraków. 1887. I, 29.

57) Quod autem nunquam a senatore rupta comitia, ideo factum, ut evitaretur odium, cui id obnoxium esse solet. Cum vero senatorum vix ullus, cui non sui in nuntiorum conclavi sint amici, facile per hos potest effici quod ipsi ob invidiam nolunt. *Lengnich*, II, 49. Самъ Гюппе говоритъ: durch den Mund eines Landboten zu sprechen schien dem polnischen Magnaten ungefährlicher, vornehmer und staatsmännischer als persönlich für seine Bestrebungen einzustehen. *Hüppe*, 144.

кону 1505 г., и по установившейся практикѣ [58]), и по теоріи польскаго государственнаго права, признававшей въ сенатѣ одинъ изъ трехъ чиновъ Рѣчи Посполитой и надѣлявшей его членовъ правомъ *liberum veto* наравнѣ съ земскими послами [59]), сенатъ не былъ тѣмъ, чѣмъ изображаетъ его Гюппе, хотя авторъ этотъ и не безусловно неправъ, какъ мы это сейчасъ увидимъ. Замѣтимъ здѣсь еще, что на внѣсеймовыхъ засѣданіяхъ сената возобладало рѣшеніе дѣлъ большинствомъ голосовъ [60]).

Изъ всего изложеннаго видно ясно, что польскій сенатъ, происходя изъ королевскаго совѣта, которому подобало быть учрежденіемъ совѣщательнымъ только и зависимымъ, занялъ на сеймахъ положеніе самостоятельнаго законодательнаго фактора, такъ что существовали въ Польшѣ двѣ палаты, составлявшія вмѣстѣ съ королемъ три чина Рѣчи Посполитой. Значеніе обѣихъ палатъ, согласіе коихъ одинаково требовалось статутомъ 1505 года для изданія новыхъ законовъ, въ силу этого послѣдняго обстоятельства было равносильное, такъ что теоретически и сенаторамъ приписывалось jus intercedendi, развившееся въ посольской избѣ. Сходство между сенатомъ и посольской избой идетъ и далѣе въ томъ отношеніи, что оба эти учрежденія были лишены той полной самостоятельности, какою пользуются обѣ палаты англійскаго парламента. Приписывая одинаковое значеніе обѣимъ палатамъ польскаго сейма внѣ ихъ отношенія къ королевской власти и къ сеймикамъ, мы имѣли въ виду мнѣніе Гюппе, по которому выходитъ такъ, будто сенатъ былъ только зависимымъ королевскимъ совѣтомъ при самостоятельной посольской избѣ: мы видѣли неосновательность такого взгляда, ибо въ законодательной дѣятельности согласіе сената ставилось наравнѣ съ согласіемъ посольской избы, такъ что обоимъ этимъ чинамъ принадлежало право ограничивать королевскую власть или, какъ выражается Ленгнихъ, jus intercedendi illis, quae rex vellet [61]). Однако учрежденія, ограничивавшія королевскую власть, сами по себѣ не были самостоятельны: посольская изба, имѣвшая, какъ мы знаемъ, конгрессивное происхо-

---

58) Legi huic (статуту «Nihil novi») usus continuus respondet, cum nihil novi nisi in comitiis sanciatur, quae senatoribus et nobilitatis nuntiis praesentibus peraguntur. *Lengnich*, II, 40.

59) Qui olim consiliarii et cives ordines evaserunt, ad quos simul cum rege cura Reipublicae pertineret et quibus intercedendi illis, quae rex vellet, jus esset. *Ibid.*, II, 41.

60) *Ibid.*, II, 50. Cf. II, 437 (de senatus consiliis).

61) *Ibid.*, II, 41. I, 59.

жденіе, зависѣла отъ сеймиковъ, что умаляло ея значеніе въ государствѣ, и въ такой же степени умалялось значеніе сената тѣмъ, что онъ, несмотря на всѣ свои пріобрѣтенія, дѣлавшія его подобіемъ верхней палаты, также сохранялъ слѣды своего происхожденія изъ королевскаго совѣта. Источникъ власти сената лежалъ въ королѣ, какъ источникъ власти посольской избы находился въ сеймикахъ: поскольку сенатъ и посольская изба участвовали въ законодательной дѣятельности польскаго государства, постольку мы имѣемъ право сравнивать ихъ съ двумя одна отъ другой независимыми и въ извѣстной степени равносильными палатами англійскаго парламента, но поскольку посольская изба была конгрессомъ пословъ отъ самостоятельныхъ сеймиковъ, а не палатою общинъ въ англійскомъ смыслѣ, постольку и сенатъ былъ не верхней палатой, а королевскимъ совѣтомъ. Польскія государственныя учрежденія были построены на такихъ противорѣчіяхъ, что о каждомъ изъ нихъ можно говорить двояко, а потому и во взглядѣ Гюппе на сенатъ, выставленномъ черезчуръ категорически, а потому одностороннемъ, невѣрномъ, есть все-таки доля правды. Когда мы разсматриваемъ взаимныя отношенія посольской избы и сената, оставляя въ сторонѣ конгрессивность первой и должностной характеръ другаго, т. е. какъ двухъ самостоятельныхъ одинъ по отношенію къ другому чиновъ Рѣчи Посполитой, то не имѣемъ права вспоминать, что одно учрежденіе было въ сущности только королевскимъ совѣтомъ, забывая при этомъ, что въ такомъ случаѣ и посольская изба была только конгрессомъ земскихъ пословъ, а это именно и дѣлаетъ Гюппе, хотя у самого же него есть одно мѣсто, гдѣ дѣло представлено совершенно вѣрно [62]). Какъ посольской избѣ не удалось сдѣлаться совершенно независимой отъ сеймиковъ, освободиться отъ слѣдовъ своего конгрессивнаго происхожденія, такъ и сенату не пришлось добиться полной самостоятельности по отношенію къ королю, отдѣлаться отъ своего должностнаго характера: законъ 1505 г., требовавшій въ законодательной дѣятельности согласія королевскихъ совѣтниковъ и земскихъ пословъ, не отмѣнилъ за пятьдесятъ лѣтъ передъ тѣмъ состоявшагося постановленія, по которому законодательная власть раздѣлялась между королемъ и сеймиками.

[62]) Weder der Senat, noch die Landboten waren juridisch selbständig. Der erste hing vom König ab, die zweiten von der Nation. In ihrer Vereinigung aber gelang es beiden zeitweise, grosses Gewicht auf die Staatshandlung aufzuüben.... Der Idee nach handelten Senatoren immer als Räthe des Königs, und Landboten immer als vorübergehend abgesandte Unterhändler der einzelnen Theile der Nation. *Hüppe*, 138

Такъ оно и осталось, причемъ только королевская власть все болѣе и болѣе утрачивала свое значенiе, а сеймики, наоборотъ, все болѣе и болѣе усиливались. Сенатъ выигрывалъ отъ ослабленiя королевской власти, какъ, несомнѣнно, выиграла-бы посольская изба, если-бы и сеймики утратили свое значенiе: только при ослабленiи власти короля его совѣтъ могъ начать играть роль самостоятельнаго чина, равнаго посольской избѣ, и лишь преобладающее значенiе сеймиковъ не позволило послѣдней настолько возвыситься надъ сенатомъ, чтобы о послѣднемъ можно было говорить, только какъ о королевскомъ совѣтѣ.

Обѣ палаты польскаго сейма были обречены на взаимный антагонизмъ. Сенатъ, болѣе древнiй, чѣмъ посольская изба, смотрѣлъ съ неудовольствiемъ на возникновенiе послѣдней: рядомъ съ королевскою радою, съ можновладческимъ съѣздомъ или дигнитарскимъ вѣчемъ, игравшимъ такую роль при рѣшенiи главнѣйшихъ дѣлъ государства, становилось новое учрежденiе, которое могло и должно было отодвинуть на заднiй планъ эту раду, а съ другой стороны, стремленiе посольской избы получить перевѣсъ надъ сеймиками наносило ущербъ мѣстному значенiю всѣхъ этихъ воеводъ и каштеляновъ, входившихъ въ составъ сената. Поэтому можновладство всячески мѣшало такой организацiи сейма, при которой сенатъ былъ бы только королевскимъ совѣтомъ, а сеймики—только собранiями для избранiя депутатовъ на сеймъ и для рѣшенiя чисто мѣстныхъ дѣлъ. Входя въ составъ сеймиковъ, сенаторы даннаго воеводства [63]), т. е. епископъ, воевода, каштеляны имѣли интересъ поддерживать областную самостоятельность, а участвуя въ сеймахъ, имѣли возможность влiять на пословъ, черезъ которыхъ такъ было легко срывать сеймы. Такимъ образомъ мы имѣемъ право утверждать, что сенатъ сознательно и безсознательно всегда препятствовалъ посольской избѣ превратиться въ правильное учрежденiе, пользуясь тѣми средствами, которыя избавляли его отъ необходимости приходить въ явныя столкновенiя съ земскими послами. Какъ корпорацiя, сенатъ жилъ въ мирѣ съ посольской избой, взятой, какъ цѣлое, но limitata potestas пословъ, выбиравшихся на сеймикахъ, и *liberum veto* давали отдѣльнымъ сенаторамъ отличное средство лишать посольскую избу ея значенiя. Съ другой стороны, и посольская изба, представляя собою волю суверенныхъ сеймиковъ, стремилась низвести сенатъ на степень простаго королевскаго совѣта: мы уже видѣли, что такова была мысль земскихъ пословъ временъ Сигизмунда Августа.

---

63) *Pawiński*, 4.

Несмотря однако на неудачу, постигшую планы этихъ пословъ, всетаки по самому существу дѣла только посольская изба имѣла чисто законодательное значенiе: ея главнымъ дѣломъ было созиданiе законовъ, такъ что, по выраженiю Ленгниха, ее можно было назвать фабрикой законовъ [64]). Не описывая пока довольно сложной процедуры польскихъ сеймовъ, я отмѣчу здѣсь главные моменты сенаторскаго участiя въ законодательныхъ совѣщанiяхъ: «До собиранiя сеймовъ, читаемъ мы въ приводившейся уже старинной книжкѣ, король посылаетъ ко всѣмъ сенаторамъ циркулярныя грамоты и требуетъ ихъ мнѣнiя о предлагаемыхъ на сеймѣ дѣлахъ. По отвѣтамъ ихъ и по повелѣнiямъ его величества канцлеры сочиняютъ увѣдомительныя грамоты, которыя послѣ посылаются во всѣ сеймики» [65]). Въ этомъ дѣлѣ члены сената не выходили изъ роли королевскихъ совѣтниковъ, и самыя грамоты, съ коими къ нимъ обращался король, назывались litterae deliberatoriae [66]). На самомъ сеймѣ послѣ избранiя маршалка посольской избы, провѣрки полномочiй пословъ и исполненiя разныхъ обрядностей канцлеръ читалъ обоимъ чинамъ королевскую пропозицiю, о чемъ надлежало совѣщаться [67]), и тутъ-же сенаторы въ присутствiи пословъ подавали свое мнѣнiе о предложенныхъ дѣлахъ [68]). Это голосованiе однако не имѣло рѣшающаго значенiя, ибо цѣлью его было наставленiе пословъ о дѣлахъ государства: здѣсь какъ-бы происходило поученiе младшихъ братьевъ старшими, не имѣвшее однако никакой обязательной силы [69]). И здѣсь сенаторы выступаютъ въ качествѣ членовъ королевскаго совѣта, подающихъ свои голоса въ присутствiи земскихъ пословъ, причемъ послѣднiе принимаютъ только къ свѣдѣнiю сенаторскiя мнѣнiя. Для составленiя будущихъ конституцiй немедленно послѣ этого назначалась особая сенатская депутацiя или

---

64) In nuntiorum conclavi hoc praecipuum est negotium, ut conveniant, quae in comitiis decernenda, ut ipse conclave concione legum officina vocetur quia ibidem tanquam in aliqua officina leges cuduntur. *Lengnich*. II, 397.

65) Исторiя о нынѣшнемъ состоянiи правительства польскаго, 121. Cf. *Lengnich*. II, 351.

66) Съ 1717 г. онѣ разсылались за три мѣсяца до начала сейма. *Burzyński*. Zebranie wszystkich seymów y praw polskich. 1765. Стр. 396.

67) *Lengnich*. II, 384.

68) Tum senatores nuntiis adstantibus censent. *Ibid*., II, 389.

69) Вотъ какъ характеризуетъ этотъ моментъ *Ленгнихъ*: Non tamen ideo sententiae a senatoribus dicuntur, et ex illis aliquid decernatur, sed ut nuntii edoceantur, quid e publica re sit: quod ex antiquis temporibus repetendum, quibus vis consilii penes senatores erat, quibusque juniores fratres a senioribus erudiri volebant, ut cognoscerent quid reipublicae suae expediret. Sed hodie suum sensum sequuntur nuntii. *Ibid*., II, 391.

коммиссія [70]). Нѣсколько дней обыкновенно проходило въ общихъ собраніяхъ сенаторовъ и земскихъ пословъ, на коихъ разсматривались разныя государственныя дѣла и происходила указанная подача голосовъ, пока послы не начинали своихъ отдѣльныхъ совѣщаній [71]), въ началѣ коихъ назначалась особая коммиссія для редакціи конституцій [72]). Совѣщанія въ посольской избѣ должны были кончаться за пять дней до конечнаго срока сеймовыхъ собраній [73]), а король съ сенаторами и восемьнадцатью послами отправлялъ въ это время сеймовой судъ. Если въ посольской избѣ все проходило благополучно (т. е. если сеймъ не срывался), послы отправлялись по окончаніи всѣхъ своихъ занятій въ сенатъ, гдѣ сеймовой маршалокъ прочитывалъ принятыя избою рѣшенія, дабы ею постановленное было одобрено и въ сенатѣ [74]), ибо безъ послѣдняго эти рѣшенія не могли получить силы закона [75]). Здѣсь сенаторамъ принадлежалъ не совѣщательный уже голосъ, хотя при голосованіи они не выдѣлялись изъ пословъ. Дѣло происходило такимъ образомъ: если прочитанная маршалкомъ конституція не встрѣчала возраженія, онъ переходилъ къ другой и т. д. [76]), возражать-же и дѣлать замѣчанія предоставлялось всѣмъ, кто желалъ, т. е. и сенаторамъ, и посламъ [77]), но и тутъ требовалось единогласіе, «такъ чтобъ никто не прекословилъ» [78]) Если сенатъ in corpore не налагалъ своего veto на рѣшенія посольской избы, или если отдѣльные сенаторы не пользовались своимъ правомъ intercedendi, то по причинамъ, нами сообщеннымъ выше. Тѣмъ не менѣе польскій сенатъ никогда не превращался въ такую-же фабрику законовъ (пользуюсь выраженіемъ Ленгниха), какою была посольская изба.

---

70) *Ibid.*, II, 392.

71) *Ibid.*, II, 396.

72) *Ibid.*, II, 397.

73) *Ibid.*, II, 467.

74) .... ut quae ibi constituta in senatu probentur. *Ibid.*, II, 409.

75) Tum nuntii in senatum se conferunt, ubi eorum mareschalcus legit quae inter ipsos decreta sunt, eademque a senatoribus probanda, si legis vim habere debeant. *Ibid.*, II, 342.

76) *Ibid.*, II, 409.

77) Dicunt sententiam qui volunt, senatores et nuntii, ac contendunt inter se qui diversi. *Ibid.*, II, 410.

78) Исторія о нынѣшнемъ состояніи правительства польскаго, 133. Si discordandes componi nequeunt omittenda est constitutio, secus comitia rumpuntur, quae exitum sortiuntur felicem, quando ordines, ne quidem uno intercedente, constitutiones ratas habuerunt. *Lengnich*. II, 410.

Опредѣливъ взаимныя отношенія двухъ чиновъ Рѣчи Посполитой, т. е. ordinis senatorii и ordinis equestris, мы разсмотримъ отношенія, существовавшія между ними и королемъ, особенно въ ту эпоху, когда послѣдній уже не считался стоящимъ выше обоихъ чиновъ, а самъ признавался такимъ-же чиномъ, какими были сенатъ и посольская изба. Говоря здѣсь о королевскомъ санѣ (dignitas regia), мы ограничимся именно разсмотрѣніемъ отношеній, существовавшихъ между этимъ чиномъ Рѣчи Посполитой и двумя другими, такъ какъ вообще разсмотрѣніе положенія королевской власти въ Польшѣ заняло-бы слишкомъ много мѣста и вышло-бы за предѣлы того предмета, которому посвященъ и самый нашъ очеркъ, и эта глава въ частности [79]).

Право созывать сеймъ принадлежало одному королю во все время его царствованія, хотя существовали законные сроки и для сеймовъ, и для сеймиковъ, имъ предшествовавшихъ [80]). Сроки эти были установлены при переходѣ Польши въ избирательную монархію, но за королемъ всегда сохранялось право созывать ex senatorum consilio и чрезвычайные сеймы внѣ всякихъ сроковъ, какъ это и было при Ягеллонахъ [81]). Далѣе, какъ мы уже видѣли, король-же по совѣту находившихся при немъ сенаторовъ опредѣлялъ дѣла, подлежавшія обсужденію въ сеймѣ, о чемъ и повѣщалъ отсутствовавшихъ сенаторовъ грамотами, а шляхту на сеймикахъ—чрезъ особыхъ посланцевъ. Самый сеймъ долженъ былъ собираться не иначе, какъ при особѣ короля [82]), который долженъ былъ присутствовать въ собраніи каждый разъ, когда оба другіе чина собирались въ сенаторскомъ залѣ, такъ что имъ ничего не могло предлагаться, равно какъ ничего ими не могло постановляться иначе, какъ въ присутствіи короля [83]). Такимъ образомъ отдѣльныя совѣщанія земскихъ пословъ получаютъ характеръ подготовительной работы по части законодательства, само-же законодательство происходило только въ общемъ собраніи всѣхъ трехъ чиновъ Рѣчи Посполитой, и этимъ лишній разъ опровергается то представленіе о сенатѣ, которое составилъ себѣ Гюппе. Сеймовыя поста-

79) Почти весь первый томъ Juris publici Ленгниха занятъ именно такимъ разсмотрѣніемъ.

80) Quorum (т. е. сеймовъ и сеймиковъ) quamvis tempus lege definitum, non tamen ordines ultro confluunt, sed a rege, ut veniant, compellandi. Hoc jus reges omni tempore exercuerunt, neque ab aliis exerceri passi sunt. *Lengnich.* I, 374

81) *Ibid.*, I, 375.

82) *Ibid.*, I, 376.

83) Nihil ergo ad ordines referri, nihil ab illis decerni potest, nisi rege praesente, qui cum illis cancellarii ore agit. *Ibid.*, I, 378.

новленія издавались отъ имени короля, и безъ короля въ его царствованіе не могло быть издано закона. Утвержденныя королемъ сеймовыя постановленія получали названіе «конституцій» въ отличіе отъ «конфедерацій» и «ординацій», издававшихся сеймами въ безкоролевья [84]). «Король, говоритъ Гюппе, принималъ участіе въ законодательствѣ съ 1572 г. вообще только посредствомъ утвержденія конституцій, которыя обнародывались отъ его имени. Не существовало никакого положительнаго постановленія, которое лишило-бы его «veto», но онъ предпочиталъ другимъ способомъ препятствовать изданію непріятныхъ ему законовъ, и такимъ образомъ не имѣется ни малѣйшаго слѣда того, чтобы король одинъ своимъ несогласіемъ не допустилъ возникновенія какой-либо конституціи» [85]). Что касается до законодательной иниціативы, то она не принадлежала исключительно королю. Ленгнихъ, описывая порядокъ сеймовыхъ работъ, отмѣчаетъ тотъ фактъ, что, съ одной стороны, о многихъ королевскихъ предложеніяхъ очень часто не дѣлается ни малѣйшаго упоминанія, ибо земскіе послы пользуются правомъ опускать или откладывать до другаго раза эти предложенія, и что, съ другой стороны, въ конституціи включается много такого, о чемъ не было рѣчи въ королевской пропозиціи, ибо послы могутъ дѣлать постановленія и по иниціативѣ каждаго изъ своей среды [86]), тѣмъ болѣе, что въ данномъ случаѣ посолъ могъ сослаться на наказъ, полученный отъ братьи-шляхты [87]) Это и понятно при томъ значеніи въ законодательствѣ, какое пріобрѣли сеймики. Королевская иниціатива выражалась въ тѣхъ оповѣщеніяхъ, коими созывались сеймики для выбора пословъ на вальный сеймъ [88]), но инструкціи, какими сеймики снабжали своихъ уполномоченныхъ, не только заключали въ себѣ отвѣтъ на королевскія предложенія, но возбуждали и совершенно новые вопросы [89]). Дѣло и кончилось тѣмъ, что большая часть конституцій возникала не по королевской, а по сеймиковой иниціативѣ [90]). Кромѣ того, наконецъ, король, внося въ сеймъ

---

[84]) *Ibid.*, I, 382.

[85]) *Hüppe*, 106.

[86]) Contra nuntii ad ea digrediuntur quae proposita non sunt: si quid in regimine corrigendum, si prospiciendum juribus ac quaecunque alia publice utilia videntur, ea omnia consiliis suis vindicant, etiam privatorum desideriis annuentes, si justa creduntur. *Lengnich.* II, 400.

[87]) .... ad mandatum sibi a fratribus datum provocans. *Ibid.*, II, 400.

[88]) *Ibid.*, II, 323.

[89]) *Pawiński*, 81—82.

[90]) Hinc a rege ordinibus multa commendantur et commendantur saepius, quorum in constitutionibus nulla fit mentio.... Ex qua causa multa in consti-

свои предложенія, раньше имѣлъ о нихъ совѣщанія съ частью сената, и сенаторы сами отъ себя могли дѣлать новыя пропозиціи. Мы видѣли, что обсужденію законодательныхъ вопросовъ въ посольской избѣ предшествовало голосованіе сенаторовъ въ присутствіи земскихъ пословъ, и тогда также дозволялось касаться вопросовъ, не предложенныхъ королемъ [91]). Соединяя въ одно цѣлое все, что было сказано объ участіи въ законодательствѣ отдѣльныхъ чиновъ Рѣчи Посполитой, мы находимъ, что самый главный актъ происходилъ въ послѣдніе дни сейма, когда вмѣстѣ сходились всѣ три чина и сообща утверждали законъ: Польша не знала той процедуры, которая установилась въ англійскомъ парламентѣ, т. е. здѣсь не было принятія законопроекта сначала одною палатою, потомъ переноса его въ другую и, наконецъ, утвержденія его королемъ, какъ совершенно особаго момента; здѣсь, напротивъ, все было слито въ одинъ актъ окончательнаго чтенія законопроектовъ маршалкомъ сейма въ общемъ собраніи короля, сенаторовъ и земскихъ пословъ. Именно такое чтеніе не было внесеніемъ въ сенатъ своего рода биллей, окончательно принятыхъ посольской избой, ибо, во-первыхъ, правомъ голоса при этомъ пользовались не одни сенаторы, а во-вторыхъ, послы могли здѣсь отказывать въ согласіи своемъ, данномъ при обсужденіи тѣхъ-же самыхъ вопросовъ въ посольской избѣ [92]), а это, при существованіи *liberum veto*, имѣло тотъ-же результатъ, какой получался-бы въ Англіи, если-бы, наприм., вся палата общинъ, принявши билль въ третьемъ чтеніи, по собственному почину взяла-бы его назадъ послѣ того, какъ онъ получилъ-бы дальнѣйшее движеніе. Такимъ образомъ принятіе посольскою избою тѣхъ или другихъ рѣшеній не имѣло значенія принятія билля палатою общинъ, а чтеніе его въ сенатѣ—не было равносильно поступленію принятаго нижнею палатою билля въ палату лордовъ, что-же касается королевскаго утвержденія, то и оно, какъ сейчасъ только было сказано, не составляло отдѣльнаго акта. Сравнивая польскій сеймъ въ этомъ отношеніи съ англійскимъ парламентомъ, мы видимъ, что три чина перваго въ своей законодательной дѣятельности утрачиваютъ свою особность, какъ-бы сливаясь въ одно собраніе, въ которомъ ранги перемѣшиваются [93]), тогда какъ во второмъ три штата

tutionibus leguntur, quorum mentio inter ea, quae regis nomine proposita, facta non fuit. *Lengnich*. II, 400.

[91]) *Ibid*. II, 390.

[92]) Dicunt sententiam qui volunt.... licetque nuntiorum cuilibet a constitutione dissentire, quam in suo conclavi vel voce, vel silentio probavit. *Ibid*., II, 410.

[93]) Dicunt sententiam qui volunt, senatores et nuntii. *Ibid*., II, 410.

(three estates) продолжають сохранять свою индивидуальность. Такъ какъ de facto ни король, ни сенаторы не пользовались правомъ veto, то всѣ рѣшенія зависѣли отъ земскихъ пословъ, и въ данномъ случаѣ два чина Рѣчи Посполитой какъ-бы поглощались третьимъ, который однако самъ былъ только конгрессомъ сеймиковыхъ пословъ. Не забудемъ при этомъ, что первый чинъ былъ ставленикомъ тѣхъ-же сеймиковъ, а второй—состоялъ изъ лицъ, назначавшихся этимъ шляхетскимъ ставленикомъ. Въ этомъ смыслѣ посольская изба получила преобладаніе и надъ королевскою властью, и надъ сенатомъ, но сама она не могла совокупить въ себѣ аттрибуты верховной власти, оставаясь конгрессомъ сеймиковыхъ пословъ, собираясь въ два года на шесть недѣль, выходя всегда изъ новыхъ выборовъ, не имѣя учрежденія, которое ее замѣняло-бы отъ сейма до сейма, и подвергаясь постоянно опасности срыванія сеймовъ по капризу отдѣльныхъ своихъ членовъ, иногда бывшихъ орудіемъ короля или сенаторовъ, которые прямо не отвергали рѣшеній земскихъ пословъ.

Главной королевской прерогативой въ Польшѣ, все-таки дозволявшей первому чину Рѣчи Посполитой играть самостоятельную роль и направлять по своему усмотрѣнію дѣлами государства, правомъ короля, безъ котораго онъ былъ-бы вполнѣ призрачнымъ или намалеваннымъ королемъ, какимъ не хотѣлъ быть Стефанъ Баторій, было назначеніе имъ почти на всѣ высшія государственныя должности и раздача въ пожизненное пользованіе государственныхъ имуществъ, хотя въ обоихъ случаяхъ король былъ стѣсненъ извѣстными правилами, а также вмѣшательствомъ сейма или сената. Республиканская публицистика прошлаго вѣка въ этомъ королевскомъ правѣ видѣла даже причину — небывалаго, конечно, — деспотизма «исполнительной власти», какъ въ то время называли короля, пользуясь французской политической терминологіей [94]). Не разсматривая этого предмета во всемъ его объемѣ, остановимся только на данномъ правѣ короля по отношенію къ назначенію членовъ сената. Общимъ и изначальнымъ принципомъ здѣсь было то, что «хотя король воленъ произвесть въ сенаторскій чинъ, кого онъ соблаговолитъ, однако въ его власти не состоитъ опять лишить ихъ онаго», какъ сказано въ старинной книжкѣ, на которую мы уже неразъ ссылались [95]). Во первыхъ, королю принадлежало право назначенія на высшія церковныя должности, въ числѣ коихъ были епископства, соединенныя съ мѣстомъ въ се-

---

94) См. мою книгу «Паденіе Польши въ исторической литературѣ», стр. 11.
95) Ист. о нынѣшнемъ сост. прав. польск., 76.

натѣ и богато дотированныя [96]). Во вторыхъ, королемъ же назначались свѣтскіе сенаторы, т. е. воеводы, каштеляны и министры, занимавшіе въ сенатѣ особое мѣсто и получавшіе опредѣленное содержаніе, тогда какъ другіе сенаторы жалованія не получали, если только король не надѣлялъ ихъ государственными имуществами (panis bene meritorum), что однако большею частью предшествовало возведенію въ сенаторское званіе [97]). Хотя въ этомъ правѣ назначенія на должности и награжденія «pane bene meritorum», принадлежавшемъ исключительно королю [98]), и можно видѣть «нервъ королевской власти», какъ выражается польскій историкъ первой половины XVII вѣка, Павелъ Пясецкій [99]), или «Kern des Königthums», какъ озаглавленъ у Гюппе параграфъ, трактующій о только что названномъ королевскомъ правѣ [100]), тѣмъ не менѣе, какъ мы уже упомянули, обставлено оно было разными ограниченіями, изъ коихъ одно заключалось въ томъ, что должности не могли оставаться незамѣщенными, а староства и крулевщизны нерозданными [101]): на сеймѣ маршалокъ посольской избы долженъ былъ просить о раздачѣ вакантныхъ должностей и имѣній, а съ 1607 г. послы не смѣли приступать къ совѣщаніямъ, пока ваканціи не замѣщались [102]), хотя право, коимъ пользовались послы—представлять своихъ кандидатовъ, не стѣсняло короля при назначеніяхъ [103]).

Въ XVIII вѣкѣ политическіе писатели видѣли въ королѣ польскомъ главу исполнительной власти съ точки зрѣнія ученія о раздѣленіи властей, перешедшаго въ Польшу изъ Франціи, но король былъ только номинальнымъ главою исполнительной власти, каторая въ дѣйствительности перешла къ несмѣняемымъ сановникамъ [104]). «Чтобы унизить короля, вы возвысили его министровъ», писалъ барскимъ конфедератамъ извѣстный аббатъ Мабли [105]), и дѣйствительно, министры

---

96) Правомъ этимъ польскіе короли пользовались еще съ среднихъ вѣковъ. *Любовичъ*. Исторія реформаціи въ Польшѣ. Варшава. 1883. Стр. 12 и слѣд.

97) *Hüppe*, 132. *Lengnich*, II, 51.

98) .... jura, quae rex solus exercet, in quibus praecipuum est, quod in conferendis dignitatibus et bonis regiis versatur. *Lengnich*. I, 305.

99) Nervus auctoritatis regiae. *Piasecii* Chronica gestorum in Europa singularium.

100) *Hüppe*, 109.

101) *Lengnich*. I, 307.

102) *Ibid.*, II, 386 sq.

103) Non enim rex commendationi nuntiorum ita adstringitur, ut ipsi haud liceat suum sensum sequi. *Ibid.*, II, 388.

104) *Hüppe*, 106.

105) *Mably*. Du gouvernement et des lois de la Pologne, 55 (въ XI томѣ Oeuvres complètes по нимскому изд. 1793 г.).

«имѣли въ рукахъ своихъ все правительство Рѣчи Посполитой» [106]). Независимые отъ короля, который не могъ ихъ смѣнять, отвѣтственные только передъ сеймами, столь легко срывавшимися, они не составляли коллегіальнаго министерства, а каждый министръ былъ неограниченнымъ господиномъ въ области своего вѣдѣнія [107]), хотя по теоріи они были, какъ выражается Гюппе, die eigentliche Verwaltungsbeamten durch welche der Wille der Regierungsgewalt zum Ausdruck käme [108]). Вальный сеймъ, сдѣлавшійся высшею властью въ Рѣчи Посполитой, не имѣлъ зависимаго отъ него исполнительнаго органа. Въ началѣ царствованія Сигизмунда III воспитанный въ политической школѣ Баторія знаменитый канцлеръ Янъ Замойскій, стоявшій за рѣшеніе дѣлъ на сеймѣ большинствомъ голосовъ [109]), сдѣлалъ на сеймѣ 1589 г. предложеніе въ этомъ смыслѣ, но противъ этого былъ тогда самъ король. «Замойскій, говоритъ проф. Бобржинскій, имѣлъ за себя большинство во всемъ народѣ (т. е. шляхтѣ), введеніе рѣшенія дѣлъ большинствомъ голосовъ на сеймѣ отдавало ему въ руки легальную власть, дѣлало его, если употребить современное выраженіе, парламентарнымъ министромъ» [110]); а этого-то и не могъ допустить Сигизмундъ III съ своей антипольской внѣшней политикой. «Парламентарное министерство» не могло бы, конечно, установиться безъ голосованія большинствомъ. Вскорѣ по смерти Замойскаго (1605 г.) во время «рокоша» (т. е. конфедераціи, направленной противъ короля), извѣстнаго въ исторіи по имени одного изъ своихъ вождей Николая Зебржидовскаго, воеводы сандомірскаго, шляхта потребовала отъ короля, чтобы онъ удалилъ отъ себя іезуитовъ и принялъ къ себѣ постоянный совѣтъ изъ трехъ сенаторовъ по избранію сейма, и предводители движенія противъ этого не возражали, надѣясь, конечно, сами занять мѣста въ совѣтѣ. Если-бы это осуществилось, то возникло-бы учрежденіе, которое, установивъ довѣріе шляхты къ трону, ручалось-бы, что королевская политика будетъ вестись въ національномъ духѣ, тѣмъ самымъ усиливало-бы короля и создало-бы сеймовое правительство. «Думать, говоритъ Бобржинскій, объ абсолютномъ правленіи у народа, который уже сто лѣтъ пользовался политической свободой, было вещью трудной, но зато тѣмъ больше нужно было думать объ учрежденіи, которое примирило-бы свободу съ порядкомъ,

---

106) Исторія о нын. сост. правит. польскаго, 90.
107) *Hüppe*, 255, 257.
108) *Ibid.*, 259.
109) *Bobrzyński*. Dzieje Polski. II, 149.
110) *Ibid.*, II, 157.

о парламентарномъ министерствѣ, которое, будучи выбрано въ сеймовомъ большинствѣ, могло бы править и распоряжаться отъ имени короля, но въ духѣ націи» [111]). Идея эта однако не оставлялась: голэмбёвская конфедерація (при Михаилѣ Вишневецкомъ, 1669—1673) желала ввести отвѣтственныхъ министровъ, назначаемыхъ каждые два года, т. е. отъ сейма до сейма, и хотя это было принято ближайшимъ сеймомъ, возобладалъ однако старый обычай [112]). Мабли, напр., также совѣтовалъ, чтобы «законодательная власть сама назначала министровъ, коимъ поручаетъ исполненіе законовъ, и сохраняла право требовать отъ нихъ отчета и ихъ судить»; при этомъ французскій публицистъ ссылался на примѣръ англичанъ, коимъ приходится плохо (qui se trouvent mal), такъ какъ они лишены права «выбрать совѣтниковъ и министровъ государя» [113]). Эта ссылка на англійскіе порядки даетъ намъ удобный поводъ еще разъ сравнить съ ними порядки польскіе.

Говоря объ англійскомъ государственномъ строѣ, до сравнительно недавняго времени указывали только на короля и парламентъ, какъ на двѣ силы, стоящія во главѣ государства, забывая ставить рядомъ съ ними третью — кабинетъ (cabinet council), состоящій изъ министровъ, который, какъ исполнительный комитетъ парламентскаго большинства, заправляетъ дѣлами страны и пользуется правами, обыкновенно называемыми «правами короны». Извѣстно, что когда однажды (въ 1745 г.) лордъ-канцлеръ назвалъ Георгу II министровъ его правительственными орудіями, то король отвѣчалъ ему съ горькой улыбкой: «въ этой странѣ король—министры», — и король былъ правъ. Прочное установленіе въ Англіи исключительной отвѣтственности министровъ произвело важную перемѣну въ положеніи короны, ибо она могла пользоваться своей прерогативой только при содѣйствіи отвѣтственныхъ министровъ. Такимъ образомъ исполнительная власть, съ полною отвѣтствѣнностью за всѣ отдѣльныя ея проявленія, перешла въ руки кабинета или, строго говоря, въ руки палаты общинъ, такъ какъ кабинетъ есть только правительствующій комитетъ парламентскаго большинства. Это обстоятельство было, какъ извѣстно, совершенно просмотрѣно Монтескье, когда онъ изображалъ англійскую конституцію, и Мабли ошибался, думая, что англичане лишены были права выбирать (въ болѣе широкомъ смыслѣ слова) совѣтниковъ и

---

111) *Ibid.*, II, 169.
112) *Lengnich*. II, 112.
113) *Mably*, 113.

министровъ короны. Въ Польшѣ королемъ также были министры, перефразируя слова Георга II, ибо поляки, какъ говоритъ Мабли, чтобы унизить короля, возвысили министровъ, но этотъ коллективный польскій король, если можно такъ выразиться, стоялъ совершенно особнякомъ отъ сейма, ибо не представлялъ собою его большинства, не завися въ то же время отъ настоящаго короля,—и не имѣлъ никакого единства въ своемъ правленіи, ибо при отсутствіи связи, какую сообщали-бы министрамъ выдвинувшее ихъ сеймовое большинство или единая воля короля, каждый изъ нихъ совершенно отдѣльно отъ другихъ заправлялъ дѣлами своего вѣдомства. Въ сущности Мабли предлагалъ полякамъ то, что существовало въ Англіи, и мы уже видѣли, что съ самаго начала избирательной монархіи въ Польшѣ подобная мысль возникала у самихъ поляковъ. «Права короны» и въ Англіи, и въ Польшѣ переходятъ къ министерству; но въ Англіи это сопровождается принятіемъ на себя со стороны министерства всей отвѣтственности, которая не могла падать на короля въ силу стараго принципа «the king can do not wrong» (король не можетъ поступать несправедливо), а, кромѣ того, сопровождается подчиненіемъ министерства парламенту въ лицѣ его большинства, тогда какъ въ Польшѣ переходъ правъ короны къ министрамъ не установлялъ отвѣтственнаго (въ англійскомъ смыслѣ) и солидарнаго министерства. Въ Англіи то, что въ данномъ отношеніи терялъ король, пріобрѣталось парламентомъ, но въ Польшѣ аналогичная утрата не возмѣщалась: потерянное королевскою властью не было здѣсь потерею только для послѣдней, а не для государства вообще, какъ въ Англіи, съумѣвшей лишь перемѣстить правительственный центръ тяжести,—это была потеря именно для государства, очутившагося вдругъ безъ настоящаго правительства. Польское правительство было устроено такимъ образомъ, что у него не было объединяющаго принципа, и, разумѣется, не конгрессивной посольской избѣ, которая не могла сосредоточить въ себѣ законодательную власть, было думать о томъ, чтобы подчинить себѣ власть исполнительную и тѣмъ дать ей недостававшее единство [114]).

---

[114]) Мабли вѣрно понялъ главный недостатокъ польскаго министерства, 118 и 122.

V.

Сеймы, безкоролевья и конфедераціи.

Классификація сеймовъ.—Предсеймовые сеймики.—Генеральные сеймики.—Провинціальныя сессіи.—Выборъ пословъ на сеймикахъ и ихъ инструкціи.—Реляціонные сеймики.—Время и мѣсто сейма.—Порядокъ сеймованія.—Избраніе маршалка.—Общія собранія сейма.—Засѣданія посольской избы.—Срываніе сеймовъ и пріостановка совѣщаній.—Подача мнѣній и голосовъ въ посольской избѣ.—Сеймовой судъ.—Окончаніе сейма.—Чрезвычайные сеймы. — Безкоролевья.—Сеймы конвокаціонные, элекціонные и коронаціонные.—Конфедераціи.—Конфедерированные сеймы.—Общій взглядъ на сеймовые порядки.—Необходимость реформы.

Въ этой главѣ рѣчь будетъ идти о различныхъ родахъ польскихъ сеймовъ въ эпоху избирательной монархіи. Различіе между ними возникло въ первое безкоролевье, когда, съ одной стороны, было положено, что впредь сеймы будутъ собираться каждые два года, кромѣ случаевъ крайней необходимости созыванія сеймовъ внѣ срока, и когда, съ другой стороны, сеймы начали принимать участіе въ избраніи короля, вслѣдствіе чего должны были собираться въ безкоролевное время. Очередные сеймы получили впослѣдствіи названіе обыкновенныхъ (sejmy zwyczajne или ordinaryjne, comitia ordinaria), а экстренные—чрезвычайныхъ (s. nadzwyczajne или extraordinaryjne, c. extraordinaria). И тѣ, и другіе могли созываться только королемъ. Въ безкоролевья собирались примасомъ сеймы конвокаціонные, элекціонные и коронаціонные, изъ коихъ главное значеніе принадлежало элекціоннымъ сеймамъ, бывшимъ, собственно говоря, соединеніемъ сеймовъ съ общешляхетскими вѣчами, такъ какъ здѣсь происходило перенесеніе въ одно мѣсто всѣхъ воеводскихъ сеймиковъ. Мы уже видѣли раньше [1]), что въ безкоролевья, кромѣ того, завязывались конфедераціи, которыя стали впослѣдствіи случаться и при короляхъ,

---

[1]) См. гл. III, стр. 67 sq.

причемъ конфедераціи, направленныя противъ короля, получили особое названіе рокошей (rokosz, rokossium). Въ такомъ порядкѣ мы и разсмотримъ сеймовую жизнь въ Польшѣ въ періодъ времени отъ конвокаціоннаго сейма, созваннаго по смерти Сигизмунда Августа, до знаменитаго четырехлѣтняго сейма (1788—1792), произведшаго крупную политическую реформу польскаго государства, извѣстную подъ названіемъ «конституціи 3 мая», хотя конституціи этой и не пришлось дѣйствовать: гродненскій сеймъ 1793 г., «послѣдній сеймъ Рѣчи Посполитой», бывши только призракомъ настоящаго сейма, собрался по старымъ, освященнымъ вѣками формамъ.

Сеймамъ всегда предшествовали сеймики, которые потому и назывались предсеймовыми (sejmiki przedsejmowe, conventus minores ante comitia): на нихъ, какъ было уже говорено раньше, выбирались послы и составлялись для нихъ инструкціи. Общій характеръ отношеній между сеймиками и сеймомъ намъ извѣстенъ, а потому, не входя въ подробности о самихъ сеймикахъ, мы остановимся здѣсь лишь на такихъ сторонахъ предмета, которыя нами не были еще затронуты. Прежде всего нужно упомянуть о такъ называемыхъ генеральныхъ сеймикахъ. «Три недѣли спустя послѣ того (т. е. послѣ выбора пословъ),—читаемъ мы въ старинной книжкѣ, изъ которой дѣлали уже не разъ выписки, — земскимъ посламъ надлежало-бы съѣзжаться вмѣстѣ, великопольскимъ въ Колѣ, малопольскимъ въ Новомъ Мѣстѣ (Корчинѣ), литовскимъ въ Слонимѣ, а прусскимъ по перемѣнамъ въ Грауденцѣ и Маріенбургѣ; но сіе учрежденіе наблюдается токмо послами трехъ прусскимъ воеводствъ» [2]). Это и были «генеральные сеймики», на которые слѣдуетъ смотрѣть, какъ на переходную ступень отъ воеводскихъ сеймиковъ къ вальнымъ сеймамъ: во второй половинѣ XV в. король сначала созывалъ въ одно мѣсто земскихъ пословъ каждой тогдашней провинціи Польши (т. е. Великой Польши, Малой Польши и Руси) и только съ теченіемъ времени пришелъ къ мысли о созывѣ этихъ пословъ въ одно мѣсто уже изъ всѣхъ воеводствъ государства [3]). Впослѣдствіи генеральные сеймики продолжали собираться попрежнему, и этотъ обычай былъ распространенъ на новыя провинціи, вошедшія въ составъ Рѣчи Посполитой, а именно на Мазовію (ген. сеймикъ въ Варшавѣ), Литву (ген. сеймикъ въ Волковыскѣ) и польскую Пруссію [4]). По вѣрному замѣчанію проф. Павинскаго, эти собранія до нѣкоторой степени смягчали

[2]) Исторія о нынѣшнемъ состояніи правительства польскаго, 123.

[3]) *Bobrzyński*. Dzieje Polski, I, 297.

[4]) *Hüppe*, 166—167.

сепаратизмъ воеводствъ, ибо послы отдѣльныхъ провинцій уговаривались здѣсь относительно дѣйствій своихъ на сеймѣ, причемъ нерѣдко измѣняли постановленія сеймиковъ во имя интересовъ цѣлой провинціи [5]), но послѣ 1572 г. такое посредствующее звено между сеймами и сеймиками начинаетъ приходить въ упадокъ, не смотря на то, что сеймовое постановленіе 1611 г. подтверждало необходимость съѣздовъ пословъ въ Колѣ и Корчинѣ [6]), и не смотря на попытки воскресить «генералы» во второй половинѣ XVII в. [7]). Отъ нихъ остались только «провинціальныя сессіи», на которыя раздѣлялся вальный сеймъ, когда въ посольской избѣ возникали несогласія, такъ какъ предполагалось, что такіе «consessus seu sessiones provinciales» — наилучшее средство придти къ соглашенію [8]): и раньше прибѣгали къ генеральнымъ сеймикамъ съ подобною же цѣлью, такъ что когда во второй половинѣ XVII в. куявскія воеводства просили ихъ возстановленія, то мотивировали свою просьбу именно указаніемъ на такую примирительную роль означенныхъ провинціальныхъ собраній [9]). Собственно говоря, провинціальныя сессіи были какъ бы распаденіемъ вальнаго сейма на генеральные сеймики, совершавшимся съ согласія короля [10]), причемъ сессіи сносились между собою посредствомъ легатовъ, и члены одной посѣщали другую, чтобы послушать, что тамъ дѣлается, пока всѣ снова не сходились въ посольскую избу [11]). На это время сеймовой маршалокъ слагалъ съ себя званіе (auctoritate mareschalci interea cessante), и въ каждой сессіи предсѣдательствовалъ старшій сенаторъ провинціи, обязанность котораго, какъ и другихъ сенаторовъ, заключалась въ томъ, чтобы убѣдить пословъ придти къ общему рѣшенію [12]). Такое раздѣленіе сейма на провинціальныя сессіи

---

5) *Pawiński*, 341.

6) Vol. leg., III, 16.

7) *Pawiński*, 374—375.

8) Si inter nuntios magna est dissensio in rebus gravioribus, quas perfici Reipublicae utile est, consessus provinciales ad concordiam efficaces putantur. *Lengnich*. II, 401.

9) *Pawiński*, 375.

10) Sunt autem consessus seu sessiones provinciales singularum gentium, extra senatorium et nuntiorum conclave, in loco alio conventus, qui sine regis consensu haberi nequeunt. *Lengnich*. II, 402.

11) Si in unius gentis consessu res ad concordiam jam decucta est, ea per legatos quid apud se decretum reliquas edocet et ut exemplum sequantur hortatur. Interdum unus aut plures ex alia gente hospites adsunt, ut censentes audiant, non ut ipsi censeant. Sive autem coalaverint animi, sive maneant discordes, post dies aliquot nuntii in suum conclave redeunt. *Ibid*., II, 403.

12) Praeses et senatores alii rationibus dissentientes in unum sensum flectere conantur. *Ibid*., II, 403.

происходило обыкновенно послѣ того, какъ обнаруживалось, что въ посольской избѣ нѣтъ общаго согласія, но бывали случаи (въ концѣ XVII и началѣ XVIII в.), когда сессіи эти происходили въ самомъ началѣ сейма, прежде нежели выбирался сеймовой маршалокъ [13]): въ такихъ случаяхъ провинціальныя сессіи, предшествуя общимъ засѣданіямъ посольской избы, вполнѣ уподоблялись генеральнымъ сеймикамъ. Причиною, почему послѣдніе вышли изъ употребленія, было, несомнѣнно, стремленіе воеводствъ къ большей самостоятельности, которой они могли достигнуть только путемъ устраненія учрежденія, являвшагося посредствующею инстанціею между собиравшимися въ нихъ сеймиками и общегосударственнымъ сеймомъ [14]), тѣмъ болѣе, что при развитіи сеймикованія на такіе провинціальные съѣзды не хватало болѣе времени [15]) и ихъ не безъ успѣха стали замѣнять провинціальныя сессіи во время самаго сейма.

Предсеймовые, или «посольскіе» сеймики созывались королевскими «универсалами» за шесть недѣль до сейма, а универсалы разсылались по воеводствамъ за три недѣли до сеймиковъ [16]), которые и собирались въ одинъ день во всемъ государствѣ. Когда сеймикъ срывался, то вальный сеймъ обходился безъ его пословъ, если только король не давалъ новаго универсала. За исключеніемъ конвокаціонныхъ сеймовъ, за послѣднія времена Рѣчи Посполитой не бывало случаевъ, чтобы на сеймъ прибывали послы изъ всѣхъ воеводствъ, такъ какъ значительная часть сеймиковъ срывалась [17]). Вопреки основному принципу, по которому требовалось единогласіе пословъ, а слѣдовательно и сеймиковъ для сеймовыхъ постановленій, присутствовавшіе рѣшали

---

13) *Ibid.*, II, 403.

14) Te pośredne sejmy.... wychodzą z użycia: wzmagający się prąd życia sejmikowego omija tę zawadę i płynie wprost do źbiornika wszystkich potoków, jakim jest sejm walny. *Pawiński*, 341—342. Damit sich die Souveränität jedes Bürgers möglichst unmittelbar äussern könne, wurden die Mittelinstanzen zwischen Reichstag und Landtag allmählig hinweggeräumt. *Hüppe*, 166.

15) Wśród rozbujałego sejmikowania brak na nie czasu. *Pawiński*, 374. Связь провинціальныхъ сессій съ генеральными сеймиками понималъ Ленгнихъ хорошо: superest quaedam eorum (generalium consessuum) imago in colloquiis provincialibus singularum gentium, quae saepe in comitiis habentur. II, 331.

16) *Lengnich*. II, 323.

17) Ex illis tantum terris nuntii veniunt in quibus conventus absoluti, quorum modo plures, modo pauciores rumpuntur.... Estque a multis annis nullum exemplum omnium conventuum peractorum, ut ex omnibus terris nuntii comitiis interesse potuissent, nisi interregni tempore illorum conventuum qui convocationis comitia praecesserunt. *Ibid.*, II, 328.

дѣла за отсутствовавшихъ (съ сохраненіемъ права за послѣсеймовыми сеймиками самостоятельно приступать къ рѣшеніямъ), но если большая часть пословъ не являлась, то дѣла откладывались до слѣдующаго сейма [18]). Послы съ сорваннаго сеймика или съ такого, который не былъ законно созванъ, устранялись съ сейма посредствомъ такъ называемыхъ «ругъ», или повѣрки полномочій, слѣдовавшей за избраніемъ сеймоваго маршалка [19]). Число пословъ отъ одного и того-же воеводства оставалось всегда одно и то же [20]), но оно далеко не соотвѣтствовало пространству или населенности воеводства [21]): три воеводства: познанское, калишское и гнѣзненское (послѣднее какъ отдѣльное воеводство только съ 1768 г.) выбирали вмѣстѣ въ Шродѣ 20 пословъ; столько-же—Мазовія, раздѣлявшаяся на десять «земель», сеймиковавшихъ отдѣльно; сѣрадзьское воеводство съ землею велюньскою высылали 6 пословъ (4 и 2), лэнчицкое—4, куявскія воеводства (брестское и иноврoцлавское), имѣвшія общій сеймикъ въ Радзѣёвѣ,—по 2 посла, земля добржинская—2, плоцкое воеводство—4, равское, состоявшее изъ трехъ «земель» и до 1766 г. не имѣвшее общаго сеймика,—6 пословъ (по два изъ каждой земли), краковское—8, сандомірское—7, люблинское—6 и т. д. [22]). Сеймики хлопотали объ увеличеніи числа своихъ пословъ, вѣроятно, по причинамъ, на которыя не разъ указывали инструкціи воеводствъ куявскихъ, какъ полагаетъ проф. Павинскій [23]): одинъ разъ (въ 1674 г.) инструкція ссылалась на возростаніе числа преданныхъ отчизнѣ сыновъ, для которыхъ нужно-бы было сдѣлать болѣе доступнымъ поприще службы на благо Рѣчи Посполитой, а въ другой разъ (въ 1733 г.) также говорилось о «значительной конкурренціи ихъ милостей братьи по отношенію къ общественной службѣ» [24]). Такъ какъ сеймъ въ этомъ отношеніи оставался весьма консервативнымъ, то та же цѣль—сдѣлать званіе посла доступнымъ наибольшему количеству сеймикующей шляхты достигалась инымъ путемъ, а именно путемъ разныхъ ограниченій самаго

18) Praesentes etiam in absentes statuunt. *Ibid.*, II, 329.

19) *Ibid.*, II, 375 sq.

20) *Ibid.*, II, 229.

21) *Pawiński*, 57.

22) *Bobrzyński*. Dzieje Polski. II, 363. *Hüppe*, 161. Цифры указаны для времени послѣ перваго раздѣла.

23) *Pawiński*, 56—58.

24) Życzliwych ojczyznie synów i do zasłużenia sił ochotnych znacznie wzmógł się poczet.... aby tem otworzystsze chęci ich do pzysługi Rzeczypospolitej być mogło pole. Lauda i instrukcyje sejmikowe. III, 19. Znaczna ich mości braci konkurencya do usługi publicznej. V, 21.

права быть переизбраннымъ въ послы, хотя не всѣ мѣры, придумывавшіяся съ этою цѣлью сеймиками, получили силу закона. Куявская инструкція 1670 г. заключала въ себѣ желаніе, чтобы впредь послы могли вновь выбираться лишь черезъ три года на четвертый, чтобы «дать возможность послужить Рѣчи Посполитой и многимъ другимъ братьямъ, а не все однимъ и тѣмъ-же» (sposobić tak wielu innych braci, nie zawsze jednych, do przysługi Rzeczypospolitej); черезъ два года желаніе это было повторено съ подобнымъ-же мотивомъ, что нужно-де дать и другимъ обывателямъ, любящимъ общее благо, послужить общей матери отчизнѣ, чему мѣшаетъ «часто повторяющаяся посылка на сеймы однихъ и тѣхъ-же ихъ милостей пановъ пословъ» (często powtórzona jednychże ichm. pp. posłów na sejmy wyprawa); совершенно также въ 1766 г. поручено было посламъ радзѣёвскаго сеймика домогаться, кромѣ увеличенія числа пословъ, и запрещенія бывшимъ посламъ вновь выступать кандидатами ранѣе, нежели черезъ четыре года, дабы, какъ сказано въ инструкціи, «открыть болѣе широкую дорогу столь многимъ ихъ милостямъ воеводствъ нашихъ обывателямъ, желающимъ послужить Рѣчи Посполитой въ публичныхъ должностяхъ» [25]). Въ отбываніи обязанностей посла видѣли даже средство воспитанія гражданъ, распространенія знаній о состояніи и дѣлахъ государства [26]). За всѣмъ тѣмъ въ послы могли выбираться всѣ «possessionati», т. е. владѣвшіе имѣніями въ воеводствахъ («голоты» не выбирали), лишь-бы, главнымъ образомъ, они не были воеводами и каштелянами, входившими въ число сенаторовъ, не состояли подъ судомъ и не принадлежали (въ XVIII в.) къ диссидентамъ [27]), de facto однако выборъ чаще всего падалъ на мѣстныхъ должностныхъ лицъ, бывшихъ также выборными [28]). Послы исполняли свои обязанности за извѣстное вознагражденіе [29]) и, кромѣ того, пользовались своимъ положеніемъ, чтобы выхлопатывать себѣ должности, привилегіи, крулевщизны, а не то—чтобы брать деньги отъ предводителей партій и иностранныхъ дворовъ [30]). Выбирать также имѣли право съ конца XVII в. только одни поссессіонаты [31]), хотя «за-

---

25) *Ibid.*, II, 312, 371. V, 229. *Pawiński*, 59—60.

26) *Pawiński*, 60.

27) *Lengnich*. II, 231—232, 326—327.

28) *Pawiński*, 62 sq.

29) *Ibid.*, 66 sq.

30) *Ibid.*, 70 sq.

31) Nuntii eliguntur.... ut tamen et qui eligunt, et qui eliguntur possessiones habeant in palatinatu ac terra, ex qua nuntii eligendi. *Lengnich*. II, 326.

гоновая» шляхта, или «голота» не устранялась отъ другихъ сеймиковыхъ дѣлъ [32]). Выбирались послы большинствомъ голосовъ (suffragiorum, votorum pluralitate), хотя постоянно дѣлались попытки ввести единогласіе и иногда не безъ успѣха, такъ что даже при выборѣ пословъ сеймики нерѣдко срывались [33]). Выбранные послы, какъ мы упоминали, получали отъ своихъ довѣрителей инструкціи, общее значеніе коихъ было нами уже разсмотрѣно въ главѣ, гдѣ шла рѣчь о взаимныхъ отношеніяхъ между сеймами и сеймиками. Односословность и конгрессивность польскаго сейма находила свою параллель въ тѣхъ требованіяхъ этихъ наказовъ, выдвигавшихъ на первый планъ сословные интересы шляхты [34]) и сепаратистическія стремленія воеводствъ [35]). Послы должны были присягать, между прочимъ, въ вѣрномъ соблюденіи инструкцій [36]), а по окончаніи сеймовъ давать отчетъ въ своей дѣятельности на такъ-называемыхъ извѣстительныхъ, или реляціонныхъ сеймикахъ (s. relacyjne, conventus relationum), установленныхъ въ концѣ XVI вѣка [37]). Время ихъ собиранія опредѣляли послы въ сеймовыхъ конституціяхъ, сначала различное для отдѣльныхъ воеводствъ и земель, но потомъ въ одинъ и тотъ-же день для всего государства, или-же срокъ назначался королемъ, что̀ всегда имѣло мѣсто, если сеймъ былъ сорванъ [38]). Реляціонные сеймики de jure не могли измѣнять или отвергать принятаго на сеймѣ, хотя de facto это случалось, и только реляціонные сеймики тѣхъ воеводствъ, послы коихъ не присутствовали на сеймѣ, имѣли право одобренія сеймовыхъ конституцій [39]). На этихъ-же сеймикахъ рѣшались иногда тѣ дѣла, которыя «относились до братіи», т. е. окончательно на сеймѣ не рѣшались [40]), и съ тою-же цѣлью созывалъ ихъ король, если нужно было

---

[32]) *Pawiński*, 21.

[33]) *Ibid.*, 21—22, 25, 61, 373 sq. и др.

[34]) См. интересный анализъ содержанія инструкцій съ этой точки зрѣнія у проф. Павинскаго на стр. 92—106.

[35]) *Ibid.*, 108 sq.

[36]) *Ibid.*, 80—82.

[37]) См. въ конституціи варшавскаго сейма 1591 г. статью подъ заглавіемъ «złożenie zjazdów po seymie». Vol. leg., II, 1377.

[38]) *Lengnich*. II, 432—434.

[39]) Id potissimum de his conventibus notandum non fas esse in iis mutare aut tollere quae in comitiis sancita.... Contra habent palatinatus et terrae, ex quibus nuntii in comitia profecti non sunt, facultatem suo assensu probandi, quae ipsis absentibus in comitiis constituta sunt. *Ibid.*, 434—435. Ленгнихъ выставилъ принципъ, притомъ имѣя въ виду свое время, но на дѣлѣ и въ болѣе раннюю эпоху случалось иначе. *Pawiński*, 376. *Hüppe*, 167.

[40]) См. выше, стр. 69 sq.

обсудить дѣла, оставшіяся не рѣшенными на сорванномъ сеймѣ [41]). Вслѣдствіе этого въ періодъ наибольшаго униженія сейма, «все явственнѣе и явственнѣе, какъ говоритъ проф. Павинскій, выдвигаются на первый планъ посеймовые или реляціонные сеймики» [42]).

Переходимъ къ самымъ сеймамъ [43]).

Очередные или обыкновенные сеймы собирались по закону 1573 г. черезъ каждые два года, но только въ 1717 г. былъ разъ навсегда назначенъ и день для начала сейма, именно понедѣльникъ послѣ Михайлова дня (29 сент.), причемъ счетъ долженъ былъ вестись съ 1716 года. Если-бы очередной сеймъ по случаю отъѣзда короля или какой-либо другой причинѣ былъ пропущенъ, то нужно было ожидать слѣдующаго срока, равно какъ не бывало очередныхъ сеймовъ въ годы, когда созывались экстренные. По послѣдней причинѣ не было очередныхъ сеймовъ въ 1726, 1732, 1736 гг., въ 1742 г. сейма не было, и слѣдующій собрался только въ 1744 г.; въ августѣ 1750 г. былъ созванъ экстренный сеймъ, но былъ сорванъ до избранія маршалка, а потому очередной сеймъ могъ состояться только черезъ два года; сеймъ 1756 г. былъ уже назначенъ, но вслѣдствіе отбытія короля въ Саксонію не состоялся. Мѣстомъ общихъ польско-литовскихъ сеймовъ послѣ люблинской уніи 1569 г. сдѣлалась Варшава, но съ 1673 г. она должна была чередоваться черезъ два раза въ третій съ Гродномъ, хотя это соблюдалось не очень строго; притомъ сеймы конвокаціонный, элекціонный и первые два очередные послѣ коронаціоннаго должны были происходить въ Варшавѣ, коронаціонный-же — всегда въ Краковѣ. Сеймы 1576 и 1626 гг. собирались въ Торнѣ, 1595 и 1603 — въ Краковѣ, 1653 — въ Брестѣ-Литовскомъ, въ

---

41) *Pawiński*, 119, 388 и др.

42) *Ibid.*, 376. Кромѣ сеймиковъ посольскихъ и реляціонныхъ, существовали еще въ Польшѣ разные сеймики: 1) депутатскіе (s. deputackie, c. deputationum), гдѣ выбирались депутаты въ трибуналъ; 2) хозяйственные (s. gospodarskie, c. oeconomici) по вопросамъ внутренняго самоуправленія воеводствъ и земель и 3) сеймики для выбора земскихъ должностныхъ лицъ. Cf. *Lengnich*. II, 436.

43) Въ дальнѣйшемъ мы слѣдуемъ главнымъ образомъ *Ленгниху*, который о сеймахъ (de comitiis) даетъ весьма обширную главу во второмъ томѣ своего jus publicum regni poloni (lib. IV, cap. II), заключающую въ себѣ около 85 стр. (346—431). Многое изъ этой главы уже было приведено нами въ предыдущей главѣ нашего очерка, и чтобы не накоплять ссылокъ, мы ограничиваемся здѣсь общимъ указаніемъ на названный отдѣлъ книги Ленгниха. Подробности, заимствованныя нами у другихъ авторовъ, отмѣчены ссылками на этихъ послѣднихъ.

1703—въ Люблинѣ. Распорядокъ сейма, полиція безопасности, таксація съѣстныхъ припасовъ, отводъ даровыхъ квартиръ для сенаторовъ и пословъ зависѣли отъ великихъ маршалковъ короннаго или литовскаго, смотря по городу, гдѣ собирался сеймъ. Послы во время послѣдняго пользовались разными привилегіями, обезпечивавшими ихъ личную неприкосновенность, и находились подъ особымъ покровительствомъ упомянутыхъ маршалковъ. Сеймъ открывался торжественнымъ богослуженіемъ, на которомъ присутствовали король, сенаторы и земскіе послы [44]), послѣ чего всѣ послы черезъ маршалка послѣдняго сейма просили у короля позволенія удалиться въ свою палату (izba, conclave) для избранія маршалка, ибо, не избравъ своего маршалка, послы не могли приступать къ своимъ занятіямъ. (Обѣ «избы», т. е. и сенаторская и посольская находились въ варшавскомъ или гродненскомъ замкѣ). Дальнѣйшій порядокъ сеймованія былъ строго установленъ обычаемъ и законами [45]). На первомъ мѣстѣ они ставятъ избраніе сеймоваго маршалка, послѣ чего послы пріобрѣтаютъ «facultatem agendi», называющуюся «activitas», до избранія же маршалка предсѣдательствовалъ въ посольской избѣ маршалокъ послѣдняго сейма, если онъ снова попадалъ въ число пословъ, въ противномъ же случаѣ—первый посолъ провинціи, изъ коей былъ маршалокъ. Этотъ первый актъ посольской избы иногда затягивался до нельзя, и, напр., въ 1592 г. выборы только на четвертой недѣлѣ пришли къ благополучному концу; законъ 1678 г., не разъ потомъ подтверждавшійся, требовалъ, чтобы избраніе кончалось въ первый-же день, но это не всегда наблюдалось. Въ 1688 г. сеймъ былъ сорванъ прежде, нежели успѣли выбрать маршалка, и этому примѣру послѣдовали сеймы 1695, 1698, 1701, 1720, 1729, 1730, 1732, 1750, 1754, 1760, 1761, 1762 гг. При выборахъ до извѣстной степени наблюдалась очередь, въ силу каковой на эту должность должны были попадать одинъ за другимъ послы изъ трехъ главныхъ провинцій Рѣчи Посполитой, т. е. изъ Великой и Малой Польши и Литвы, и такой обычай въ 1673 г. получилъ силу закона. Поэтому

---

44) Въ эпоху распространенія протестантизма среди шляхты это богослуженіе почти совсѣмъ не посѣщалось земскими послами. См. мой «Очеркъ реформаціоннаго движенія въ Польшѣ», 72—73.

45) *Lengnich* (II, 356; l. IV, c. II, § VIII: ordo comitiorum compendio descriptus) слѣдуетъ конституціи 1690 г. Изображенный имъ порядокъ не отличается отъ того, какой описанъ въ «Ист. о нынѣшнемъ сост. правит. польскаго» (на стр. 124 и слѣд.) «по узаконенію 1736 г.» О другихъ узаконеніяхъ *Hüppe*, 139.

маршалокъ не могъ и переизбираться на слѣдующемъ сеймѣ. «Вотъ какъ происходилъ выборъ маршалка, говоритъ Ленгнихъ. Маршалокъ прежняго сейма.... спрашивалъ пословъ, желаютъ-ли они приступить къ избранію новаго. Если изъявлялось согласіе словами или молчаніемъ, то онъ тотчасъ-же отбиралъ мнѣнія. Если-же не соглашались одинъ или два, или нѣсколько пословъ, требуя, чтобы сдѣланы были прежде другія дѣла, то маршалокъ старался склонить несогласныхъ, въ чемъ ему помогали послы, не желавшія замедлять совѣщанія. Отсюда возникали пререканія, такъ что или во время ихъ срывались сеймы, или-же въ этихъ спорахъ протекало время сейма». Въ случаѣ общаго согласія или прекращенія споровъ, «послы подаютъ голоса по порядку воеводствъ и земель, ихъ выславшихъ, что у нихъ называется голосовать per turnum, и при этомъ начинаютъ поочередно, то съ Малой Польши, то съ Великой», изъ-за чего возникали недоразумѣнія, къ коимъ присоединились еще и притязанія литвиновъ. «Первый подающій голосъ, продолжаетъ Ленгнихъ, называетъ кандидата и высказывается за него; слѣдующіе за нимъ соглашаются или выставляютъ своихъ, и если голоса раздѣляются между многими, то побѣждаетъ большинство.... Есть и краткій способъ избранія, когда одинъ рекомендуетъ кандидата, а всѣ остальные кричатъ *zgoda*, каковое польское слово обозначаетъ согласіе или *placet*, и этотъ способъ называется выбирать словомъ *placet*». За этимъ слѣдовали разныя формальности облеченія новоизбраннаго его саномъ, причемъ самъ онъ съ 1669 года приносилъ присягу, утвержденную конституціей 1678 г.: сущность присяги заключалась въ торжественномъ обѣщаніи— не вносить въ сборникъ законовъ (volumen legum) конституціи, противъ которой подымался голосъ и относительно согласія на которую трижды не было спрошено, не отказываться отъ вписанія и отъ собственноручной подписи конституцій, всѣми одобренныхъ, и не медлить съ разсылкою ихъ по гродамъ. Обязанности и права маршалка были въ сущности обязанностями и правами предсѣдателя и представителя посольской избы передъ королемъ и сенатомъ, и отъ него весьма много зависѣло, какъ шелъ сеймъ: по словамъ Ленгниха, дѣянія сеймовъ свидѣтельствуютъ, что часто уму и ловкости маршалка уступалъ самый упрямый духъ противорѣчія. За свою трудную работу онъ получалъ большое жалованье и могъ надѣяться на высшую награду въ видѣ сенаторства или крулевщизны. Въ отсутствіи маршалка засѣданій быть не могло, а при его нездоровьѣ замѣщалъ его первый посолъ той провинціи, изъ которой былъ самъ маршалокъ. Онъ долженъ былъ до конца исполнять свою должность,

хотя-бы его возводили въ санъ сенатора. При немъ состоялъ имъ самимъ назначенный нотарій, или секретарь.

Слѣдующимъ за избраніемъ маршалка дѣломъ посольской избы была своего рода повѣрка полномочій пословъ, послѣ чего назначалось торжественное засѣданіе всего сейма, бывшее только началомъ цѣлаго ряда общихъ собраній короля, сенаторовъ и пословъ. Сначала маршалокъ чрезъ особое посольство извѣщалъ короля о своемъ вступленіи въ должность, и при этомъ послы просили назначить день, когда посольская изба могла явиться привѣтствовать короля. Въ назначенный день происходило тронное засѣданіе, и здѣсь прежде всего произносились привѣтственная рѣчь маршалка и отвѣтная рѣчь канцлера, а по окончаніи рѣчей послы допускались къ королевской рукѣ по старшинству своихъ воеводствъ (кромѣ того, послы все время стояли позади скамей каштеляновъ). По окончаніи этой церемоніи происходило чтеніе договорныхъ статей (pacta conventa), заключенныхъ при избраніи короля, дабы послы (по договорнымъ статьямъ Станислава Августа, и сенаторы) имѣли случай указывать на совершенныя отъ нихъ отступленія. За этимъ чтеніемъ слѣдовала пропозиція отъ трона: великій канцлеръ читалъ статьи, предлагавшіяся на обсужденіе сейма, а обсужденію его подлежали война, міръ, союзы и вообще внѣшнія отношенія, законы и внутренніе распорядки государства, установленіе налоговъ и пр. и пр. [46]). Потомъ опять происходило чтеніе секретныхъ документовъ, хранившихся до поры, до времени въ архивѣ и раньше сообщавшихся только немногимъ членамъ сейма (acta ad archivum data), а также чтеніе сенатскихъ постановленій (senatus consulta). Наконецъ происходила уже извѣстная намъ раздача вакантныхъ должностей и государственныхъ имуществъ по формальной просьбѣ маршалка, объявлявшаго притомъ, что послы не приступятъ къ своимъ занятіямъ, пока просьба эта не будетъ исполнена,—и подача голосовъ сенаторами по вопросамъ, возбужденнымъ въ королевской пропозиціи, съ назначеніемъ сенатской депутаціи для составленія новыхъ узаконеній, а въ заключеніе образовывались контрольныя коммиссіи (по финансамъ и военному дѣлу) и выслушивались реляціи по внѣшней политикѣ и войску. Во всѣхъ общихъ собраніяхъ сейма, продолжавшихся нѣсколько дней, равно какъ и въ слѣдовавшихъ затѣмъ посольскихъ засѣданіяхъ, присутствовали такъ называемые «арбитры» изъ публики, съ которыми была

---

[46]) См. у *Ленгниха* кн. IV, гл. VI (de juribus quae rex una cum ordinibus exercet), § II и слѣдующія главы до конца.

большая вовня маршалку, хотя ихъ вообще мало стѣсняли. Серія общихъ собраній оканчивалась «регрессомъ», т. е. возвращеніемъ пословъ въ свою избу.

Только послѣ этого начинались отдѣльныя засѣданія земскихъ пословъ подъ предсѣдательствомъ своего маршалка: здѣсь-то и совершилась «фабрикація законовъ». За назначеніемъ пословъ, которые должны были составлять будущія конституціи, маршалокъ спрашивалъ всю избу, желаетъ ли она начать съ дѣла, которое онъ вноситъ, и если всѣ были согласны, то подавались мнѣнія, но обыкновенно этому согласію предшествовали голоса, требовавшіе различныхъ вещей или опровергавшіе требованія другихъ, такъ что цѣлые дни проходили въ этомъ спорѣ, причемъ ходъ совѣщаній нѣсколько разъ останавливался, а иногда и самый сеймъ срывался прежде, нежели рѣшали вопросъ, съ чего начать свои занятія. Голоса подавались по порядку воеводствъ и повѣтовъ. При согласіи, выраженномъ крикомъ «згода», секретарь записывалъ и громко причитывалъ мнѣніе, а маршалокъ три раза спрашивалъ, всѣ-ли согласны, и если никто не противорѣчилъ (nemine contradicente), то дѣло считалось въ посольской избѣ рѣшеннымъ. Но такъ бывало рѣдко: обыкновенно возникали безпорядочные споры, дѣлавшіе много хлопотъ маршалку, такъ какъ обязанностью его было приводить къ единогласію, и дѣло могло кончиться сорваніемъ сейма посредствомъ «nie masz zgody» (нѣтъ согласія) или «nie pozwalam» (не позволяю). Намъ уже извѣстно происхожденіе *liberum veto*, находившаго поддержку въ сепаратизмѣ воеводствъ, но въ сущности отдѣльные послы пользовались этимъ правомъ по своему усмотрѣнію, такъ что случались несогласія между послами одного и того же воеводства или сеймъ срывался по частному дѣлу, совершенно неизвѣстному избирателямъ [47]): съ распространеніемъ въ Польщѣ римскихъ политическихъ идей, не всегда, конечно, надлежащимъ образомъ понятыхъ, земскіе послы вообразили себя народными трибунами, которымъ принадлежало jus intercedendi [48]),

---

[47]) Quamvis autem nobilitatis nuntii, eorum a quibus missi, nomine consultant, saepe tamen suo arbitratu agunt. Dum enim.... ob privatam causam, illis quorum legati sunt ignoratam, comitia irrita reddunt, etiam inter se dissentientibus, qui ex uno palatinatu aut terra missi, non ad praescriptum mandatorum, sed pro voluntate illos agere statuendum est *Ibid.*, II, 236.

[48]) *Hüppe*, 146. Знаменитый Янъ Замойскій (въ к. XVI в.) уже именно такъ думалъ: «Nuntii, qui vocantur terrestres, habent *intercessionem tribunitiae potestatis*, adeo ut ex his unus possit omnia perturbare impedire. *Hoffman*. Historya reform politucznych w Polsce, 104.

но за единичнымъ посломъ, срывавшимъ сеймъ, скрывалось всегда нѣкоторое меньшинство посольской избы и притомъ самое «nie pozwalam» имѣло бы значеніе лишь по отношенію къ одному какому-либо вопросу, обсуждавшемуся на сеймѣ, не мѣшая дальнѣйшему ходу дѣлъ, если бы сеймики, особенно съ конца XVII в., не стали требовать отъ своихъ пословъ, чтобы они въ извѣстныхъ случаяхъ срывали сеймъ, т. е. уходили съ сейма съ протестомъ, выѣзжали изъ города и провозглашали все сдѣланное на сеймѣ не имѣющимъ никакой силы [49]), и если бы въ примѣненіи послами juris intercedendi на собственный страхъ не видѣли защиты сеймиковой автономіи и шляхетской вольности [50]). Въ связи со срываніемъ сеймовъ и по тѣмъ-же побужденіямъ [51]) послы иногда пріостанавливали совѣщанія, что выражалось словами—«sistere activitatem»: стоило одному послу прокричать: «sisto activitatem», чтобы сеймъ прекратилъ свои занятія, пока послу не будетъ угодно возвратиться, дабы продолжать совѣщанія, и бывали примѣры, что вслѣдствіе этого безплодно проходилъ законный срокъ сейма [52]). Съ другой стороны, если «veto» одного посла уничтожало не одинъ какой-либо законъ, а всѣ уже принятыя постановленія сейма, а пріостановка activitatis по частному вопросу прерывала вообще сеймовыя занятія, то это стояло въ связи и съ тѣмъ взглядомъ, по которому сеймъ каждый разъ вырабатывалъ въ сущности только одну конституцію [53]). Въ сущности до послѣднихъ временъ Рѣчи Посполитой, когда стали вносить нѣкоторыя ограниченія въ пользованіе *liberum veto*, интерцессія дозволялась во всѣхъ собраніяхъ сейма, т. е. до и послѣ избранія маршалка, въ началѣ, серединѣ и концѣ сейма, въ общихъ собраніяхъ, происходившихъ въ залѣ сената, и въ засѣданіяхъ одной посольской избы и т. д. Въ случаяхъ, къ коимъ примѣнялось выраженіе «sistere activitatem», засѣданіе могло еще продолжаться, но все, что въ немъ говорилось, должно было ограничиваться увѣщаніями и убѣжденіями, имѣвшими цѣлью уломать упрямаго посла: просили его возвратить посламъ

---

[49]) *Pawiński*, 79, 368 sq.

[50]) *Ibid.*, 370.

[51]) *Ibid.*, 368.

[52]) Eadem in sistendo consiliorum cursu viget potestas, ut dum caeteri progredi volunt, unus inhibere queat, quod *sistere activitatem* vocant, quae redditur, quando contradicens ab intercessione sua recedit. Hoc modo saepe consultationes interpellantur et tempus comitiis lege constitutum, sine fructu transit. *Lengnich*. II, 234.

[53]) *Hüppe*, 149.

«activitatem» и маршалокъ, и нѣкоторые послы, и сенаторы, если дѣло происходило при нихъ. Стоило такому послу удалиться изъ засѣданія, къ нему на квартиру и разъ, и другой являлись упрашивать, чтобы онъ возвратился; пускался при этомъ въ ходъ и королевскій авторитетъ, и награды, и если посолъ возвращался, ему приносили благодарность, осыпали его похвалами. Такая исторія въ теченіе одного сейма могла повторяться нѣсколько разъ, причемъ посолъ, останавливавшій ходъ совѣщаній, иногда возвращался только подъ извѣстнымъ условіемъ. Если-же ничто не дѣйствовало и посолъ удалялся изъ города, занося въ гродскіе акты объясненіе причинъ своего поведенія, то сеймъ закрывался: маршалокъ объявлялъ объ инцидентѣ всѣмъ тремъ чинамъ Рѣчи Посполитой и, поручивъ ея благополучіе королю, просилъ допустить пословъ къ цѣлованію его руки; когда-же сеймъ срывался до избранія маршалка, то послы покидали сеймъ безъ привѣтствія королю.

Возвращаемся къ описанію хода занятій сейма. Мы уже видѣли, что въ посольской избѣ разсматривались не только тѣ дѣла, которыя были предложены королемъ, но и вопросы, возбуждавшіеся самими послами [54]): если предложеніе того или другаго посла не принималось общимъ согласіемъ, а онъ настаивалъ на своемъ предложеніи, являлся еще разъ поводъ сорвать сеймъ. Кромѣ того, какъ опять-таки мы видѣли, возможны были раздѣленія сейма на провинціальныя сессіи съ цѣлью установленія согласія между послами въ томъ случаѣ, если между ними возникало разногласіе по важнымъ вопросамъ, требовавшимъ рѣшенія для блага Рѣчи Посполитой [55]). Достигалась-ли цѣль такихъ сессій или нѣтъ, послы въ концѣ концовъ опять сходились въ свою «избу», гдѣ и продолжали совѣщаться прежнимъ порядкомъ, но такъ какъ дѣло обыкновенно замедлялось, то король присылалъ трехъ сенаторовъ поторопить пословъ. Совѣщанія затягивались вслѣдствіе того, что послы должны были говорить «per turnum», причемъ каждый посолъ считалъ себя въ правѣ касаться самыхъ различныхъ предметовъ [56]), или-же могли вмѣшиваться въ пренія безъ всякаго порядка [57]). Пока послы совѣщались, происходилъ сеймовой судъ, на которомъ король рѣшалъ по большинству голосовъ, подававшихся сенатомъ и восемнадцатью земскими послами, для этого назначавши-

[54]) См. выше, гл. IV, стр. 103

[55]) См. въ началѣ этой главы, стр. 112.

[56]) .... ex tempore, occasione se subito offerente, aliena immiscent. *Lengnich*. II, 236.

[57]) *Hüppe*, 143-144.

мися маршалкомъ. Дѣла, подлежавшія этому суду, отличались разнообразіемъ; между прочимъ ему были подсудны государственныя преступленія, а кромѣ того въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ онъ былъ и аппелляціонной инстанціей. Засѣданія его продолжались только до того времени, когда послы оканчивали свои занятія; если сеймъ срывался, то и судъ долженъ былъ прекращаться, но рѣшенія, постановленныя имъ до такого окончанія сейма, не теряли своего значенія.

Продолжительность сейма была опредѣлена закономъ 1573 г. въ шесть недѣль, вслѣдствіе чего очередные сеймы назывались иначе шестинедѣльными, и хотя нѣкоторые законы XVII в. запрещали сокращать или удлиннять этотъ срокъ, случалось и то, и другое, конечно, съ согласія всѣхъ трехъ чиновъ государства. Нѣкоторые сеймы (именно 1692, 1696, 1701, 1738, 1740, 1744, 1746 и 1748 гг.) остались безъ всякаго результата вслѣдствіе нежеланія пословъ продолжить сеймъ. За пять дней до истеченія шестинедѣльнаго срока послы должны были кончать свои занятія, но это случалось рѣдко: приходилось большею частью продолжать сеймъ. Все, что не успѣвали разсмотрѣть, откладывалось до слѣдующаго сейма и для памяти записывалось въ конституціяхъ подъ титуломъ «рецесса» (recessus), хотя это не обезпечивало того, чтобы дѣла, внесенныя въ рецессъ (in recessum relata), были разсмотрѣны на слѣдующемъ сеймѣ, если онъ даже не срывался. По окончаніи занятій въ посольской избѣ, какъ было уже говорено [58]), происходило общее собраніе всѣхъ трехъ чиновъ Рѣчи Посполитой, на которомъ происходило окончательное принятіе конституцій, требовавшее опять-таки единогласія и, конечно, не исключавшее возможности срыванія сейма. Это собраніе должно было окончиться въ пять дневныхъ засѣданій, хотя разрѣшалось затягивать послѣднія и до поздней ночи, но только безъ огня: одному маршалку, читавшему конституціи, приносили огарокъ свѣчи. Впрочемъ, въ 1764 г. дозволено было впредь засѣдать и при свѣчахъ. Иногда послы запаздывали, и тогда оставалось только продлить срокъ. Послѣднее засѣданіе, случалось, затягивалось до утра слѣдующаго дня, хоть-бы пришелъ «радостный конецъ», какъ выражается Ленгнихъ, и король въ такомъ случаѣ долженъ былъ оставаться все время: въ 1668 г. Янъ Казиміръ удалился изъ ночнаго засѣданія, и уже думали, что сейму, не довершившему своихъ дѣлъ, пришелъ конецъ. До 1717 г. заключительнымъ дѣломъ сейма было объявленіе послами, какія суммы будутъ внесены въ видѣ налоговъ ихъ воеводствами и

---

[58]) См. выше, гл. IV, стр. 101.

землями, но въ 1717 г. впредь до измѣненія было установленъ опредѣленный налогъ на содержаніе войска, и, говоритъ Ленгнихъ, уже въ началѣ царствованія Станислава Понятовскаго, «съ этого времени чины не дѣлали никакихъ постановленій о податяхъ». Когда чинамъ не оставалось болѣе ни о чемъ совѣщаться, провозглашались имена сенаторовъ, которые должны были находиться при королѣ до слѣдующаго сейма, и объявлялись приговоры сеймоваго суда, если таковые были. Наконецъ произносились прощальныя рѣчи (маршалка сеймоваго и канцлера), происходило цѣлованіе королевской руки, и служился благодарственный молебенъ, сопровождавшійся пушечными выстрѣлами. Для того, чтобы конституціи получили законную силу, нужно было правильное окончаніе сейма, но въ 1712, 1718 и 1724 гг. чины, утвердивъ конституціи, отложили окончаніе сейма до другаго времени, не имѣя возможности все покончить и не желая разойтись безъ всякаго результата. Это, какъ выражается Ленгнихъ, было необычнымъ и новымъ установленіемъ и получило названіе «лимитаціи» или пророгаціи сейма. Сеймы «ex limitatione» считались продолженіемъ начатыхъ раньше, но два изъ трехъ указанныхъ были сорваны, а третій запретилъ впредь лимитацію, хотя запрещеніе это не удержалось (напр., лимитація четырехлѣтняго сейма). Могло случиться окончаніе сейма безъ результата и въ такомъ случаѣ, если никто его не срывалъ: это происходило тогда, когда все время безплодно было потрачено, а продленія сейма послы не желали. Маршалъ въ двухъ словахъ констатировалъ потерю времени, прощальнаго привѣтствія королю не было, да и благодарственнаго молебна, разумѣется, не служили.

Чрезвычайные сеймы мало чѣмъ отличались отъ очередныхъ, если не считать нѣкоторыхъ сокращеній въ срокахъ и обрядностяхъ. Созывать такіе сеймы могъ равнымъ образомъ только король ex senatorum consilio, и ему-же принадлежало право уменьшать число формальностей или даже совсѣмъ ихъ отмѣнять. Когда въ 1761 г. король созвалъ чрезвычайный сеймъ, не посовѣтовавшись съ сенаторами, то посламъ это не понравилось, а потому до избранія маршалка сеймъ былъ сорванъ, и впредь король былъ обязанъ всегда совѣтоваться въ подобныхъ случаяхъ съ сенаторами [58*]).

Къ особой категоріи принадлежали сеймы, собиравшіеся въ безкоролевья: главный изъ нихъ былъ избирательный, или элекціонный;

[58*]) Утвержденіе «Ист. о нынѣшнемъ сост. правит. польскаго» (стр. 135), будто при чрезвычайныхъ сеймахъ король «не требовалъ мнѣнія отъ сенаторовъ», ошибочно.

ему предшествовалъ сеймъ созывательный, или конвокаціонный, а слѣдовалъ за нимъ сеймъ коронаціонный. Мы уже упоминали о происхожденіи тѣхъ представленій, которыя стали соединяться у поляковъ съ безкоролевьями: это были не простые промежутки между двумя царствованіями, а особыя состоянія Рѣчи Посполитой, когда непосредственно проявлялось шляхетское народовластіе [59]). Относительно безкоролевій выработалась въ Польшѣ цѣлая теорія, главная сущность которой заключалась въ ученіи о возвращеніи къ шляхтѣ по смерти короля всего верховенства въ Рѣчи Посполитой. Одинъ изъ публицистовъ эпохи четырехлѣтняго сейма (Езерскій), стоявшій самъ на монархической точки зрѣнія, говоритъ, что послѣ прекращенія династіи Ягеллоновъ польское правительство бываетъ то королевствомъ, то безкоролевьемъ [60]); безкоролевья же бываютъ естественныя, когда прекращается царствующій домъ,—случайныя при случайномъ удаленіи государя съ престола,—насильственныя въ родѣ того, которое было въ Англіи послѣ лишенія Стюартовъ престола,—и легальныя (prawne), возникающія изъ государственнаго права страны (z ustawy rządu krajowego), гдѣ существуетъ вольная элекція королей и по смерти одного другой ему наслѣдуетъ въ силу свободнаго избранія [61]). «Такимъ образомъ, заключаетъ авторъ, время промежутка между смертью одного короля и выборомъ другаго есть безкоролевье, т. е. правленіе безъ короля (rząd bez króla). Съ такимъ характеромъ безкоролевья должны имѣть законодательную и исполнительную власть». Сравнивая съ Польшею въ этомъ отношеніи папскій Римъ, гдѣ время отъ смерти одного папы до вступленія на престолъ другаго обозначается словами «sede vacante», а не выраженіемъ «interregnum», тотъ же писатель указываетъ на то, что избиратели папы могутъ заниматься только избраніемъ преемника умершему первосвященнику, не перенося на себя самой папской власти, и прибавляетъ, что то-же можно сказать о выборѣ магистра мальтійскаго ордена или венеціанскаго дожа: хотя смерть послѣднихъ и создаетъ перерывъ во времени занятія должности тѣмъ или другимъ лицомъ, но не измѣняетъ власти и не даетъ мѣста безкоролевью, т. е. «правленію безъ своего главы» (rządu bez swej głowy), какъ поясняетъ авторъ [62]). Аналогичное опре-

---

[59]) См. выше, гл. II, стр. 45 sq.

[60]) .... przemieniając rząd raz w królestwo, drugi raz w bezkrólewia. O bezkrolewiach w Polszcze y o wybieraniu krolow. Warszawa. 1790. Стр. 55. Эпиграфомъ поставлены слова: «Polonia est ne regnum an interregnum».

[61]) *Ibid.*, 3—4.

[62]) *Ibid.*, 5. Cf. 62—63.

дѣленіе безкоролевья мы находимъ въ одномъ полемическомъ произведеніи знаменитаго Гугона Коллонтая. У него мы равнымъ образомъ встрѣчаемъ классификацію безкоролевій, причемъ «легальное» опредѣляется, какъ «происходящее изъ политической конституціи королевства» [63]), ибо именно изъ естественнаго безкоролевья, наступившаго по смерти Сигизмунда Августа, Польша сдѣлала основу своей политической конституціи [64]). Оба названные автора были противниками избирательнаго престола и въ силу этого противниками «легальныхъ безкоролевій», но послѣднія они, люди конца XVIII в., понимаютъ совершенно такъ-же, какъ понимали ихъ предки второй половины XVI в. Вотъ въ чемъ заключалось это пониманіе: во время безкоролевья верховная власть (majestat rządowy, какъ выражается Езерскій) находилась вполнѣ у народа, т. е. у шляхты [65]), которая завязывала конфедераціи на своихъ сеймикахъ и начинала непосредственно пользоваться верховною властью [66]). Такимъ образомъ, съ 1573 г., когда въ первое «легальное» безкоролевье завязались сеймиковыя конфедераціи, перенесшія на себя «jus majestaticum», до 1791 г., когда конституціей 3-го мая отмѣнялись на будущее время безкоролевья, конфедераціи и элекціи, Польша время отъ времени превращалась изъ «regnum» въ «interregnum» или, говоря точнѣе, была то Рѣчью Посполитой подъ королевскою властью (respublica sub regno), то Рѣчью Посполитой подъ безкоролевьемъ (r. sub interregno). Въ первой половинѣ этой главы мы имѣли дѣло съ сеймами, собиравшимися королемъ: теперь мы перейдемъ къ разсмотрѣнію сеймовъ, созывавшихся въ безкоролевья, когда Рѣчь Посполитая лишена была своего перваго чина, только въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ замѣнявшагося на это время архіепископомъ гнѣзненскимъ, примасомъ Польши, который становился поэтому «интеррексомъ», bezkrólem [67]), не мѣшавшимъ однако народу-шляхтѣ пользоваться своею верховною властью при помощи конфедераціи [68]). Ограничиваясь этимъ общимъ понятіемъ о

---

[63]) *Hugo Kołłątaj*. Uwagi nad pismen, które wyszło w Warszawie p. t. Seweryna Rzewuskiego, o successyi tronu w Polsce. 1790. Цитируемъ по франц. переводу: „Observations sur un ouvrage intitulé: Essai sur le droit de succession au trône de Pologne. Par M. Kołłątaj". Varsovie. 1791. Стр. 25.

[64]) *Ibid.*, 26.

[65]) .... gdzie zupełnie widać majestat rządowy przy narodzie. O bez-krolewiach, 62.

[66]) *Pawiński*, 29 sq. Ср. у насъ выше, гл. II.

[67]) Это не значило, что къ нему переходила верховная власть. Ленгнихъ (II, 72 sq.), говоря объ особомъ положеніи примаса въ безкоролевьѣ, не совсѣмъ точно опредѣляетъ природу послѣдняго.

[68]) Prymasa miano za *bezkróla*, iwtym też właśnie czasie naród polski używał

безкоролевьяхъ, кромѣ того, что нами о нихъ было говорено раньше, переходимъ прямо къ сеймамъ, собиравшимся въ Рѣчи Посполитой въ такія междуцарствія.

Первый изъ такихъ сеймовъ былъ конвокаціонный, или созывательный, названный такъ, по объясненію знатоковъ польскаго государственнаго права, вслѣдствіе того, что на него созывались всѣ чины, хотя по той же причинѣ это названіе можно было прилагать ко всѣмъ сеймамъ вообще[69]). Сеймъ этотъ, равно какъ сеймики, долженствовавшіе были ему предшествовать, собирались по приглашенію примаса, коему и принадлежало право оффиціально объявлять о смерти короля[70]). Въ первое безкоролевье по прекращеніи династіи Ягеллоновъ шляхетское движеніе, приведшее къ образованію воеводскихъ конфедерацій, не было вызвано примасомъ, а возникло, повидимому, само собою[71]), и не безъ борьбы получилъ архіепископъ гнѣзненскій право на будущее время созывать сеймы во время безкоролевій[72]): оно именно было признано только на конвокаціонномъ сеймѣ 1573 г. Мѣстомъ послѣдняго, равно какъ и избирательнаго, всегда была Варшава. Послы по обыкновенію выбирали своего маршалка, являлись съ нимъ въ засѣданіе сената, гдѣ отъ самого примаса или государственнаго секретаря узнавали, о чемъ имъ предстояло совѣщаться[73]), самая-же процедура была такая-же, какъ и въ обыкновенныхъ сеймахъ[74]). Главнымъ дѣломъ здѣсь было рѣшить всѣ вопросы касательно предстоявшей элекціи, а также предпринять всѣ мѣры для охраны внутренняго и внѣшняго спокойствія Рѣчи Посполитой: авторитетъ обоихъ чиновъ государства былъ въ этомъ случаѣ не меньшій, нежели и на сеймахъ, созывавшихся королемъ, съ тѣмъ лишь различіемъ, что тутъ не происходило назначенія на высшія должности и раздачи королевскихъ имѣній. Здѣсь же утверждались постановленія сеймиковъ относительно организовавшихся конфедератскихъ судовъ и внутренней безопасности во время безкоролевья, самыя-же рѣшенія конвокаціон-

---

w całej zupełności władzy najwyższey, a że jasniey powiem, panował bez króla. O bez-krolewiąch, 63.

69) Comitia convocationis a convocando nomen habent, quia omnes ordines convocantur. *Lengnich.* I, 82.

70) *Ibid.*, I, 75.

71) *Pawiński*, 31. *Lengnich.* I, 76.

72) Ср. нашъ «Очеркъ реформаціоннаго движенія и католической реакціи въ Польшѣ», 170.

73) Дальнѣйшее по Ленгниху, т. I, стр. 83—95 (lib. II, cap. III: de interregno et comitiis convocationis, §§ XIV—XXVII).

74) Modus consultandi idem qui in aliis comitiis. *Ibid.*, I, 85.

наго сейма обозначались названіемъ «генеральной конфедераціи», причемъ такая конфедерація подписывалась примасомъ съ сенаторами и маршалкомъ съ земскими послами, а съ безкоролевья, наступившаго послѣ отреченія Яна Казиміра, и делегатами Кракова, Вильны, Львова и Познани. Указывая на послѣднее обстоятельство, Ленгнихъ прибавляетъ, что отсюда не слѣдуетъ дѣлать заключенія о какихъ-либо правахъ городовъ (ac si civitates censendi ac dissentiendi habeant potestatem), ибо имъ оставленъ только почетъ—подписываться подъ постановленіями, которыя имѣютъ силу сами по себѣ (ut missi ab iis ad comitia constituta ab ordinibus per se valida subscribendo probent). Такую же роль «статистовъ», какъ выражается Гюппе, играли городскіе уполномоченные и на элекціонныхъ сеймахъ [75]), а также и на коронаціонныхъ, гдѣ они допускались и къ цѣлованію королевской руки. Подписи подъ конфедераціей дѣлались нерѣдко съ разными оговорками, самыя же конфедераціи вносились въ число конституцій. Въ 1696 г. конвокаціонный сеймъ окончился неблагополучно вслѣдствіе «интерцессіи» одного посла, хотя большинство тѣмъ не менѣе составило конфедерацію. Послѣ сейма назначались реляціонные сеймики, гдѣ послы докладывали о всѣхъ принятыхъ рѣшеніяхъ, разсуждали о предстоявшей королевской элекціи, выбирались послы и для нихъ составлялись инструкціи.

За сеймомъ конвокаціоннымъ слѣдовалъ сеймъ элекціонный. Замѣчательно, что въ законахъ польскихъ было очень мало постановленій относительно того, какъ слѣдовало выбирать короля [76]), и все, что соблюдалось при этомъ важномъ актѣ государственной жизни, было основано на обычаѣ, который самъ однако не могъ восходить ко времени болѣе отдаленному, чѣмъ смерть Сигизмунда Августа [77]). Если еще въ 1530 г., когда поляки избрали послѣдняго королемъ при жизни его отца, было постановлено, что впредь въ королевской элекціи будетъ участвовать вся шляхта [78]), то самый способъ элек-

75) *Hüppe*, 100.

76) Modus quo rex eligendus in legibus praescriptus non est, cum quae de hoc in confoederationibus generalibus leguntur, pauca sint et minime totum illud negotium, quod tamen in praecipuis, absolvant. *Lengnich*. I, 101. О избирательныхъ сеймахъ ничего точнаго законами не опредѣлено: шляхетство почло-бы то за ограниченіе вольности своей, если-бы подвергнуты были оные сеймы особливымъ узаконеніямъ. Ист. о нынѣшн. сост. правит. польск., 138.

77) Pleraque eorum, quae in regis electione obtinent, usus suggerit, qui ultra mortem Sig. Aug. non est repetendus. *Lengnich*. I, 103. При описаніи элекціонныхъ сеймовъ мы пользуемся также указаніями Ленгниха (I, 101—188. lib. II, cap. IV de regis electione) за исключеніемъ ниже отмѣченныхъ мѣстъ.

78) *Vol. leg.* I, 495—496.

ціи не былъ опредѣленъ закономъ, пока живъ былъ послѣдній Ягеллонъ на польскомъ престолѣ: на сеймахъ въ его царствованіе нѣсколько разъ подымался объ этомъ вопросъ, но король постоянно откладывалъ его рѣшеніе до другаго раза. Вторичная попытка была сдѣлана въ томъ-же смыслѣ при Стефанѣ Баторіи. При избраніи его на престолъ было рѣшено, что новый король назначитъ для разсмотрѣнія этого вопроса особый сеймъ [79]), но отчасти такая мысль, что установленіе какого-либо закона ограничитъ вольность элекціи, отчасти подозрительность шляхты по отношенію къ королю не дали осуществиться первоначальному плану. По той же причинѣ не удалось что-либо сдѣлать и при Сигизмундѣ III, хотя при его избраніи тоже было выражено подобное желаніе [80]). Мало-по-малу и утвердился такой взглядъ, что вольная элекція должна была обезпечиваться именно полнѣйшей свободой, не стѣсняемой никакими законами.

Мѣстомъ, гдѣ долженъ былъ собираться элекціонный сеймъ, было поле подъ Варшавой, большею частью между этимъ городомъ и деревней Волей, а на сеймъ являлись сенаторы и шляхта не только въ видѣ земскихъ пословъ, но и лично, сколько-бы ея ни было. Мы уже упоминали, что въ сущности элекціонный сеймъ представлялъ изъ себя перенесеніе на одно мѣсто всѣхъ сеймиковъ [81]), вытекавшее изъ того взгляда на сущность дѣла, который образовался въ первое безкоролевье, и сдѣлавшееся впослѣдствіи необходимымъ въ виду партій и кандидатовъ, бывшихъ готовыми съ оружіемъ въ рукахъ добиваться польской короны: совокупность всѣхъ сеймиковъ представляла изъ себя посполитое рушеніе, и бывали случаи, когда королевская элекція могла совершиться не иначе, какъ подъ вооруженною охраною такого общаго ополченія [82]). Послѣдній конвокаціонный сеймъ въ Рѣчи Посполитой (1764 г.) предоставилъ на произволъ шляхты, выслать-ли пословъ на предстоявшую элекцію или явиться лично, но и раньше бывали случаи, когда за недостаткомъ времени сеймики высылали

---

[79]) Odkładamy to na seym ktory nam K. J. M. na tej koronacyi mianować ma osobny, gdzie już tam nioczym inszym zabawa nie ma bydź, jedno o postanowieniu tey sprawiedliwości et *de modo electionis regis liberae* na potomny czasy. *Ibid.*, II, 884 (literae constitutionis conventus generalis regni andrzeiowensis).

[80]) Także téż około artykulu *de interregno et electione* regis, żeby iako nalepszych modos szukali (т. е. послы). *Ibid.*, II, 1090 (Poparcie wolney elekcyi króla Zygmunta, III go).

[81]) Cf. *Pawiński*, 47 sq.

[82]) *Ibid.*, 49–50.

делегатовъ [83]), хотя это не препятствовало и каждому земянину, который нашелъ-бы возможнымъ ѣхать въ Варшаву, равнымъ образомъ принять участіе въ актѣ элекціи [84]). Такимъ образомъ избраніе короля viritim было общимъ правиломъ, а элекція сеймиковыми депутатами—исключеніемъ, и, какъ не безъ основанія думаетъ проф. Бобржинскій, поголовное участіе шляхты въ избраніи короля наносило ударъ вообще значенію земскихъ пословъ, которые много выиграли-бы, если-бы это право перешло къ нимъ однимъ [85]). Кромѣ того, на элекціонный сеймъ допускались делегаты нѣкоторыхъ городовъ (Кракова и Познани съ 1573 г., Варшавы въ 1575 г. и съ 1669 г., Сандоміра въ 1575 г., Вильны и Львова съ 1632 г. и другихъ городовъ болѣе или менѣе случайно) [86]). Собраніе происходило на мѣстѣ окруженномъ рвомъ и валомъ, въ коемъ было сдѣлано трое воротъ—для Великой Польши, Малой Польши и Литвы, и здѣсь (это мѣсто называлось «коло») собирались послы, для сенаторовъ же строился деревянный сарай (szopa); что касается до остальной шляхты, то она, собранная по воеводствамъ, располагалась въ видѣ военнаго лагеря вокругъ [87]). Это отдѣленіе сената и посольской избы отъ остальной шляхты знаменательно въ томъ отношеніи, что указывало на различіе ролей, какія принадлежали посламъ и остальной шляхтѣ. Ленгнихъ говоритъ, что «коло» можно было съ полнымъ правомъ назвать «comitium», ибо на этомъ мѣстѣ происходили совѣщанія, какъ и на обыкновенныхъ сеймахъ [88]); упоминая-же о шляхтѣ, явившейся на элекцію, онъ замѣчаетъ, что ея дѣло было только подавать голоса о кандидатахъ на престолъ, такъ какъ все остальное, предшествовавшее избранію или за нимъ слѣдовавшее, вѣдалось послами [89]). Прежде всего послѣ богослуженія въ каѳедральномъ соборѣ св. Яна послы выбирали себѣ маршалка, но при избраніи Августа II такое право было предоставлено всей шляхтѣ, вслѣдствіе чего на избраніе было потрачено сорокъ дней; конфедерація 1733 г. предо-

---

83) *Ibid.*, 52.

84) *Ibid.*, 53.

85) *Bobrzyński.* Dzieje Polski, II, 112.

86) *Hüppe*, 100.

87) Во второмъ томѣ соч. *Wilh. Oncken'a* Das Zeitalter Friedrichs des Grossen (Berlin. 1882) помѣщено (между стр. 444 и 445) fac simile старинной гравюры, изображающей польскій элекціонный сеймъ.

88) *Lengnich.* I, 114.

89) Horum non aliae sunt partes, quam ut suffragia in regni candidatos conferant, senatoribus et nuntiis reliquis, quae electionem praecedunt ac sequuntur, peragentibus. *Ibid.*, I, 115.

ставляла шляхтѣ опредѣлить на реляціонныхъ сеймикахъ или въ началѣ сейма способъ выбора маршалка, а конфедерація 1764 г. для ускоренія дѣла постановила, чтобы оно происходило только при утроенномъ числѣ пословъ. По принесеніи маршалкомъ присяги въ томъ, что онъ не подпишетъ избирательнаго диплома, если элекція не будетъ совершена съ согласія всѣхъ вообще и каждаго въ частности, послы соединялись съ сенаторами и выслушивали рѣчь примаса, указывавшаго на предметъ будущихъ совѣщаній, и грамоты чужеземныхъ государей. Тутъ-же примасъ и маршалокъ назначали нѣсколько сенаторовъ и пословъ въ общій каптуральный судъ, юрисдикція коего распространялась на все мѣсто элекціи и его окрестности [90]), а для руководства этому суду въ дѣлѣ поддержанія порядка дѣлались особыя постановленія. Затѣмъ послы переходили къ такъ называемымъ «экзорбитанціямъ», подъ коими разумѣлись всѣ правонарушенія, требовавшія устраненія [91]): занятіе этимъ вопросомъ передъ элекціей предписывали всѣ конфедераціи, начиная съ 1587 г., но только одинъ разъ, именно передъ избраніемъ Михаила Вишневецкаго, было дѣйствительно это исполнено, ибо обыкновенно дѣло откладывалось до новаго совѣщанія передъ коронаціей или до перваго очереднаго сейма, кромѣ тѣхъ пунктовъ, которые вносились въ «договорныя статьи» (pacta conventa) съ королемъ. Послѣднія составлялись при каждомъ избраніи заново, и притомъ съ теченіемъ времени возобладалъ обычай постановлять въ конфедераціяхъ, чтобы составленіе этихъ статей предшествовало самому избранію. Проволочки и тутъ бывали большія, тѣмъ болѣе и въ данномъ случаѣ неумѣстныя, что конфедераціи ограничивали элекціонный сеймъ извѣстнымъ срокомъ (съ 1632 г. шестинедѣльнымъ): большею частью по общему согласію приходилось накидывать нѣсколько дней.

Разсматривая здѣсь лишь одни сеймовые порядки, мы не можемъ касаться всего того, что только имѣло то или другое отношеніе къ избранію королей въ Польшѣ: само по себѣ это—вопросъ довольно сложный, распадающійся на нѣсколько болѣе частныхъ вопросовъ [92]).

---

[90]) Мы знаемъ уже (см. выше, стр. 46), что сеймиковыя конфедераціи устраивали свои суды, которые назывались каптуральными; такой-же судъ организовался и на элекціонномъ сеймѣ.

[91]) *Lengnich*. I, 88.

[92]) Во второй половинѣ XVIII в., особенно въ эпоху четырехлѣтняго сейма, вопросъ объ избирательномъ образѣ правленія дебатировался довольно горячо политическими писателями, да и самая исторія королевскихъ элекцій хорошо была разработана польскими и иностранными писателями. *De la Bizardière*. Histoire des diètes de Pologne pour les elections des rois. Amsterdam. 1697 и мн. др.

За составленіемъ договорныхъ статей слѣдовалъ пріемъ иностранныхъ пословъ, предлагавшихъ своихъ кандидатовъ, и чтеніе грамотъ, въ коихъ иногда рекомендовались кандидаты государями, не высылавшими своихъ пословъ (польскіе кандидаты пользовались также правомъ заявлять о себѣ черезъ особыхъ легатовъ), послѣ чего сторонники того или другаго кандидата говорили въ пользу своего избранника рѣчи и вообще всячески агитировали. Въ день, назначенный для элекціи, сенаторы и послы собирались въ отведенное для ихъ собраній мѣсто; шляхта, раздѣленная по воеводствамъ, являлась на коняхъ и занимала все поле. Примасъ обращался къ обоимъ чинамъ съ рѣчью, называлъ имена кандидатовъ, обращался съ молитвой къ Св. Духу (veni, Creator Spiritus) и, благословивъ сенаторовъ и пословъ, отправлялъ ихъ къ ихъ воеводствамъ, т. е. къ шляхтѣ, собравшейся на элекціонномъ полѣ viritim или въ качествѣ сеймиковыхъ делегатовъ, самый-же способъ подачи голосовъ былъ различный при разныхъ элекціяхъ [93]): hier gab es keine Regeln, совершенно вѣрно замѣчаетъ Гюппе [94]). Обыкновенно, впрочемъ, первый въ воеводствѣ или повѣтѣ, самостоятельно голосовавшемъ, сенаторъ, т. е. епископъ, воевода или каштелянъ, называлъ своего кандидата и другихъ вмѣстѣ съ нимъ; при согласіи на того или другаго кандидата шляхта кричала: «згода», но весьма часто возникало разногласіе, и каждая партія старалась перетянуть другихъ на свою сторону; если же согласія не получалось, то становилась иногда новая кандидатура, которая въ двухъ случаяхъ имѣла непредвидѣнный успѣхъ (Михаилъ Вишневецкій и Янъ Собѣскій). Государственные законы польскіе требовали, чтобы всѣ голоса сходились на одномъ лицѣ, и запрещали приставать къ избранію, которое не было единогласнымъ [95]). Въ случаѣ согласія сенаторы и послы отдѣльныхъ воеводствъ и земель сходились вмѣстѣ и объявляли о результатѣ, а вся остальная шляхта

---

93) *Lengnich*. I, 157 sq.

94) *Hüppe*, 101.

95) Въ генеральной варшавской конфедераціи 1573 г. читаемъ: żadnego rozerwania między sobą nie czynić, ani dismembracyi żadnej dopuścić, iako w iedney nierozdzielney R. P. ani iedna część bez drugiey pana sobie obierać, ani *factione privata* z inszymi narabiać. *Vol. leg.*, II, 841. Въ варшавской генер. конфед. 1587 г., кромѣ того, сказано: a inaczey na żadnego pana nie przyzwalać, iedno ktoregobyśmy przez wolne *suffragia* spolnie obierali. A ktoby bądź z rad abo urzędników koronnych y W. X. L., y *ex privatis personis* ważył się nominować, publikować abo koronować, *sine consensu omnium ordinum*: tedy każdego takiego *pro hoste patriae* mieć chcemy. *Ibid.*, II, 1055. То-же повторяется и въ позднѣйшихъ конфедераціяхъ.

въ то время весьма тѣсными рядами окружала «коло»: сеймовой маршалокъ называлъ воеводства и земли, и одинъ изъ пословъ читалъ заявленія отдѣльныхъ частей Рѣчи Посполитой. (При избраніи Станислава Понятовскаго примасъ и маршалокъ объѣзжали сами въ экипажѣ элекціонное поле и собирали голоса). Послѣ этого примасъ трижды спрашивалъ присутствовавшихъ, всѣ-ли согласны имѣть такого-то королемъ, и если никто не возражалъ,—провозглашалъ избраннаго кандидата королемъ, а великій коронный маршалокъ объявлялъ объ этомъ у трехъ воротъ «кола». Изъ десяти «вольныхъ элекцій», бывшихъ въ Рѣчи Посполитой [96]), было разногласіе при избраніи четырехъ королей, а именно Стефана Баторія, Сигизмунда III и обоихъ Августовъ Саксонскихъ: въ этихъ случаяхъ каждая партія провозглашала королемъ своего кандидата и объявляла противниковъ врагами отечества, такъ что элекціонный сеймъ превращался какъ-бы въ прелюдію междоусобія. Обыкновенно, однако, меньшинство послѣ присоединялось къ избранію, и даже возникла своего рода юридическая фикція, въ силу которой названные короли считались избранными всею Рѣчью Посполитою [97]). Послѣ элекціи оставалось только составить «pacta conventa» (если они не были составлены раньше) и самый актъ избранія, подписать эти документы, принять присягу отъ легатовъ короля-электа или его самого, если онъ находился на лицо, и отпраздновать окончаніе дѣла благодарственнымъ молебномъ: участіе всей шляхты въ элекціонномъ сеймѣ кончалось послѣ торжественнаго провозглашенія короля, и она разъѣзжалась по домамъ, а сенаторы и послы въ концѣ концовъ назначали время для погребенія прежняго короля, коронованія новаго и коронаціоннаго сейма, а также для сеймиковъ, которые должны были предшествовать послѣднему. Впрочемъ, когда не было общаго согласія при элекціи, какъ это было на сеймахъ, избравшихъ Стефана Баторія и Сигизмунда III, до коронаціоннаго сейма происходили особые общіе съѣзды (conventus generales), гдѣ утверждалась элекція, давалась возможность присоединяться къ ней тѣмъ, которые прежде не соглашались съ большинствомъ, и принимались нѣкоторыя мѣры, коихъ требовали обстоятельства; такіе съѣзды обозначались словомъ «poparcie», подкрѣпленіе [98]).

[96]) Избранія 1) Генриха Анжуйскаго, 2) Стефана Баторія, 3) Сигизмунда III, 4) Владислава IV, 5) Яна Казиміра, 6) Михаила Вишневецкаго, 7) Яна Собѣскаго, 8) Августа II, 9) Августа III и 10) Станислава Понятовскаго.

[97]) Cf. *Lengnich*. I, 167—169.

[98]) Literae constitutionis conventus generalis Andrzeiovensis. *Vol. leg.*, II, 873—889. Poparcie wolney elekcyi króla Zygmunta Trzeciego.... na zieździe pod Wiślicą namowione. *Ibid.*, II, 1089—1094.

По окончаніи элекціи никто уже не смѣлъ ей противиться [99]). Былъ только одинъ случай попытки воспротивиться уже совершившемуся избранію, когда Мартинъ Замойскій съ братомъ протестовали противъ элекціи Михаила Вишневецкаго и удалились изъ «кола»; ихъ однако вернули, а во время ихъ отсутствія сенаторы и послы продолжали составленіе «договорныхъ статей».

Безкоролевье заключалось коронованіемъ короля - электа въ Краковѣ (чему предшествовало погребеніе его предшественника), и для этого созывался особый коронаціонный сеймъ [100]), имѣвшій много общаго съ сеймами очередными, такъ что одинъ такой сеймъ (1669 г. въ началѣ царствованія Михаила Вишневецкаго) былъ даже сорванъ, а два другихъ (въ началѣ царствованій Августа II и Августа III) вслѣдствіе господствовавшаго на нихъ несогласія отложили подлежавшія ихъ обсужденію дѣла до другаго раза. Въ этомъ собраніи чиновъ король подтверждалъ права государства (jurium confirmatio), а также происходило утвержденіе королемъ постановленій, сдѣланныхъ сеймами созывательнымъ и избирательнымъ [101]), и разсматривались «экзорбитанціи», впрочемъ больше для того, чтобы быть снова отложенными до слѣдующаго сейма.

Конфедераціи, завязывавшіяся въ безкоролевья, послужили образцомъ для другихъ подобныхъ же сеймиковыхъ союзовъ, которые возникали и при короляхъ или для того, чтобы оказать поддержку тому или другому изъ нихъ, или, наоборотъ, съ цѣлью ему противодѣйствовать, причемъ въ обоихъ случаяхъ сохранялись формы конфедерацій въ безкоролевное время. Съ точки зрѣнія современныхъ политическихъ понятій польскія конфедераціи при существованіи королевской власти являются узурпаціями правъ, принадлежащихъ государству [102]),

---

[99]) Въ варшавской генеральной конфедераціи сказано: powstać przeciwko każdemu takiemu obiecuiemy, ktoby.... elekcyi oney zgodnie ad wszystkich *conclusae* sprzeciwiać się śmiał. *Ibid.*, II, 841.

[100]) О дальнѣйшемъ у *Ленгниха* см. I, 191—232 (lib. II, cap. V: de regis electi inauguratione, defuncti, quae inaugurationem electi praecedunt, exsequiis et quae sequuntur, comitiis). Станиславъ Августъ короновался въ Варшавѣ.

[101]) .... потому что по государственнымъ законамъ никакое дѣло или опредѣленіе не считается за дѣйствительное и законное, ежели оное всѣми треми чинами Рѣчи Посполитой и съ общаго согласія утверждено не будетъ. Ист. о нын. сост. прав. польск., 145.

[102]) Такъ смотритъ на дѣло *Гюппе*: по его опредѣленію, die polnische Conföderation ist die Verbindung,.... die sich an Stelle der bestehenden politischen Gewalten setzt und alle Rechte des Staates usurpirt, стр. 152. Этотъ исто-

но въ дѣйствительности онѣ и въ такомъ случаѣ имѣли юридическое оправданіе въ сеймиковой автономіи, бывшей основою и тѣхъ конфедерацій, которыя завязывались по смерти короля въ отдѣльныхъ воеводствахъ, и тѣмъ менѣе, по замѣчанію проф. Павинскаго, онѣ могли подвергаться обвиненію въ революціонномъ образѣ дѣйствій, что возникали онѣ съ вѣдома высшей власти, хотя и не всегда въ согласіи съ ея настоящими видами и стремленіями [103]). «Когда, говоритъ Ленгнихъ, король и Рѣчь Посполитая находятся въ большой опасности, коей чины на сеймѣ устранить не могутъ, потому-ли что существуютъ препятствія для сеймовъ, или потому, что послѣ безплоднаго сейма не ожидаютъ лучшаго успѣха и отъ будущаго, то граждане соединяютъ свои души и силы посредствомъ письменнаго акта ради спасенія короля и Рѣчи Посполитой» [104]). Конфедераціи такія возникали всегда по инициативѣ одного или небольшаго числа воеводствъ, приглашавшихъ другія присоединиться къ общему дѣлу, подъ угрозой объявленія несогласныхъ врагами отечества. Начало этимъ союзамъ положено было тышовецкой конфедераціей 1655 года, образовавшейся по случаю непріятельскаго нашествія и въ отсутствіе короля (Яна Казиміра); за нею слѣдовали конфедераціи голэмбёвская (1672 г. при Михаилѣ Вишневецкомъ), сандомірская и тарногродская (1704 и 1716 гг. при Августѣ II) и варшавская (1733 г. въ началѣ царствованія Августа III), не считая бывшихъ при послѣднемъ польскомъ королѣ (1764—1795), равно какъ двухъ конфедерацій при Августахъ II и III, которыя были осуждены, какъ завязанныя противъ короля и Рѣчи Посполитой, хотя образованіе конфедераціи «przy królu» (при королѣ) еще не обозначало, что это происходило по его желанію и въ его интересахъ. Генеральная конфедерація составлялась на подобіе конвокаціоннаго сейма (бывшаго въ сущности тоже генеральной конфедераціей): сеймики посылали своихъ депутатовъ, какъ на сеймъ. Во главѣ общаго союза становился маршалокъ, коему подчинялись и сенаторы (quia totius confoederationis caput est,

---

рикъ не вполнѣ ясно представляетъ себѣ происхожденіе конфедерацій, видя въ конфедераціяхъ воеводскихъ, завязывавшихся во время безкоролевій, eine Unterabtheilung der Conföderationen (стр. 155), тогда какъ изъ нихъ-то и возникала всякая генеральная конфедерація.

[103]) *Pawiński*, 45.

[104]) *Lengnich*, II, 443. Этотъ писатель трактуетъ о конфедераціяхъ, кромѣ цитуемаго сочиненія (II, 443—454; lib. IV, cap. V: de confoederatione et consilio magno, modis consultandi extraordinariis), въ особой книжкѣ «Dissertatio de confoederationibus polonorum. Gedani. 1735.

поясняетъ Ленгнихъ), и его власть, довольно обширная, продолжалась во все время конфедераціи; если до окончанія конфедераціи собирался сеймъ, то маршалокъ оставался и маршалкомъ сейма. Важное отличіе генеральной конфедераціи отъ обыкновеннаго вальнаго сейма заключалось въ томъ, что здѣсь дѣла рѣшались по большинству голосовъ [105]); такъ какъ самая конфедерація продолжалась до тѣхъ поръ, пока не оканчивалось дѣло, ради коего она возникала, если только чины раньше ея не распускали, то пока она оставалась въ силѣ, до тѣхъ поръ удерживалось и на сеймахъ рѣшеніе дѣлъ большинствомъ голосовъ. Установивъ все, что требовалось данной минутой, конфедераты разъѣзжались, предоставляя заботу о дальнѣйшемъ королю съ согласія сената и шляхетскихъ выборныхъ, составлявшихъ такъ-называемый «великій совѣтъ» (magnum consilium), равный по своему значенію обыкновенному сейму [106]): великій совѣтъ передъ концомъ голэмбѐвской конфедераціи перешелъ даже прямо въ сеймъ, а сеймъ, долженствовавшій закончить въ 1735 г. варшавскую конфедерацію, былъ превращенъ въ «magnum consilium». Впрочемъ, бывали случаи созванія «великихъ совѣтовъ» и безъ конфедераціи. При существованіи *liberum veto* конфедерированные сеймы (comitia sub vinculo confoederationis), на коихъ дѣла рѣшались большинствомъ голосовъ, были единственнымъ средствомъ законодательства. Нельзя однако не указать на то, что въ сущности и *liberum veto*, и конфедераціи вытекали изъ одного источника, изъ того подобія международныхъ отношеній, которое связывало отдѣльныя воеводства Рѣчи Посполитой: если вальный сеймъ былъ конгрессомъ пословъ, гдѣ требовалось полюбовное соглашеніе nemine contradicente, то конфедерація фактически почти всегда являлась результатомъ побѣды вооруженнаго большинства надъ меньшинствомъ, не смѣвшимъ и думать въ такомъ случаѣ о своемъ «nie pozwalam». Притомъ, какъ «вольный голосъ», который долженъ былъ-бы принадлежать отдѣльнымъ воеводствамъ, сталъ считаться по праву принадлежащимъ каждому послу индивидуально, такъ и генеральная конфедерація, возникавшая сначала изъ конфедерацій воеводскихъ, въ концѣ концовъ превратилась въ орудіе частныхъ лицъ и политическихъ партій.

Дѣлая въ этой, по содержанію своему чисто-описательной главѣ, очеркъ сеймовыхъ порядковъ въ Польшѣ, если только примѣнимо та-

---

105) Cessat quae in comitiis viget contradicendi auctoritas, major sententiarum numerus ad decreta sufficit. *Lengnich*. II, 447.

106) Caeterum possunt consilia illa magna comitia minus solennia dici, quibus auctoritate decernendi paria habentur. *Ibid.*, II, 453.

кое названіе ко всему, что происходило на собраніяхъ государственныхъ чиновъ Рѣчи Посполитой въ эпоху *liberum veto*, я имѣлъ въ виду не только познакомить читателя съ подробностями, но и показать, къ какимъ результатамъ приводила своеобразная организація польскаго сейма, причины коей были выяснены въ одной изъ предыдущихъ главъ. Знаменитое изреченіе, прилагавшееся ко всей Рѣчи Посполитой,—«Polska nierządem stoi»—вполнѣ можетъ быть примѣнено и къ сейму, обладавшему высшею властью въ этомъ государствѣ: «nierząd», безнарядье мы находимъ и въ основѣ сейма. Мы знаемъ, какое преобладаніе получила шляхта въ своемъ общегосударственномъ органѣ—посольской избѣ—надъ королевскою властью и сенатомъ, а между тѣмъ это учрежденіе съ самаго начала вольныхъ элекцій до попытки кореннаго переустройства государственнаго быта Польши, сдѣланной 3 мая 1791 г., остается въ прежнемъ своемъ видѣ, не развивается, даже регрессируетъ, все болѣе и болѣе затмѣвается сеймиками, которые такъ счастливо съ нимъ соперничаютъ. Можно даже сказать, что не только никто не заботился о томъ, чтобы сеймы собирались чаще и на болѣе продолжительное время, и, ничѣмъ не стѣсняемые въ своей дѣятельности, оставляли послѣ себя каждый разъ побольше важныхъ результатовъ, но что, наоборотъ, какъ-бы нарочно дѣлалось все, дабы сеймы собирались порѣже, стѣснены были въ своей работѣ и оставались безплодными. Учрежденіе болѣе жизненное, нежели польскій сеймъ, устранило бы всѣ ограниченія, которыя мѣшали-бы ему сдѣлаться дѣйствительной силой, тогда какъ польскій сеймъ не только не устранялъ подобныхъ препятствій, но создавалъ новыя и не развивалъ тѣхъ средствъ, коими могъ пользоваться для укрѣпленія своего значенія. Въ самомъ дѣлѣ, двухгодичный промежутокъ между очередными сеймами, установленный въ 1573 г., былъ слишкомъ длиненъ для той роли, какую долженъ былъ играть сеймъ при ослабленіи королевской власти съ превращеніемъ ея въ избирательный республиканскій магистратъ, и тѣмъ не менѣе, напр., въ 1717 г. было признано за одинъ изъ основныхъ законовъ Рѣчи Посполитой правило, что въ случаѣ невозможности собрать сеймъ въ назначенный для того срокъ, по какой - бы то ни было причинѣ, слѣдовало ждать наступленія слѣдующаго срока; то-же правило наблюдалось, если сеймъ срывался: мы видѣли, что, благодаря этому, сеймы иногда были отдѣлены одинъ отъ другаго не двухлѣтнимъ, а четырехлѣтнимъ періодомъ. Съ другой стороны, на собранія сейма давалось только шесть недѣль, хотя этого количества времени почти никогда не хватало, а между тѣмъ сеймовое законо-

дательство было въ принципѣ противъ пролонгацій, и нѣсколько сеймовъ на самомъ дѣлѣ окончилось безъ всякихъ результатовъ лишь потому, что земскіе послы не хотѣли продолжить шестинедѣльный срокъ. Вмѣстѣ съ этимъ и лимитація сеймовъ, т. е. перенесеніе ихъ окончанія на другое время не пользовалась сочувствіемъ и даже была запрещена. Такимъ образомъ польскіе законодатели сами ограничивали свою дѣятельность установленіемъ длинныхъ промежутковъ между сеймами и короткихъ сроковъ для самыхъ сеймовъ,—явленіе, указывающее на то, что они не видѣли въ собраніи трехъ чиновъ Рѣчи Посполитой центра политической жизни, какъ это въ дѣйствительности и было вслѣдствіе уже намъ извѣстнаго преобладанія сеймиковъ надъ сеймомъ. Знакомясь съ подробностями сеймованія, мы поражаемся еще массою формальностей, которыя, стѣсняя свободный ходъ занятій, не мѣшали однако возникновенію безпорядковъ, нарушавшихъ правильное теченіе дѣлъ; между тѣмъ всѣ эти формальности были настолько несущественны, что королю разрѣшалось ихъ вовсе отмѣнять при созываніи экстренныхъ сеймовъ. Какъ-бы въ противорѣчіи съ мелочными формальностями, дававшими поводъ къ разнымъ недоразумѣніямъ, тамъ, гдѣ дѣйствительно нужно было выработать извѣстныя формы, польское законодательство боялось стѣснить свободу: въ такомъ важномъ дѣлѣ, какимъ была королевская элекція, каждый разъ приходилось рѣшать сызнова вопросъ о томъ, какъ слѣдовало совершать этотъ актъ государственной жизни. При продолжительности междусеймовыхъ промежутковъ и краткости времени, отводившагося сеймамъ, и при формальностяхъ, стѣснявшихъ работу земскихъ пословъ, словно нарочно были придуманы разныя средства для того, чтобы отъ сеймовъ оставалось какъ можно меньше результатовъ: сеймъ могъ не состояться по случаю неприбытія значительнаго числа пословъ, могъ быть сорванъ посредствомъ *liberum veto*, могъ потратить все время на безплодные споры, ничего не сдѣлавъ; многіе вопросы, требовавшіе разрѣшенія, заносились въ рецессъ (in recessum referre), т. е. откладывались до слѣдующаго сейма или, вѣрнѣе, обрекались на вѣчную неподвижность, и въ такомъ положеніи всегда оставались такъ называемыя экзорбитанціи. Посольская изба отказывалась отъ борьбы за свое существованіе съ элементами анархіи, какія заключались въ буйныхъ сеймикахъ и въ произволѣ ея собственныхъ членовъ, хотя у нея и были средства борьбы, только не получавшія дальнѣйшаго развитія вслѣдствіе того, что земскіе послы были сами пропитаны сеймиковыми идеями, а потомъ и по личнымъ расчетамъ и стремленіямъ привыкли расшатывать все, что могло-бы

установить среди нихъ какую-либо дисциплину. Хорошимъ средствомъ добиться всеобщаго согласія считались провинціальныя сессіи, и это учрежденіе могло-бы получить дальнѣйшее развитіе, но странно было хлопотать о послѣднемъ посламъ тѣхъ самыхъ сеймиковъ, которые добились устраненія промежуточной ступени между ими самими и вальнымъ сеймомъ, въ видѣ сеймиковъ генеральныхъ, этого первообраза провинціальныхъ сессій. Лимитаціи равнымъ образомъ моглибы утвердиться въ сеймовой жизни Рѣчи Посполитой и сдѣлаться средствомъ для выхода изъ тѣсныхъ рамокъ шестинедѣльнаго срока, но онѣ не получили развитія, тогда какъ за отдѣльными послами охотно признавалось право «sistendi activitatem», результатомъ примѣненій коего были тоже своего рода отсрочки засѣданій, но только сокращавшія количество времени; бывшаго въ распоряженіи посольской избы. Наконецъ, кондефераціи, благодаря которымъ благополучно оканчивались конвокаціонные сеймы въ безкоролевное время, установляли рѣшеніе дѣлъ большинствомъ голосовъ, и къ нимъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ стали прибѣгать и тогда, когда Польша имѣла короля, и стали прибѣгать къ нимъ между прочимъ вслѣдствіе безплодности сеймовъ [107]), но то, что вело къ установленію порядка,— конфедерированіе сеймовъ, къ какому стали прибѣгать въ царствованіе послѣдняго польскаго короля,—представляло изъ себя явленіе исключительное, тогда какъ опасныя, прямо даже для общественнаго порядка, стороны конфедерацій особенно чувствительно давали себя знать въ тѣхъ насиліяхъ, какія позволяли себѣ конфедераты.

Во второй половинѣ XVIII вѣка Польша, какъ и другія государства того времени, нуждалась въ коренныхъ реформахъ, а онѣ однако были въ ней немыслимы безъ преобразованія ея законодательной власти. Вопросъ былъ не въ избирательности или наслѣдственности короны, а въ характерѣ и составѣ сейма: пока послѣдній былъ конгрессомъ, на коемъ всѣ дѣла рѣшились единогласно, пока существовали *liberum veto* и срываніе сеймовъ, до тѣхъ поръ нельзя было и думать о какихъ-бы то ни было реформахъ, и между прочимъ объ измѣненіи отношеній между сеймомъ и сеймиками и о реорганизаціи исполнительной власти. Единственнымъ путемъ были конфедераціи и конфедерированные сеймы, но если послѣдніе могли быть орудіемъ въ рукахъ реформаторовъ, то сами конфедераціи, возникавшія въ нѣдрахъ шляхетскихъ массъ, должны были, наоборотъ, являться на

107) .... vel quia comitiis infructuosis futurorum non melior successus speratur. *Lengnich*. II, 443. Cf. *Pawiński*, 45.

сцену строго консервативными, каковыми были, въ религiозномъ отношенiи—конфедерацiя барская (1768 г.), въ политическомъ—тарговицкая (1792 г.). Съ другой стороны, односословный составъ сейма былъ препятствiемъ въ дѣлѣ реформъ, затрогивавшихъ шляхетскiе интересы, и консервативная оппозицiя боялась именно реформы сейма, какъ одного изъ средствъ подорвать шляхетскую вольность, понимавшуюся въ смыслѣ господства шляхты надъ другими сословiями. Въ «liberum veto» и «вольной элекцiи», зѣницахъ своей вольности, она видѣла гарантiи того, что ни сеймъ, ни король не уволятъ ея хлоповъ изъ подданства. Въ концѣ концовъ «вольный голосъ» являлся орудiемъ не сеймиковой автономiи, пережившей самое себя въ томъ хаосѣ, какой представляла изъ себя вся Рѣчь Посполитая, а стражемъ чисто сословныхъ интересовъ. Сословные интересы извлекали выгоду изъ конгрессивности сейма путемъ подрыва того самаго учрежденiя, которое въ силу идеи, лежавшей въ основѣ шляхетской республики, должно было сосредоточить въ себѣ всѣ аттрибуты верховной власти.

Около середины XVIII в. въ Польшѣ почувствовали потребность реформы, между прочимъ, и реформы сейма. Предприняты были преобразованiя, заключившiяся конституцiей 3 мая 1791 г.

VI.

Реформы послѣдней трети XVIII вѣка и конституція 3 мая 1791 года.

Главный предметъ этой главы.—Затемненіе въ XVII вѣкѣ настоящаго смысла отношенія сеймиковъ къ сейму въ Польшѣ. - Изъ польской публицистики XVIII вѣка по вопросу о «liberum veto». — Взглядъ проф. Павинскаго на отношеніе сеймиковъ къ сейму въ послѣдней трети XVIII в.—Реформы Чарторыскихъ.— Конституція сейма 1768 г. — Политическіе совѣты полякамъ аб. Мабли и Ж. Ж. Руссо.—Соч. гр. Вельгорскаго.—Эпоха «постояннаго совѣта» и четырехлѣтняго сейма.—Сочиненіе Гугона Коллонтая.—Мѣщанскій вопросъ на четырехлѣтнемъ сеймѣ.—Конституція 3 мая

Изслѣдуя отношенія, какія существовали въ Польшѣ между сеймиками и сеймами въ эпоху избирательныхъ королей, проф. Павинскій дѣлитъ все это время, какъ мы видѣли, на три періода, а именно, на періоды усиленія сеймиковъ (1572—1648), ихъ преобладанія (1648—1764) и ограниченія ихъ власти въ послѣднія тридцать лѣтъ существованія Рѣчи Посполитой [1]). Въ послѣдній періодъ ограниченіе власти сеймиковъ было лишь однимъ моментомъ въ общемъ преобразовательномъ движеніи въ Польшѣ, связанномъ съ именами «фамиліи» Чарторыскихъ, короля Станислава Августа и нѣкоторыхъ дѣятелей четырехлѣтняго сейма [2]). Намъ, конечно, нѣтъ надобности останавливаться здѣсь даже на простомъ перечисленіи реформъ, задуманныхъ и исполненныхъ въ это время въ Польшѣ: достаточно указать на то, что ограниченіе власти сеймиковъ, предпринятое въ это время, вытекало изъ общей реформы, которая должна была преобразовать Польшу. Если не касаться соціальныхъ отношеній Рѣчи

[1]) *Pawiński*, 335. См. у насъ выше, стр. 72.

[2]) Литература по исторіи этого періода нами указана и разобрана въ главахъ III, IV, VI и VII нашей книги «Паденіе Польши въ исторической литературѣ». Спб. 1888.

Посполитой, съ которыми стоитъ въ связи односословность польскаго сейма, а равнымъ образомъ не касаться дезорганизаціи исполнительной власти, объясняющейся изъ ненормальнаго положенія министровъ по отношенію къ сейму, то политическій вопросъ сводился къ двумъ пунктамъ, а именно къ уничтоженію двухъ зѣницъ шляхетской вольности, т. е. вольной элекціи и вольнаго голоса. Общественное мнѣніе въ Польшѣ послѣдней трети прошлаго столѣтія было занято гораздо больше вопросомъ о королевской власти, которая, по мысли нѣкоторыхъ публицистовъ и политическихъ дѣятелей, должна была сдѣлаться наслѣдственною, нежели вопросомъ объ организаціи сейма, которому необходимо было наконецъ сдѣлаться тѣмъ, чѣмъ онъ долженъ былъ быть по существу. Разсматривая въ этой главѣ реформы (и отчасти проекты реформъ) въ послѣдней трети XVIII вѣка и конституцію 3 мая 1791 года, я, разумѣется, остановлюсь главнымъ образомъ именно на ихъ отношеніи къ сейму, бывшему столько времени чисто конгрессивнымъ учрежденіемъ, оставляя въ сторонѣ весь вопросъ о наслѣдственности королевской власти, особенно занимавшій современниковъ и даже раздѣлявшій ихъ на два лагеря—монархическій и республиканскій,—и лишь стороною коснусь, во первыхъ, сословныхъ отношеній, реформированіе коихъ не задѣло, однако, исключительно шляхетскаго состава сейма, а во вторыхъ, новой организаціи исполнительной власти, поскольку послѣдняя была поставлена въ большую зависимость отъ сейма.

Если въ польской политической литературѣ XVIII вѣка на первомъ планѣ стоялъ вопросъ о королевской власти, а не о сеймѣ, то и въ вопросѣ объ этомъ послѣднемъ главное вниманіе обращено было на прямо бросавшіяся въ глаза неудобства,—если не сказать болѣе,—«единомыслія» и *liberum veto*, а не на тѣ отношенія, которыя существовали между сеймомъ и сеймиками не къ выгодѣ Рѣчи Посполитой, какъ единаго цѣлаго. Когда еще не было *liberum veto* въ томъ видѣ, какъ оно стало практиковаться съ середины XVII в., многіе въ Польшѣ видѣли необходимость рѣшенія дѣлъ на сеймѣ большинствомъ голосовъ, пытались даже ввести такой порядокъ [3]), понимая при этомъ, въ какихъ отношеніяхъ должны были находиться между собою вальный сеймъ и воеводскіе сеймики. «Я думаю, говоритъ Осѣцкій, канцлеръ Сигизмунда Августа, — я думаю, что послы, выбранные въ воеводствахъ, суть послы всей Рѣчи Посполитой, а иначе было бы, что каждая земля сдѣлалась-бы отдѣльной республикой, и не земли, а

---

[3]) См. у насъ выше, стр. 64—65.

народы входили-бы на сеймахъ между собою въ соглашеніе, отъ чего сохрани Богъ! Если такъ, то ради чего быть сейму, который repraesentat corpus reipublicae; пусть себѣ пишутъ грамотки (karteluszе), но пусть это будутъ желанія, а не наказы» [4]). Въ годъ перваго безкоролевья (1573) аналогичная мысль проводится въ анонимной брошюрѣ «Naprawa Rzeczypospolitej do elekcyi nowego króla» [5]): «называютъ сеймъ вальный, говорится тамъ, потому, что на немъ проявляется (okazuje się) majestas и власть всей Рѣчи Посполитой. Сеймъ представляетъ всю Рѣчь Посполитую, и ему прескрибовать (предписывать) et indignum, et damnosum reipublicae», а потому авторъ и является врагомъ «limitatae potestatis» пословъ, связанныхъ инструкціями. Такихъ примѣровъ можно было-бы привести нѣсколько изъ слѣдовавшихъ царствованій [6]), но послѣ 1652 г. «limitata potestas» отходитъ на задній планъ передъ *liberum veto*, а потому и нѣсколько затемняется основной вопросъ объ отношеніи сейма къ сеймикамъ, такъ ясно поставленный въ приведенныхъ словахъ канцлера Осѣцкаго, при чемъ само *liberum veto*, объявленное за одну изъ зѣницъ шляхетской вольности, охранялось уже однимъ этимъ отъ всякихъ нападеній [7]): «извѣстно, говоритъ польскій историкъ Гофманъ, что на шляхетско-польскомъ языкѣ называли абсолютизмомъ всякую форму правленія безъ элекціи королей и сокровища *liberum veto*» [8]), а всякая рекомендація такого «абсолютизма» могла приниматься за государственную измѣну [9]). Такимъ образомъ «вольный голосъ» совершенно скрывалъ за собою сеймиковый партикуляризмъ: для послѣдняго, какъ мы видѣли [10]), существованіе *liberum veto* было выгодно, а когда у этого шляхетскаго права явились антагонисты, то они за бо́льшимъ зломъ, т. е. срываніемъ сеймовъ однимъ «nie pozwalam», не видѣли меньшаго зла, т. е. духа неповиновенія сейму въ сеймикахъ. Такъ мы объясняемъ, по-крайней-мѣрѣ, то обстоятельство, что столь важный вопросъ, какъ вопросъ объ отношеніи сеймиковъ къ сейму, такъ мало, на нашъ взглядъ, былъ разработанъ въ польской литературѣ XVIII вѣка.

---

[4]) Приведено у *Hoffman*'а, Historya reform politycznych w Polsce, 75.

[5]) Есть въ изд. Туровскаго (Biblioteka polska. Kraków. 1859).

[6]) *Pawiński*, 345 sq. *Hoffman*. Historya reform politycznych w Polsce, 104 sq., 120, 163.

[7]) *Hoffman*. 125, 127, 133.

[8]) *Ibid.*, 139.

[9]) *Ibid.*, 195.

[10]) См. выше 121—122.

Нужно притомъ дойти до тридцатыхъ годовъ прошлаго столѣтія, чтобы послѣ XVI вѣка снова встрѣтиться съ реформаторской публицистикой въ Польшѣ, поднявшей и вопросъ о *liberum veto*. Первымъ публицистическимъ произведеніемъ такого рода была изданная въ 1730 г. дядей короля Станислава Лещинскаго Яномъ Яблоновскимъ брошюра «Skrupuł bez skrupułu» [11]), въ которой рекомендуется главнымъ образомъ нравственное исправленіе, а не реформа учрежденій, и порицается только недобросовѣстное примѣненіе *liberum veto*. Черезъ три года послѣ того и самъ Станиславъ Лещинскій издалъ анонимно же въ Нанси сочиненіе подъ заглавіемъ «Głos wolny», въ которомъ, однако, рѣшается предложить лишь ограниченіе *liberum veto*, а именно, чтобы «nie pozwalam» имѣло силу только по отношенію къ постановленію, по поводу коего произносится, а не влекло за собою срыванія сейма. Первымъ принципіальнымъ противникомъ *liberum veto* въ польской публицистикѣ былъ неизвѣстный авторъ «Разговора земянина съ сосѣдомъ о теперешнихъ обстоятельствахъ» [12]), хотя и онъ практически совѣтуетъ только одно—не допускать впредь срыванія сеймовъ до избранія маршалка. Все это были палліативныя мѣры, и только въ 1760 г. ксендзъ Станиславъ Конарскій въ своемъ сочиненіи о «дѣйствительномъ способѣ совѣщаній» [13]) рѣшился,—вмѣсто того, какъ самъ онъ выражается, чтобы обрывать листики и вѣточки,—вырвать растеніе съ корнемъ [14]), т. е. указать на большинство голосовъ, какъ на единственно правильный способъ рѣшенія дѣлъ. Извѣстно, что его сочиненіе произвело весьма сильное впечатлѣніе на польское общество и въ значительной степени содѣйствовало видамъ образовавшейся раньше партіи реформы, хотя, конечно, весьма многимъ его идея не понравилась [15]). Если въ ту эпоху, когда писалъ Конарскій, многіе въ Польшѣ были все-таки расположены въ пользу замѣны большинствомъ единогласія съ уничтоженіемъ *liberum veto*, то вопросъ о послѣднемъ былъ поставленъ въ связь не съ вопро-

11) Безъ обозначенія имени автора и мѣста изданія.

12) Rozmowa ziemianina z sąsiadem o teraźniejszych okolicznościach (безъ обозначенія мѣста печати). Эту публикацію приписываютъ Конарскому, хотя и подъ другимъ названіемъ, а именно Rozmowa ziem. z sąsiad. o nieszczęściach ojczyzny pochodzących z fakcyi prywatnych. Warszawa. 1733.

13) O skutecznym rad sposobie. 1760—1763.

14) Nie myślę ja obcinać liści i gałązek, zniszczę sam rdzeń korzenia.

15) Reverendus pater Konarscius.... librum nuper composuit, in quo docuit hanc esse viam ad consultationes peragendas et comitiorum successum efficacem sed displicuit sententia aliis etc. *Lengnich*. II, 235. Cf. *Szczepan Sienicki*. Sposób nowo obmyślany konkludowania obrad.

сомъ объ отношеніи сеймиковъ къ сейму, а съ вопросомъ о наслѣдственности или избирательности королевской власти: отмѣны *liberum veto* требовала партія, желавшая реформъ въ монархическомъ духѣ, тогда какъ партія республиканская соглашалась на это лишь подъ условіемъ, чтобы существовавшей уже формѣ правленія былъ приданъ еще болѣе республиканскій характеръ: пока, говорили, у короля въ рукахъ будетъ раздача должностей и имѣній въ пожизненную аренду, королю всегда легко будетъ составлять большинство въ свою пользу [16]).

Извѣстно, что во главѣ первой партіи стояли Чарторыскіе [17]). Со вступленіемъ на престолъ ихъ племянника Станислава Понятовскаго и начинается въ Рѣчи Посполитой эпоха реформъ: исторія *liberum veto* въ эту эпоху шла своимъ чередомъ, а вопросъ о сеймикахъ разрѣшался своимъ путемъ, но такъ, что на политическую арену не выступали партіи централистовъ и партикуляристовъ, хотя въ сущности и шла глухая борьба между реформой, стремившейся къ объединенію государства, и традиціей сеймиковой автономіи. Какъ для современниковъ, такъ и для позднѣйшихъ историковъ эта борьба заслонялась другою, въ которой мы видимъ раздѣленіе на партіи, имѣвшія своихъ защитниковъ въ литературѣ и представителей въ сеймахъ, и только въ самое послѣднее время, благодаря новой постановкѣ вопроса о сеймѣ въ польской исторической литературѣ и благодаря сеймиковому матеріалу, обнародованному проф. Павинскимъ, мы можемъ говорить объ этой борьбѣ новаго начала — преобладанія сейма, съ началомъ старымъ—преобладаніемъ сеймиковъ.

«Отличительною чертою этого времени, говоритъ проф. Павинскій о царствованіи Станислава Августа, было значительное ограниченіе власти сеймиковъ и одновременно укрѣпленіе единства и силы государства... Преобладаніе сеймиковъ приводило къ распаденію политическаго зданія. Чтобы поддержать его стѣны, клонившіяся къ упадку, чтобы ихъ связать крѣпче и плотнѣе, нужно было обуздать ту центробѣжную силу, которая коренилась въ чрезмѣрномъ разростаніи

---

16) *Hoffman*, 225—226.

17) См. о нихъ новое изслѣдованіе *К. Валишевскаго*: Potoccy i Czartorycsy. Walka stronnictw i programów politycznych przed upadkiem Rzeczypospolitej. Kraków. 1887. Вышелъ пока одинъ томъ, обнимающій 1734—1754 г. Замѣтимъ кстати, что, касаясь *liberum veto* (стр. 28 sq.) и находя преувеличеніе во взглядѣ, сваливающемъ на него всѣ бѣды, авторъ этого сочиненія ни единымъ словомъ не касается ненормальныхъ отношеній между сеймомъ и сеймиками, приписывая безсиліе и безплодность первыхъ тому, что на нихъ всегда было численное равновѣсіе партій. Эта мысль повторяется въ нѣсколькихъ мѣстахъ книги. См., напр., стр. 56, 70, 92, 138.

власти сеймиковъ и расторгала слабыя узы цѣлаго. Это была перемѣна необходимая, неизбѣжная, отъ коей зависѣло дальнѣйшее существованіе государства. Надъ этою задачею работали въ XVIII в. сначала немногіе политики, потомъ партія Чарторыскихъ, а наконецъ четырехлѣтній сеймъ приступилъ къ дѣлу исправленія конституціи. Старыхъ, глубоко вкоренившихся началъ общественной жизни сокрушить не удалось. Борьба съ ними была трудная, мучительная, кровавая. Для побѣды нужно было больше времени, а времени не хватало» [18]). Съ 1764 г. сеймики начинаютъ возвращаться къ тому положенію, въ какомъ были до 1572 г.: отдѣльные воеводскіе финансы были уничтожены, и этимъ нанесенъ былъ ударъ сеймикамъ хозяйственнымъ (s. gospodarskie, s. dobrego porządku, boni ordinis), которые послѣ этого не умѣли заняться чѣмъ-либо инымъ, а кромѣ того, въ безкоролевье 1764 г. были уничтожены каптуральные суды. Форма самыхъ сеймиковъ была упорядочена, и введеніе большинства голосовъ сдѣлало невозможнымъ срываніе сеймиковъ. Этимъ земскимъ собраніямъ, наконецъ, указывалась дорога къ занятію дѣлами мѣстнаго характера, бывшимъ прежде въ пренебреженіи [19]). «Но, продолжаетъ проф. Павинскій, не смотря на эти перемѣны и преобразованія, не далъ искоренить себя тотъ духъ, который былъ въ самой сущности отношеній сеймика къ сейму, какъ законодательному корпусу, оживлялъ организацію сеймиковаго правленія и давалъ направленіе его развитію. Не далъ сокрушить себя старый принципъ, въ которомъ все еще проявлялся духъ анархіи,—*liberum veto*, вольная элекція, сеймиковыя инструкціи, стѣснявшія свободу дѣйствія воеводскихъ пословъ» [20]). Сеймиковая оппозиція сохраняла свою силу, тормозила внутреннія реформы. «На повѣтовомъ сеймикѣ, говоритъ авторъ дальше, разсматривались дѣла общаго характера, касавшіяся цѣлаго зданія, насущнѣйшихъ потребностей всей Рѣчи Посполитой и дѣлались относительно этихъ дѣлъ постановленія преждевременныя, категорическія, въ послѣдней инстанціи, безъ всякаго соображенія о томъ, что въ данномъ вопросѣ могло-бы постановить все сеймовое собраніе по основательномъ разсмотрѣніи обстоятельствъ и послѣ всесторонняго обсужденія дѣла. Сеймикъ свое постановлялъ самъ по себѣ: sic volo, sic jubeo — не соглашался ни на какіе налоги подъ угрозой для пословъ потери чести и имущества.... Занимая такое

---

18) *Pawiński*, 405—406.
19) *Ibid.*, 406—408.
20) *Ibid.*, 408

положеніе, сеймики все еще держали въ зависимости отъ себя вальный сеймъ и не позволяли ему подняться на высоту представительства въ законодательномъ учрежденіи цѣлаго Рѣчи Посполитой, общаго блага, а не партикуляризма и областнаго, узкаго интереса. Такое отношеніе сеймиковъ къ сейму затрудняло всякую внутреннюю работу, всѣ сколько-нибудь разумныя перемѣны, и въ сущности создавало тѣ непреодолимыя (niebotyczne) препятствія, съ которыми такъ долго боролась партія реформы на четырехлѣтнемъ сеймѣ, пока сама эта партія, подвергшись нападенію со стороны враждебныхъ силъ Тарговицы, опиравшейся на томъ же *liberum veto*, на томъ-же сеймиковомъ верховенствѣ, не погибла подъ развалинами своей работы» [21]).

Не этотъ вопросъ о сеймикахъ, повторяемъ, обращалъ на себя главное вниманіе современниковъ, а вопросъ о *liberum veto*, противъ уничтоженія котораго были теперь иностранныя державы, желавшія слабости Польши. Вслѣдствіе оппозиціи со стороны Россіи и Пруссіи, Чарторыскіе, сами опиравшіеся на первую изъ этихъ двухъ державъ, не смогли уничтожить *liberum veto*, хотя имъ и удалось провести нѣкоторыя другія реформы [22]). Изъ послѣднихъ отмѣтимъ здѣсь двѣ,—во первыхъ, новый порядокъ сеймованія, причемъ рѣшено было, что дѣла, вносимыя въ сеймъ правительственными коммиссіями касательно финансовъ, народнаго хозяйства и юстиціи, будутъ рѣшаться «forma judiciaria», т. е. большинствомъ голосовъ, какъ это дѣлалось въ судахъ, а во вторыхъ, учрежденіе только что названныхъ коммиссій, своего рода министерствъ, члены коихъ выбирались на сеймѣ большинствомъ голосовъ и которыя должны были ограничить всемогущество прежнихъ министровъ. Эти реформы были приняты конфедерированнымъ конвокаціоннымъ сеймомъ 1764 г., удержавшимъ конфедерацію и послѣ того, какъ самъ разошелся, и рѣшившимъ произвести элекцію короля не viritim, а тройнымъ количествомъ пословъ,—а потомъ были утверждены на коронаціонномъ сеймѣ по избраніи Станислава Августа. Въ первой изъ указанныхъ реформъ мы видимъ какъ-бы начало постепенной отмѣны *liberum veto*, во второй—важный шагъ на пути организаціи зависимой отъ сейма исполнительной власти. Когда Чарторыскіе разсорились съ Россіей, и послѣдняя, устроивъ радомскую конфедерацію, на сеймѣ

21) *Ibid.*, 409—410.

22) Наиболѣе подробныя фактическія данныя см. въ обширномъ соч. *Korzon*'а Wewętrzne dzieje Polski za Stanisława Augusta, разборъ коего сдѣлалъ нами въ гл. VII соч. «Паденіе Польши въ исторической литературѣ».

1767—68 г. могла по своему распорядиться Польшей, была принята этимъ сеймомъ конституція, въ силу которой *liberum veto* и элекція королей должны были быть на вѣчныя времена основными законами (prawa kardynalne) Польши, такъ что ихъ нельзя было бы отмѣнить даже единогласіемъ; затѣмъ требовалось единогласіе по всѣмъ «materiae status», къ каковымъ причислялись главнымъ образомъ налоги, войско и трактаты съ иностранными государствами, а остальныя дѣла, обобщавшіяся подъ названіемъ «materiae oeconomicae», могли рѣшаться большинствомъ голосовъ. Кромѣ того, Рѣчь Посполитая закономъ о гарантіи была постановлена подъ опеку Россіи, и это-то вызвало извѣстную барскую конфедерацію, съ которою Екатеринѣ пришлось вести войну.

Необходимость внутренней реформы польскаго государства дѣлалась все болѣе и болѣе очевидной. Мысль о нихъ явилась и у нѣкоторыхъ членовъ барской конфедераціи, проникнутой въ сущности шляхетско-республиканскимъ консерватизмомъ. Одинъ изъ нихъ гр. Вельгорскій обратился къ знаменитому аб. Мабли съ просьбою написать мемуаръ о реформахъ, какія были-бы необходимы для Польши, по его мнѣнію, и нѣкоторые другіе конфедераты вступили также въ сношенія съ французскимъ публицистомъ по этому поводу. Тогда аб. Мабли написалъ свой трактатъ «О правительствѣ и законахъ Польши» [23]), заслуживающій вмѣстѣ съ аналогичнымъ сочиненіемъ Руссо нѣсколько болѣе подробнаго разсмотрѣнія, въ виду сильнаго вліянія, какое французская политическая мысль стала тогда оказывать на польское общество. Разумѣется, говоря о сочиненіяхъ Мабли и Руссо, мы будемъ имѣть въ виду преимущественно то, что составляетъ главный предметъ этой главы [24]).

Мабли совѣтовалъ барскимъ конфедератамъ заранѣе составить полный планъ реформъ, который слѣдовало бы представить на первомъ свободномъ сеймѣ [25]). Всѣ бѣды Польши онъ видѣлъ въ «уничтоженіи (anéantissement) законодательной власти, которая была подчинена капризу одного посла, произносящаго veto»: «начните-же съ того, говоритъ онъ, чтобы установить законодательную власть и придайте ей такую силу, которой никто не могъ-бы сопротивляться» [26]). Вторая

---

[23]) Du gouvernement et des lois de la Pologne.

[24]) Съ другой, болѣе общей точки зрѣнія оба сочиненія разсмотрѣны нами на стр. 70—80 «Паденія Польши».

[25]) Цитируемъ по Oeuvres complètes de l'abbé *de Mably*. Toulouse. 1793. Tome XI. Данное мѣсто на стр. 8 sq.

[26]) *Ibid.*, 12—13.

глава первой части мемуара и трактуетъ о «средствахъ, необходимыхъ для установленія законодательной власти въ Польшѣ» [27]), представляя изъ себя критику польскаго сейма. Мабли рекомендуетъ здѣсь сосредоточеніе всей законодательной власти въ посольской избѣ съ оставленіемъ за королемъ (наслѣдственнымъ) и сенатомъ только власти исполнительной [28]), съ тѣмъ, чтобы посольская изба собиралась въ извѣстный срокъ сама собою, ибо универсалы, коимъ король созываетъ сеймъ, производятъ только опасное броженіе въ предсеймовыхъ сеймикахъ. «Каждое воеводство, говоритъ онъ, пріучается судить и рядить (juger et décider souverainement) въ дѣлахъ, рѣшеніе коихъ должно принадлежать только цѣлому націи. Послы получаютъ инструкціи или приказанія, дѣлающія ихъ функцію безполезною» [29]). Возставая, кромѣ того, противъ срока, въ какой сеймъ долженъ былъ оканчивать свои занятія, требуя нѣкоторыхъ условій, чтобы поднять званіе посла, а также измѣненій въ сеймовой процедурѣ, авторъ совѣтуетъ еще рѣшеніе дѣлъ большинствомъ голосовъ [30]), а если ужъ нельзя обойтись безъ нелѣпаго (absurde) закона объ единогласіи, то пусть, пока законъ этотъ самъ собою не падетъ, право *liberum veto* будетъ принадлежать не одному послу, а всѣмъ посламъ каждаго воеводства [31]). Третья глава спеціально посвящена «дисциплинѣ и порядку сеймиковъ относительно законодательной власти» [32]). «Къ чему, спрашиваетъ Мабли, послужило-бы постановленіе о томъ, чтобы былъ впредь въ республикѣ законодатель, которому все обязано повиноваться, если-бы не удалось сокрушить въ провинціяхъ царствующій въ нихъ духъ независимости и анархіи, коимъ, по словамъ нѣкоторыхъ вашихъ соотечественниковъ, онѣ очень дорожатъ?» [33]). Мабли совѣтуетъ «уменьшить права и прерагативы сеймиковъ, чтобы увеличить власть сейма, но, оставляя за ними обязанности и права, кои имъ дороги, и пріобщаютъ ихъ къ общему управленію государствомъ»: пусть за ними останется законодательная иниціатива [34]) и высшій судъ въ воеводствахъ, но пусть они раздѣляются сами на отдѣльные комитеты, коимъ и можно было-бы предоставить *liberum veto*, разъ

---

27) *Ibid.*, 15—33.
28) *Ibid.*, 16.
29) *Ibid.*, 18—19.
30) *Ibid.*, 27.
31) *Ibid.*, 24, 27, 28, 29.
32) *Ibid.*, 34—49.
33) *Ibid.*, 34.
34) *Ibid.*, 35.

опасно думать о полномъ его уничтоженіи на сеймикахъ, а чтобы комитеты не злоупотребляли имъ, слѣдовало-бы постановить, чтобы, въ случаѣ сорванія сеймика, воеводство представлялось на сеймѣ мѣстными должностными лицами [35]). Затѣмъ, по плану французскаго публициста, послы должны были отдавать отчетъ въ своемъ поведеніи и требовать внесенія новыхъ законовъ въ акты воеводства, въ случаѣ-же какого-либо спора по этому поводу на реляціонномъ сеймикѣ, слѣдовало назначить комитеты для разсмотрѣнія дѣла, и если-бы одинъ изъ этихъ комитетовъ сдѣлалъ возраженіе, вопросъ долженъ былъ-бы быть пересмотрѣннымъ на слѣдующемъ предсеймовомъ сеймикѣ съ правомъ дѣлать представленія сейму въ случаѣ продолженія оппозиціи. Мабли думалъ, что этимъ средствомъ можно было-бы добиться подчиненія сеймиковъ сейму: отвлекаемые другими дѣлами, сеймики забывали-бы о непріятныхъ имъ законахъ и стали-бы незамѣтно для себя имъ подчиняться. «Если-же, говоритъ онъ, несговорчивый сеймикъ упорствовалъ-бы въ отверженіи закона, то лучше было бы согласиться на то, чтобы не подчинять ему цѣлаго воеводства, чѣмъ предпринимать что-либо, дабы заставить его повиноваться общественной власти» [36]). Мабли совѣтуетъ еще отвлекать сеймики отъ законодательныхъ вопросовъ, дѣлая имъ разныя другія предложенія, особенно-же занимая ихъ мѣстными дѣлами [37]). Въ особой главѣ (IV) онъ установляетъ принципъ о необходимости подчинить власть исполнительную власти законодательной [38]). Рекомендуя наслѣдственную, но крайне ограниченную королевскую власть (гл. V),—между прочимъ ограниченную въ выборѣ должностныхъ лицъ,—авторъ находитъ нужнымъ (въ гл. VIII) объявить особу короля неприкосновенною, но такъ, чтобы онъ не могъ ничего дѣлать самъ собою: вся исполнительная власть должна находиться въ рукахъ сената подъ предсѣдательствомъ короля, причемъ сенатъ долженъ былъ-бы состоять изъ членовъ, выбранныхъ націей [39]). «Легко, думаю я, говоритъ Мабли, доказать, что республика не можетъ мудро управляться, если законодательная власть не назначаетъ сама министровъ, коихъ облекаетъ правомъ исполнять законы,—и не сохраняетъ права требовать отъ нихъ отчета и судить ихъ поведеніе» [40]). Сенатъ, однако, долженъ былъ быть

[35]) *Ibid.*, 36—38.
[36]) *Ibid.*, 43—44.
[37]) *Ibid.*, 45 sq.
[38]) *Ibid.*, 49—53.
[39]) *Ibid.*, 112.
[40]) *Ibid.*, 113.

устраненъ отъ всякаго участія въ законодательной власти [41]), какъ земскіе послы — отъ непосредственнаго вліянія на власть исполнительную [42]).

Извѣстно, что лица, обращавшіяся за политическими совѣтами къ аб. Мабли, оставались ими недовольны и обратились съ подобной же просьбой къ Ж. Ж. Руссо, который и написалъ «Considérations sur le gouvernement de Pologne» (1772). Не дѣлая здѣсь полной оцѣнки этого сочиненія [43]), мы отмѣтимъ въ немъ только тѣ мѣста, которыя имѣютъ отношеніе къ сейму.

Находя вообще, что только маленькія государства могутъ быть республиками, женевскій гражданинъ совѣтовалъ полякамъ развить то, что, по его словамъ, было въ духѣ польскаго государственнаго строя: «я хотѣлъ бы, говоритъ онъ, если только это возможно, чтобы у васъ было столько государствъ, сколько воеводствъ; создайте въ каждомъ особое управленіе, усовершенствуйте сеймики, расширьте ихъ власть надъ соотвѣтственными воеводствами. Но, продолжаетъ онъ, тщательно опредѣлите ихъ компетенцію и сдѣлайте такъ, чтобы ничто не могло разорвать между ними связи общаго законодательства и подчиненія цѣлому республики» [44]). Съ другой стороны, Руссо—противъ принадлежности законодательной власти тремъ чинамъ [45]), находя, что послѣдняя должна быть достояніемъ одной шляхты, если ужъ не всего народа. Что касается до взгляда этого политическаго писателя на самый сеймъ, то въ самомъ началѣ нашего очерка мы приводили его снова о томъ, что въ Польшѣ власть законодательная потеряла свою силу, не будучи подчинена властью исполнительною, и что, не имѣя надъ собой никакой высшей власти, сеймъ однако нигдѣ не находитъ себѣ повиновенія [46]). Важными условіями для поддержки политической свободы Руссо считаетъ «постоянное присутствіе законодателя, частое собраніе сеймовъ, частое возобновленіе пословъ», съ одной стороны, и раздѣленіе исполнительной власти между многими смѣняемыми лицами. Это раздѣленіе прино-

---

41) *Ibid.*, 114.

42) *Ibid.*, 129. Ср. то, что было у насъ сказано о совѣтахъ Мабли, выше (стр. 108).

43) Укажемъ здѣсь, между прочимъ, на статью *Roepell*'я объ этомъ соч. Руссо. помѣщенную къ «Zeitschrift der historischen Gesellschaft für die Provinz Posen» (1887. № 3) и вышедшую въ свѣтъ отдѣльной брошюрой.

44) *J. J. Rousseau.* Considérations sur le gouvernement de Pologne et la réforme projettée. Oeuvres. Paris. 1793. I, 429.

45) *Ibid.*, 429 sq.

46) *Ibid.*, 433—434 (ср. у насъ выше, стр. 7).

сило. однако, въ Польшѣ вредъ, ибо «исполнительная власть была лишена гармоніи между своими частями», а кромѣ того, говоритъ еще Руссо, каждый частный носитель этой власти становится выше законовъ и магистратовъ, ибо, признавая авторитетъ одного лишь сейма, онъ въ сущности не признаетъ никакого авторитета, когда сеймъ распущенъ [47]). Совѣтуя «вооружить всей исполнительной силой» постоянный сенатъ [48]), Руссо находитъ нужнымъ, чтобы это учрежденіе съ обновляющимся составомъ «дѣйствовало только, если возможно, на глазахъ законодателя и не иначе, какъ подъ его руководствомъ» [49]). Часто обновляющаяся въ своемъ составѣ посольская изба и подчиненіе пословъ инструкціямъ съ обязанностью давать отчетъ въ своемъ поведеніи избирателямъ являются въ глазахъ Руссо лучшими средствами предупредить возможность подкупа представителей націи [50]). Въ сеймикахъ онъ видитъ «истинный палладіумъ свободы»: «я вижу, объявляетъ онъ, что поляки недостаточно чувствуютъ важность своихъ сеймиковъ, ни по отношенію къ тому, чѣмъ имъ обязаны, ни по отношенію къ тому, что могутъ изъ нихъ извлечь, расширивъ ихъ власть и давъ имъ болѣе правильную форму». За сеймиками Руссо оставляетъ составленіе самыхъ точныхъ инструкцій для пословъ и право требовать у нихъ самаго строгаго отчета по этимъ инструкціямъ [51]). «Но, заключаетъ онъ разсмотрѣніе этого вопроса, разъ приняты такія предосторожности (противъ подкупности пословъ), никогда не должно возникать спора о компетенціи (conflit de juridiction) между сеймомъ и сеймиками, и когда законъ принятъ въ полномъ сеймѣ, я сеймикамъ не предоставляю даже права протестовать. Пусть они наказываютъ своихъ пословъ, пусть, если нужно, рубятъ имъ головы, коль скоро они нарушили свой долгъ, но пусть они повинуются законамъ вполнѣ, всегда, безъ исключенія, безъ протеста» [52]). Кромѣ того, Руссо касается частностей предмета: продолжительности сеймовъ, обрядностей, порядка занятій, числа пословъ, состава сената и т. д. [53]). (Составъ послѣдняго долженъ былъ бы остаться прежнимъ, но только его члены должны были бы быть выборными, причемъ однихъ выбирали бы сеймики пожизненно, а другихъ—сеймъ на время).

[47]) *Ibid.*, 435.
[48]) *Ibid.*, 436.
[49]) *Ibid.*, 437.
[50]) *Ibid.*, 439.
[51]) *Ibid.*, 440.
[52]) *Ibid.*, 441.
[53]) *Ibid.*, 442 sq. Ср. еще стр. 498 и слѣд.

Разсматривая въ особой главѣ (IX) частныя причины польской анархіи, Руссо указываетъ еще, между прочимъ, на *liberum veto* и на конфедераціи. Первое авторъ считаетъ вовсе не дурнымъ установленіемъ, но, говоритъ онъ, «лишь только оно переступаетъ свою границу, оно дѣлается опаснѣйшимъ изъ злоупотребленій» [54]). Руссо совѣтуетъ только его реформу, во первыхъ, предлагая примѣнять его лишь въ нѣкоторыхъ случаяхъ (въ родѣ того, какъ это сдѣлалъ «лже-сеймъ 1768 г.»), а именно въ законахъ конституціонныхъ [55]), а во вторыхъ, требуя, чтобы тотъ, кто воспользовался-бы этимъ правомъ, подвергался потомъ спеціальному суду, который-либо приговаривалъ-бы его къ смертной казни, либо назначалъ-бы ему награду и пожизненныя общественныя почести, смотря по тому, какое значеніе для государства имѣло въ каждомъ данномъ случаѣ это veto» [56]). Конфедерацію Руссо сравниваетъ съ диктатурой у римлянъ и думаетъ, что когда *liberum veto* само уничтожится и установится большинство голосовъ, конфедераціи не сдѣлаются лишними, ибо ихъ значеніе—не въ большинствѣ голосовъ, а въ охранѣ польской свободы [57]).

Сравнивая вообще совѣты, которые давались полякамъ аббатомъ Мабли и Ж. Ж. Руссо, мы найдемъ большую разницу во взглядахъ обоихъ писателей, такъ что иногда кажется, словно второй изъ нихъ нарочно совѣтовалъ то, противъ чего первый возставалъ. Въ частностяхъ, однако, оба сходятся, и въ особенности это можно сказать относительно совѣта оставить за королемъ и сенатомъ одну исполнительную власть, подчинивъ ее власти законодательной, которая должна была-бы всецѣло принадлежать сейму. Оба писателя полагаютъ, что всѣ бѣды Рѣчи Посполитой происходили отъ дезорганизаціи законодательной власти, и тутъ оба,—хоть и не безъ противорѣчія, которое можно найти у каждаго съ его собственными мыслями,—стоятъ за преобладаніе сейма надъ сеймиками: Мабли высказывается противъ духа независимости и анархіи въ провинціяхъ, хотя и считаетъ возможнымъ не подчинять сеймовому закону воеводство, которое не хочетъ ему повиноваться, а Руссо требуетъ, чтобы всѣ воеводства подчинялись безусловно постановленіямъ сейма, находя въ то же время нужнымъ еще болѣе развить федеральное начало. Во всякомъ случаѣ, только этими иностранными публицистами

[54]) *Ibid.*, 462.
[55]) *Ibid.*, 463.
[56]) *Ibid.*, 465-466.
[57]) *Ibid.*, 467.

былъ поставленъ вопросъ объ отношеніи между сеймомъ и сеймиками, совершенно забытый въ то время въ Польшѣ. Это тѣмъ болѣе важно, что другіе писатели того-же времени совершенно не затрогивали вопроса [58]). Самъ гр. Вельгорскій, по инииціативѣ котораго высказались о польскихъ дѣлахъ Мабли и Руссо, написалъ въ 1775 г. подъ сильнымъ вліяніемъ идей послѣдняго сочиненіе подъ заглавіемъ «О возвращеніи прежней формы правленія на основаніи первоначальныхъ законовъ Рѣчи Посполитой» [59]), но какъ нарочно въ главахъ о сеймикахъ (V), генеральныхъ сеймикахъ (VI) и сеймѣ (VII) какъ-то обходитъ вопросъ о томъ, какія отношенія по существу должны были-бы установиться между сеймиками и сеймомъ, если только не считать кое-какихъ намековъ на то, что автору сочувственно было федеральное начало, развить которое совѣтовалъ и Руссо [60]).

Въ 1772 г. произошелъ первый раздѣлъ Польши, а въ 1773 г. сеймъ, назначая депутацію для трактата о раздѣлѣ, уполномочилъ ее составить сообща съ посланниками Россіи, Австріи и Пруссіи новую конституцію, которая и вошла въ силу въ 1775 г. Рѣчь Посполитая попрежнему оставалась шляхетской республикой съ абсолютнымъ *liberum veto*, и главное измѣненіе касалось только исполнительной власти, отданной новому учрежденію — radzie nieustającej, т. е. постоянному совѣту (conseil permanent), какъ оно было названо.

---

58) См., напр., *Pyrrhys de Varille*. Lettres sur la constitution actuelle de la Pologne et la tenue de ses diètes. Varsovie. 1769. Здѣсь едва ставится вопросъ о возможности, какая была въ Польшѣ за два вѣка передъ тѣмъ—составить une confédération générale d'autant de républiques qu'il y a de palatinats, en établissant, dans ce dernier cas, un conseil permanent de la nation entière, composé d'un nombre convenu de députés de chaque république particulière, 41—42.

59) *Wielhorski*. O przywróceniu dawnego rządu według pierwiastkowych rzeczypospolitej ustaw. 1775. См. франц. переводъ: Essai sur le rétablissement de l'ancienne forme du gouvernement de Pologne. Londres. 1775.

60) Suivant le cours ordinaire des choses notre diéte devoit *usurper* la même autorité dont jouit le parlement d'Angleterre. Essai etc., 157. Въ другомъ мѣстѣ онъ говоритъ: les polonois n'ont jamais perdu de vue la forme fédérative qu'ils avoient adoptée dès leur origine, 18. По его опредѣленію, верховная власть въ Р. П. раздѣлена между сеймиками; 52 sq. Противъ превращенія Польши въ «соединенныя провинціи» съ отмѣною королевской власти предостерегалъ знаменитый *Коллонтай* въ соч. Uwagi nad pismem.... o sukcessyi tronu w Polsce. 1790 (цитируемъ по франц. переводу—Observations sur un ouvrage intitulé: Essai sur le droit de succession au trône de Pologne. 1791. См. стр. 144, 148 sq.). Авторъ при этомъ не касается здѣсь вопроса о федеративномъ началѣ самой Рѣчи Посполитой.

Rada nieustająca, состоявшая изъ 36 членовъ (18 сенаторовъ, въ томъ числѣ и министровъ, и 18 шляхтичей по выбору сейма) подъ предсѣдательствомъ короля и раздѣлявшаяся на пять департаментовъ (иностранныхъ дѣлъ, полиціи, правосудія, казны и войска), и сдѣлалась для Польши тѣмъ правительствомъ, «въ которомъ такъ давно она нуждалась» [61]), пока четырехлѣтній сеймъ не уничтожилъ это учрежденіе. Собственно говоря, постоянный совѣтъ былъ совокупностью пяти коллегіальныхъ министерствъ, назначавшихся сеймомъ, такъ что исполнительная власть была поставлена въ прямую зависимость отъ законодательной. Мало того: конституціей 1775 г. была впервые создана настоящая исполнительная власть, а потому утвержденіе нѣкоторыхъ историковъ, будто послѣдняя была отнята у короля [62]), не соотвѣтствуетъ истинѣ: польскій король и прежде царствовалъ только, а не правилъ. Въ эпоху постояннаго совѣта было шесть сеймовъ (1776, 1778, 1780, 1782, 1784 и 1786 гг.), и хотя имъ по конституціи 1775 г. были возвращены во всемъ прежнемъ объемѣ «libertas sentiendi et jus vetandi», т. е. *liberum veto*, ни разу, однако, это средство не было пущено въ ходъ, не столько, впрочемъ, въ силу убѣжденія, сколько по принужденію русскаго посланника, какъ думаютъ многіе историки [63]). Въ такомъ положеніи просуществовала Польша до 1788 г., когда собрался знаменитый четырехлѣтній сеймъ, съ самаго-же начала своихъ засѣданій объявившій себя конфедерированнымъ.

Извѣстно, что этотъ сеймъ поставилъ себѣ задачей произвести полную передѣлку во всемъ зданіи Рѣчи Посполитой, и что его эпоха была, временемъ процвѣтанія въ Польшѣ политической литературы [64]). Разсматривая послѣднюю, мы и въ ней не находимъ надлежащаго пониманія всей важности вопроса объ отношеніи между сеймиками и сеймомъ: главный вопросъ былъ о наслѣдственности или избирательности престола.

Изъ политической литературы временъ четырехлѣтняго сейма отмѣтимъ здѣсь «Письма анонима къ Станиславу Малаховскому» [64*]), мар-

[61]) Выраженіе *Бобржинскаго* (Dzieje Polski. II, 299). Новѣйшіе польскіе историки довольно сочувственно относятся къ этому учрежденію.

[62]) Królowi odjęto władzę wykonawczę. *Hoffman*. Hist. ref. polit., 269.

[63]) *Joachim Lelewel*. Panowanie króla polskiego Stanisława Augusta Poniatowskiego, 100 (въ VI томѣ изд.: Polska, dzieje i rzeczy jej. Poznań. 1859). Представитель противнаго мнѣнія г. *Корзонъ*. Wewnętrzne dzieje Polski. IV (1), 55.

[64]) Объ этой литературѣ см. сочиненія, указанныя въ примѣчаніи на стр. 6, и кромѣ того: *Wł. Smoleński*. Kuźnica Kołłątajowska. Kraków. 1885. О дальнѣйшемъ говоримъ коротко, такъ какъ это будетъ предметомъ особой работы.

[64*]) Listy anonyma do St. Małachowskiego.

шалку сейма. Авторомъ ихъ былъ Гугонъ Коллонтай, одинъ изъ творцовъ конституціи 3 мая, что и придаетъ особый интересъ его мыслямъ. По плану этого политическаго дѣятеля, сеймъ долженъ былъ сдѣлаться постояннымъ съ рѣшеніемъ всѣхъ дѣлъ большинствомъ голосовъ, и ему должно было принадлежать не только законодательство, но и наблюденіе надъ исполненіемъ законовъ. Правительственную власть авторъ отдавалъ пяти избираемымъ сеймомъ коммиссіямъ подъ высшимъ руководствомъ также выборнаго совѣта министровъ, или «стражи», въ которой предсѣдательство принадлежало бы королю, но уже наслѣдственному. Намъ еще придется упомянуть, что Коллонтай предлагалъ раздѣленіе сейма на двѣ палаты, причемъ нижняя заключала бы въ себѣ представителей отъ городовъ. Нѣкоторыя части этого плана оказались слишкомъ несогласными съ польскими политическими традиціями, и какъ мы еще увидимъ, въ конституцію 3 мая не попали ни постоянный сеймъ, ни образованіе особой мѣщанской избы на сеймѣ. Рѣшившись предложить введеніе наслѣдственной монархіи, т. е. отмѣну вольной элекціи, Коллонтай оставался, однако, на старой точкѣ зрѣнія относительно воеводства и сеймиковъ. Польша должна была оставаться федераціей воеводствъ, хотя и приведенныхъ, такъ сказать, къ одному знаменателю и по величинѣ, и по составу (четыре повѣта въ каждомъ), а воеводскіе сеймики по прежнему снабжали-бы своихъ пословъ на вольный сеймъ инструкціями, отъ которыхъ послѣдніе не имѣли - бы права отступать, будучи лишь повѣренными націи, а не самостоятельными законодателями. Любопытно, что историкъ четырехлѣтняго сейма кс. Калинка, излагая политическія идеи Коллонтая [65]), совсѣмъ обошелъ молчаніемъ послѣдній пунктъ, какъ будто относя его къ числу тѣхъ предметовъ, занимавшихъ Коллонтая, о которыхъ, какъ самъ онъ говоритъ, можно и не упоминать, потому что теперь это было-бы неинтересно. Впрочемъ, и современные историки, излагая польскіе политическіе проекты и реформы прошлаго вѣка, такъ-же мало обращаютъ вниманія на эту сторону политическаго строя Рѣчи Посполитой, какъ мало ею занимались сами публицисты и реформаторы тогдашняго времени. Всякій однако съ нами согласится, что предметъ заслуживалъ-бы большаго вниманія и со стороны польскихъ писателей прошлаго вѣка вслѣдствіе своей практической важности, и со стороны теперешнихъ историковъ, въ виду того значенія, какое для самой судьбы Польши имѣли федеративныя основы ея строя и конгрессивность ея сейма.

---

[65]) *Kalinka.* Sejm czteroletni. II, 443 sq.

Гуго Коллонтай предлагалъ еще устроить двѣ сеймовыя избы—высшую, земскую и низшую, городскую [65*]). Брошюра «Политическія мысли для Польши», выражавшая тогдашнія намѣренія Станислава Августа, равнымъ образомъ говорила о представительствѣ горожанъ [66]). Въ концѣ 1789 г. польское мѣщанство само напомнило о себѣ сейму такъ называемымъ «актомъ соединенія городовъ», заставивъ сеймъ назначить особую коммиссію для разсмотрѣнія «мѣщанскаго вопроса», и въ числѣ меморіаловъ, представленныхъ этой коммиссіи горожанами, былъ одинъ, въ которомъ требовалось «возвращеніе мѣщанамъ правъ отдѣльнаго сословія и допущеніе городскихъ пословъ на сеймъ» [67]). Вмѣстѣ съ этимъ вопросъ о мѣщанскихъ представителяхъ на сеймѣ былъ поднятъ и въ прессѣ, которая раздѣлилась на два лагеря — *pro* и *contra* [68]). То же произошло и на сеймѣ, когда весною 1791 г. дѣло дошло до рѣшенія мѣщанскаго вопроса [69]). Закономъ 14 апрѣля этого года городамъ дано было наконецъ право quasi-представительства: по семи болѣе крупныхъ городовъ каждой изъ 3 провинцій (Малой или Великой Польши и Литвы) должны были выбирать на сеймъ по одному уполномоченному съ рѣшающимъ голосомъ во всѣхъ дѣлахъ, касающихся городовъ, съ совѣщательнымъ во всѣхъ иныхъ. Такимъ образомъ не было установлено отдѣльной мѣщанской избы, и сеймъ долженъ былъ оставаться односословнымъ и на будущее время. Менѣе, чѣмъ черезъ три недѣли послѣ принятія сеймомъ этого закона произошла такъ называемая революція 3 мая 1791 г., результатомъ коей было принятіе новаго «устава правленія», извѣстнаго подъ названіемъ «конституціи 3 мая». Разсмотрѣніемъ этого законодательнаго памятника, поскольку онъ касается организаціи политическихъ властей, мы и закончимъ нашъ очеркъ, оставляя за собой право вернуться къ болѣе подробному обзору реформъ четырехлѣтняго сейма въ другомъ очеркѣ.

Приведемъ по возможности дословно тѣ статьи конституціи 3 мая, которыя имѣютъ отношеніе къ нашему предмету [70]), отмѣтивъ курсивомъ наиболѣе важныя мѣста:

[65*]) Tylko dwa stany, t. j. dziedzice ziemscy i miejscy składać u nas powinni majestat rządu. Jzba miejska niech się nazywa Jzbą Niższą, Jzba ziemska wyższą. *Listy, Anonyma do St. Małachowskiego.* 1788. III, 200—201.

[66]) Miasta powinny reprezentantów posiadać. *Myśli polityczne dla Polski.* Warszawa. 1789.

[67]) *Korzon.* II, 339.

[68]) *Ibid.*, II., 340—345.

[69]) *Kalinka.* I, 593 sq. II, 615 sq. *Korzon.* II, 348 sq. *Костомаровъ.* I, 432 sq.

[70]) Пользуемся готовымъ переводомъ *Костомарова* на стр. 460—473 перваго

«II. Уважая память предковъ нашихъ, какъ учредителей свободнаго правленія, мы утверждаемъ шляхетскому сословію всю свободу, льготы, *преимущества и первенство* въ частной и общественной жизни, въ особенности всѣ права, постановленія и привилегіи, справедливо и законно дарованныя этому сословію,.... утверждаемъ, упрочиваемъ и признаемъ ненарушимыми.. . признаемъ шляхту первѣйшею охранительницею вольности, и ей, какъ единой твердынѣ отечества, поручаемъ святыню настоящей конституціи»....

«V. Всякая власть въ человѣческомъ обществѣ исходитъ изъ воли народа. Чтобы цѣлость государства Рѣчи Посполитой, гражданская свобода и общественный порядокъ оставались въ равновѣсіи, правительство польскаго народа, по волѣ настоящаго сейма, должно состоять изъ трехъ властей, то-есть: законодательной въ собранныхъ чинахъ, исполнительной въ королѣ и «стражѣ», и судебной въ юрисдикціяхъ, учрежденныхъ для этой цѣли или долженствующихъ быть учрежденными».

«VI. Сеймъ или собранные чины раздѣляются на двѣ избы—посольскую и сенаторскую подъ предсѣдательствомъ короля».

«Посольская изба, *какъ выраженіе и средоточіе народнаго всевластія*, должна быть святынею законодательства. Поэтому въ посольской избѣ будутъ первоначально рѣшаться всѣ проекты 1) законовъ вообще, то есть конституціонныхъ, гражданскихъ, уголовныхъ и касающихся установленія постоянныхъ податей, и по этимъ предметамъ *предложенія, отъ трона воеводствамъ, землямъ и повѣтамъ поданныя на разсмотрѣніе и представленныя избѣ въ посольскихъ инструкціяхъ*, должны быть рѣшаемы прежде другихъ; 2) проекты сеймовыхъ опредѣленій, касающихся всѣхъ остальныхъ вопросовъ, «между которыми первенство въ порядкѣ разсмотрѣнія принадлежитъ предложеніямъ, обращеннымъ къ избѣ отъ королевскаго трона».

«Обязанности сенаторской избы, составленной изъ епископовъ, воеводъ, каштеляновъ и министровъ подъ предсѣдательствомъ короля,... таковы: 1) каждый законъ, который, *по формальномъ прохожденіи чрезъ посольскую избу, долженъ немедленно быть посылаемъ въ сенатъ*, или принимать, или задерживать для дальнѣйшаго народнаго обсужденія, указаннаго въ законѣ о большинствѣ голосовъ, и въ первомъ случаѣ принятіе закона будетъ давать ему силу и святость, а въ послѣднемъ *задержаніе остановитъ его дѣйствіе до будущаго ординарнаго сейма*, и если на послѣднемъ состоится вторичное согласіе, то пріостановленный законъ долженъ быть принятъ сенатомъ; 2) каждое сеймовое опредѣленіе по вышеизложеннымъ предметомъ, которое посольская изба немедленно должна посылать сенату, вмѣстѣ съ посольскою избою рѣшать большинствомъ голосовъ. Соединенное, закономѣрное большинство голосовъ обѣихъ избъ будетъ приговоромъ и волею чиновъ».

. . . .

«*Долженъ всегда существовать готовый сеймъ*. Законодательный и ординарный сеймъ долженъ возобновляться каждые два года и продол-

---

тома «Послѣднихъ годовъ Рѣчи Посполитой» (по 3 изд.), хотя мѣстами и нельзя назвать переводъ этотъ подстрочнымъ.

жаться сообразно содержанію закона о сеймѣ. Готовый сеймъ, созванный по мѣрѣ настоятельной надобности, будетъ дѣлать постановленія только о такихъ предметахъ, по поводу которыхъ онъ созванъ, или о такихъ нуждахъ, которыя встрѣтились послѣ его созванія».

. . . .

«Утверждаемъ торжественно законъ о сеймикахъ, установленный въ настоящемъ сеймѣ, какъ самую дѣйствительную основу гражданской свободы».

«Какъ въ законодательствѣ всѣ не могутъ участвовать, и народъ изображаетъ себя черезъ своихъ представителей или пословъ, добровольно выбранныхъ, то мы установляемъ, что выбранные на сеймикахъ послы, сообразно настоящей конституціи, въ дѣлахъ законодательства и всякихъ народныхъ потребностей вообще, *должны быть уважаемы, какъ представители цѣлаго народа*, образуя собою средоточіе общаго довѣрія».

«*Все вездѣ должно быть рѣшаемо большинствомъ голосовъ*, а потому liberum veto, всякаго рода конфедераціи и конфедераціонные сеймы, какъ противные духу настоящей конституціи, ниспровергающіе правительство и разстраивающіе общество, уничтожаются навсегда».

. . . .

«VII. Совершеннѣйшее правленіе не можетъ существовать безъ сильной исполнительной власти»,. .. а потому «высшую власть исполненія законовъ мы передаемъ королю съ совѣтомъ, который будетъ называться стражею (straż) законовъ».

. . . .

Исполнительная власть не можетъ установлять законовъ, *толковать ихъ* и т. д.

. . . .

Особа короля священна и неприкосновенна. Онъ самъ собою ничего не дѣлаетъ, а потому *и не отвѣтственъ передъ народомъ* ни за что....

. . . .

.... Королю принадлежитъ верховное распоряженіе вооруженными силами и наименованіе командировъ войска, *однако съ свободою смѣны ихъ по волѣ народа*,—право.... назначать должностныхъ лицъ, епископовъ, сенаторовъ, сообразно закону, а также и министровъ, какъ первыхъ дѣятелей исполнительной власти».

Стража состоитъ изъ примаса, пяти министровъ (полиціи, юстиціи, военнаго, финансовъ и иностранныхъ дѣлъ) и двухъ секретарей, но безъ рѣшающаго голоса.

. . . .

«Сеймовой маршалокъ, избранный на два года, будетъ входить въ число засѣдающихъ въ стражѣ, но безъ участія въ резолюціяхъ, единственно на случай созванія готоваго сейма: если бы онъ сознавалъ крайнюю необходимость созвать сеймъ, а король противился этому, то онъ долженъ разослать посламъ и сенаторамъ циркулярныя письма, *приглашая ихъ собраться на готовый сеймъ* и изложить имъ поводы такого созванія»....

«Всѣ резолюціи въ стражѣ будутъ производиться въ упомянутомъ выше составѣ. Королевское рѣшеніе, по выслушаніи всѣхъ мнѣній,

должно имѣть перевѣсъ, *дабы существовала единая воля въ исполненіи законовъ*.... Въ случаѣ, если бы ни одинъ министръ не хотѣлъ подписать рѣшенія, король откажется отъ него, а если бы онъ упорствовалъ, то сеймовой маршалокъ долженъ просить о созваніи готоваго сейма, и если король будетъ откладывать созваніе, самъ созоветъ его».

«*Назначеніе всѣхъ министровъ*, какъ и призваніе ихъ.... въ стражу *принадлежитъ королю*. Министръ призывается къ засѣданію въ стражѣ на два года, но король можетъ подтвердить его и на долѣе»....

«Въ случаѣ, если бы большинство двухъ третей секретныхъ голосовъ соединенныхъ избъ сейма *пожелало перемѣны министра* или въ стражѣ, или въ его должности, король немедленно долженъ назначить на его мѣсто другаго»....

Стража законовъ отвѣтственна за всякое ихъ нарушеніе. *Чины* простымъ большинствомъ *имѣютъ право предавать ихъ сеймовому суду*.

Въ зависимости отъ стражи назначаются исполнительныя коммиссіи (эдукаціонная, полиціи, войска и скарбовая). «Коммиссары въ эти коммиссіи *будутъ избраны сеймомъ* для отправленія своихъ должностей въ продолженіе времени, указаннаго закономъ».

. . . .

VIII. . . . .

«Кромѣ судовъ въ гражданскихъ и уголовныхъ дѣлахъ, для всѣхъ сословій будетъ учрежденъ *верховный судъ, называемый сеймовымъ*, гдѣ будутъ засѣдать особы, выбранныя при каждомъ открытіи сейма. Этотъ судъ будетъ судить преступленія противъ народа и короля или государственныя (crimina status)».

. . . .

IX. Въ случаяхъ необходимости назначить регентство (малолѣтство, умопомѣшательство и плѣнъ короля), «примасъ польской короны обязанъ немедленно созвать сеймъ, а если бы примасъ уклонялся отъ этой обязанности, то *сеймовой маршалокъ разошлетъ окружныя письма* къ посламъ и сенаторамъ. Готовый сеймъ учредитъ очередь засѣданія министровъ въ регентствѣ и уполномочитъ королеву заступить мѣсто короля въ его обязанностяхъ». Въ концѣ «регентство обязано дать отчетъ о своей дѣятельности и отвѣчать передъ народомъ на ординарномъ сеймѣ».

X. Сейму принадлежитъ надзоръ за воспитаніемъ королевскихъ сыновей.

Вотъ всѣ тѣ статьи «устава» 3 мая цѣликомъ или въ отрывкахъ, которыя касаются сейма. Если четырехлѣтній сеймъ, съ одной стороны, и произвелъ нѣкоторыя реформы по отношенію къ сеймикамъ (между прочимъ, устраненіе съ нихъ «голоты»), а съ другой, и допустилъ на сеймъ мѣщанскихъ депутатовъ, то все таки онъ не рѣшился уничтожить односословность посольской избы и, такъ сказать, не подчеркнулъ того положенія, что посольская изба не должна быть конгрессомъ пословъ съ суверенныхъ сеймиковъ. «Шляхетская, земская, поземельная собственность, говоритъ проф. Павинскій, сохраняла свою старую привилегію. Городскія владѣнія, капиталъ не пре-

обрѣли представительства въ сеймикѣ. Мѣщане не получили мѣста и голоса въ сеймиковыхъ собраніяхъ. Такимъ образомъ въ этомъ отношеніи новая реформа не сдѣлала ни единаго шага впередъ, удержавшись по старому на почвѣ шляхетской привилегіи. Но и въ другихъ отношеніяхъ, продолжаетъ историкъ сеймиковаго правленія, преобразованіе сеймиковъ не шло особенно глубоко и не представляло переворота въ принципахъ. По старому оставлялись сеймиковыя инструкціи, по старому сохранялось обсужденіе предложеній, присылавшихся отъ короля и отъ стражи. И хотя всѣ пункты инструкціи должны были постановляться большинствомъ голосовъ, хотя и на сеймахъ должно было рѣшать такое же большинство, однако разсмотрѣніе пропозицій на сеймикѣ, голосованіе, обнаруженіе большинства должно было быть какъ-бы предрѣшеніемъ вопроса, которое стало бы стѣснять свободу воеводскихъ пословъ, собранныхъ на вальномъ сеймѣ» [71]). Другими словами, конституція 3 мая сохранила за сеймомъ обѣ тѣ особенности, о которыхъ вообще говоритъ первая глава настоящаго очерка и исторіи возникновенія которыхъ посвящены главы II и III: допущеніе на сеймъ мѣщанскихъ депутатовъ по закону 14 апрѣля и уничтоженіе *liberum veto* конституціей 3 мая были въ этомъ отношеніи единственными уступками духу времени и очевидной необходимости. Гораздо болѣе измѣненій произведено было въ тѣхъ отношеніяхъ, которыя мы разсматривали въ главѣ IV нашего очерка [72]), но начало этихъ измѣненій было положено еще установленіемъ «постояннаго совѣта». Наконецъ, нельзя не упомянуть о томъ, что въ періодъ 1764—1795 гг. въ Польшѣ не было сорвано ни одного сейма, хотя не всѣ они были конфедерированные, и въ этомъ нельзя не видѣть начинавшагося возрожденія Рѣчи Посполитой.

---

71) *Pawiński*, 414—415.

72) Отмѣчаемъ раздѣльное разсмотрѣніе законовъ въ посольской избѣ и сенатѣ, право сената останавливать рѣшенія посольской избы, учрежденіе «стражи», право маршалка созывать сеймъ, право сейма смѣщать министровъ, и пр. Впрочемъ, раздѣльное разсмотрѣніе было только предварительное, а голосовать сенаторы и послы должны были вмѣстѣ, какъ и прежде. Поэтому и по конституціи 3 мая, какъ замѣчаетъ одинъ историкъ, «двѣ палаты были собственно одною». *Фр. фонъ-Смиттъ.* Суворовъ и паденіе Польши. Спб. 1867. II, 171.

ДОБАВЛЕНІЯ.

Къ стр. 3—4. О сочиненіи проф. Павинскаго «Rządy sejmikowe w Polsce» мы помѣстили особую замѣтку въ іюньской книгѣ *Вѣстника Европы* за 1888 г. подъ заглавіемъ «Новый трудъ по внутренней исторіи Рѣчи Посполитой».

Къ стр 4—5. Укажемъ еще на слѣдующіе извѣстные намъ дневники сеймовъ: Dyaryusze sejmowe r. 1587. Sejm konwokacyjny i elekcyjny, wyd. *dr. Aug. Sokołowski* (Scriptores rerum polonicarum, IX). Kraków. 1887.—Отрывки изъ дневника польскаго сейма 1605 г., относящіеся къ смутному времени (Русск. истор. библіотека, изд. археографич. коммиссіей. Спб. 1872 I).

Къ стр. 5. О сеймахъ см. еще: *Braun*. De comitiis regni poloni.— *Bentkowski*. De vicissitudinibus comitiorum.

Къ примѣч. на стр. 6. О политической литературѣ четырехлѣтняго сейма см. еще *Wł. Smoleński*. Kuźnica Kołłątajowska. Kraków. 1885.

Къ примѣч. на стр. 22. *Г-нъ Стороженко* составилъ томъ сеймиковыхъ постановленій, служащій продолженіемъ тому, изданному *проф. Иванишевымъ* (Архивъ юго-западной Россіи. Кіевъ. 1888). Подобный матеріалъ заключаетъ въ себѣ и IV томъ «Актовъ, издаваемыхъ виленскою археографическою коммиссіею». Вильна. 1870. Укажемъ еще на собранныя *Фр. Ключицкимъ* «Lauda sejmików ziemi Dobrzyńskiej» въ X томѣ издающихся исторической коммиссіей краковской академіи наукъ «Aktów historycznych do objaśnienia rzeczy polskich służących». 1887.